

Евгений Лотош

Корректор

Книга вторая. Птенцы
соловьиного гнезда

ЕВГЕНИЙ ЛОТОШ

**Корректор. Книга вторая.
Птенцы соловьиного гнезда**

«Автор»

2009

Лотош Е. В.

Корректор. Книга вторая. Птенцы соловьиного гнезда /
Е. В. Лотош — «Автор», 2009

Детство, даже самое теплое и безмятежное, когда-то заканчивается. И рано или поздно птенцам приходит время выпархивать из гнезда в окружающий мир. Твоя семья никуда не исчезла, и тебе всегда есть где найти сочувствие и опору, но этот мир холоден и равнодушен. И никто, кроме тебя самого, не сможет проложить тебе дорогу в жизни. Чудо-ребенок, она привыкла к уединению своей комнаты и тихой безвестности задних рядов университетских аудиторий. Чудовищный демон, божественный дар и божественное проклятье, скован у нее внутри могучими цепями и не ведает свободы. Лишь самые близкие знают о сжигающем чувстве старой вины, грызущем ее душу...

© Лотош Е. В., 2009

© Автор, 2009

15.11.849, огнедень. Оканака, штаб-квартира компании «Визагон»

Невесомый футляр с картой памяти оттягивал внутренний карман пиджака, словно полновесная гирия. Под его тяжестью ворот давил на шею, как веревка с привязанным камнем тянет под воду самоубийцу. Биката поежился. Все. Если он сейчас же не откажется от своего плана, дорога назад отрезана. В лучшем случае его ждет увольнение с громким скандалом. В худшем – еще и неподъемный иск о возмещении материального ущерба, а возможно, даже обвинение в промышленном шпионаже и уголовное преследование. Он скосил глаза. Калайя спокойно сидела рядом с ним, пристегнутая ремнем безопасности. Заметив его взгляд, она доверчиво улыбнулась.

Биката отчаянно сжал руль. Он знает, ради чего рискует. Он не может допустить, чтобы его лучшее творение стерли и разобрали на запчасти, потому что какому-то надутому индюку власть в голову ударила. Он должен спасти Калайю. Инженер резко выдохнул и вдавил кнопку стартера.

Мотор заработал с легким урчанием. Биката постарался придать взгляду безмятежно-усталое выражение. Ничего особенного, сказал он себе. Просто молодой сотрудник корпорации, заработавшийся до утра, внезапно вспомнил, что иногда следует и домой возвращаться. Он специально несколько раз задерживался в лабораториях до глубокой ночи, приучая охрану к мысли, что поздний уход с работы для него не является чем-то из ряда вон выходящим. Оставалось лишь надеяться, что предупреденная вялость на пару с привычкой помогут ему скормить охране насквозь дырявую версию.

Он пристегнулся, тронулся с места и несколько минут выруливал к выходу, лавируя по почти не освещенной сейчас подземной стоянке. Наконец впереди забрезжили лампы у выезда. Он притормозил у будки охранника, опустил стекло и коротко просигналил. Сонный охранник выбрался со своего места и, широко зевая, подошел к машине.

– Поздновато ты сегодня, господин Биката, – проговорил он, деликатно прикрывая рот ладонью. – Или лучше сказать – рановато?

– Да как получается, господин Газари, – постарался как можно естественнее улыбнуться ему инженер. – Тут ведь как: утром сядешь за терминал, поработаешь чуток, бросишь взгляд на часы – а уже полночь.

– У меня обычно наоборот, – снова зевнул охранник. – Накануне выходного сядешь в кресло, откупишь бутылочку пива, чуток глотнешь – а уже на работу пора. Что там у тебя, кукла? Опять натаскивать повез?

– Угу, – кивнул Биката. – Совсем забыл, уже три дня не занимался обучением. Достала она меня. Днем опять придется по городу пешком мотаться, газами дышать, чтобы ей натуральный урок устроить. Простого лаборанта для сопровождения достаточно, но ведь нет – начальство требует, чтобы именно разработчики корячились. Только они вроде как сумеют адекватно обучать свои творения. Теоретики недобитые...

– Ну, начальству виднее, – философски заметил охранник. – На то оно и начальство. Разрешение на вывоз с территории где?

– Так у тебя же в базе должно лежать! – натурально изобразил удивление инженер. – Ну, или у меня где-то здесь завалилось...

Он порылся в бардачке и вытащил оттуда бумагу. Протягивая ее охраннику, он постарался как бы случайно прикрыть большим пальцем трехдневной давности дату.

– А, ну да, помню, – махнул рукой охранник. – Проезжай, господин Биката.

Он побрел обратно в будку, и несколько секунд спустя створки ворот, дрогнув, поползли в стороны. Биката едва сдержался, чтобы не утопить педаль газа до пола. Спокойно. Спокойно. Уже все. Первая часть плана сработала. Осталось только внести ма-аленький, но позарез необходимый штришок. Лишь бы не переиграть...

Он резко, но не слишком прижал педаль газа и одновременно дернул джойстик вбок, после чего резко утопил тормоз. Машина, вильнув, клюнула носом и, взвизгнув тормозными колодками, встала. Встревоженный охранник выскочил из своей будки и подбежал к машине.

– Эй, господин Биката! – осведомился он. – Ты что? Ты в порядке?

Инженер посмотрел на него осоловелым взглядом и широко зевнул.

– Извини, – сказал он. – Что-то глаза слипаются, мочи нет бороться.

– Может, лучше такси вызвать? – предложил охранник. – Еще въедешь куда-нибудь не туда в таком состоянии.

– Да нет, все нормально. Доеду потихоньку. Улицы пусты, таранить некого.

– Ну, смотри. А лучше все-таки такси...

Помотав головой, Биката аккуратно тронулся с места и на сей раз без происшествий вырулил из подземного гаража на улицу. Когда наблюдающий за ним охранник остался позади, он позволил себе немного расслабиться. Так, теперь вторая часть плана.

Подходящий поворот он приметил уже давно. Сначала он просто обратил внимание на опасное место, где при определенном стечении обстоятельств вполне можно остаться без головы. Здесь дорога резко сворачивала влево, что отмечали предупреждающие знаки, а металлический барьер тянулся по верху довольно крутого обрыва, внизу которого громоздились поросшие деревьями валуны. Крайняя стойка барьера была выворочена из земли вместе с бетонным основанием: вероятно, когда-то что-то тяжелое протаранило ее, а починить позабыли. Теперь тут зияла дыра, вполне достаточная для машины. И сегодня ночью обрыву предстояло стать сценой для второго акта тщательно спланированного представления.

Он свернул во двор многоквартирного дома и заглушил мотор.

– Калайя, пожалуйста, выйди из машины, – приказал он.

– Да, Биката, – согласилась чоки. Она отстегнула ремень безопасности, открыла дверцу, выбралась и замерла рядом. Биката поймал себя на том, что даже сейчас критически наблюдает за ней, выискивая огрехи. Чоки двигалась практически идеально, и даже ее неподвижность казалась неподвижностью человека, а не манекена: едва уловимые глазом колебания тела, микроскопические смещения конечностей, периодический перенос тяжести тела с ноги на ногу, работа мимических псевдомышц лица... Неангажированный наблюдатель вряд ли заподозрил бы, что имеет дело с киборгом. Инженер вылез сам и подошел к соседней машине.

Конечно, брать вторую машину напрокат по собственному паспорту рискованно. Если начнется тщательное расследование, это немедленно вскроется. Но в случае тщательного расследования он и так погорит на тысяче тысяч мелочей. Его надежда в одном: чтобы расследование просто не началось. По крайней мере, до того, как он исчезнет из Оканакки.

Он открыл багажник арендованной машины и с напряжением вытащил из него девицу-чоки, купленную в каком-то окраинном магазине за наличные неделю назад. Волоча ее ноги по земле, он подтащил ее к своей машине и с натугой упибал на переднее пассажирское сиденье. Потом он повернулся к Калайе.

– Эта машина – моя, – он показал на арендованный автомобиль. – Вот ключ. Ты должна использовать ее, чтобы добраться до моего дома. Веди машину, как я учил. Чтобы открыть и закрыть дверь гаража, используй код за номером три. Помести машину в гараж, дистанционно закрой дверь гаража, ожидай меня, не выходя из машины. Если я не появлюсь до конца завтрашнего дня, свяжись с лабораторией и сообщи о своем местонахождении. На вызовы из лаборатории не отвечать... вообще свой коммуникатор деактивируй. Понятно?

– Биката, я не понимаю, – качнула головой Калайя. – Ты сам говорил, что искинам запрещено управлять автомобилями без присмотра человека.

– Я ошибся. Удали данное утверждение как ложное. Остальное понятно? Переформулируй своими словами.

– Коммуникатор деактивирован, ложное ограничение стерто, алгоритм действий сформирован, – кивнула чоки. – Добраться на автомобиле до твоего жилья, подчиняясь стандартным правилам дорожного движения и не превышая скорости в пятьдесят верст в час, открыть гараж, используя третий замочный код, поместить туда машину, закрыть дверь гаража, ожидать тебя, не выходя из машины, до нуля часов семнадцатого одиннадцатого восьмьсот сорок девятого, после чего связаться с лабораторией. Все правильно, Биката?

– Да, Калайя. При необходимости используй для подзарядки автомобильный аккумулятор. Зарядный кабель под водительским сиденьем. Все, действуй.

– Да, Биката, – чоки, однако, не двинулась с места. – Можно задать вопрос?

– Не время для вопросов, милая. Разве что очень быстро.

– Я не понимаю цели алгоритма. Он не соответствует известным мне шаблонам. Разве мы сегодня не едем изучать город?

– Сегодня... вернее, в ближайшие несколько дней мы едем с тобой изучать целый мир, – улыбнулся ей инженер. – Но пока что мы играем в новую игру. Она называется «пусти пыль в глаза». Я потом объясню правила. А пока что – выполняй команду.

Проводив взглядом до арки арендованный автомобиль с Калайей, инженер опустился на водительское сидение своей машины. Быстрыми движениями он извлек из-под сиденья программатор, размотал шнур и воткнул коннектор в спинной разъем чоки на соседнем сиденье. Он даже не активировал куклу – незачем. Все, что нужно – прошить в «бусину» правильные идентификаторы на случай последующей экспертизы. Возможно, она и не уцелеет, но в плане и без того слишком много прорех, а эта дыра самая очевидная и вероятная. Лишнюю минуту он себе может позволить потратить. Вставив карту памяти в программатор, он несколько секунд стучал стилем по дисплею. Коротко пискнуло: процедура программирования завершилась. Он отключил программатор, смотал шнур и на всякий случай бросил взгляд за заднее сиденье. Заполненная на две трети канистра с бензином стояла там же, куда он засунул ее сегодня... нет, уже вчера утром. Ну да, такой вот он чайник: возит запасную канистру прямо в салоне. Да, господин полицейский, я знаю, что против правил, но как-то не подумал. Да, господин полицейский, я понимаю, что опасно. Да, господин полицейский, я осознаю, что страховая компания в случае чего не выплатит мне страховку. Да, господин полицейский, я знаю, что сам буду виноват, но я обязательно исправлюсь... Даже если кто-то и полезет внутрь разорванной взрывом паров бензина канистры, вряд ли он обратит внимание на стеклянное крошево – все, что останется от самодельного химического детонатора.

Ну что, братцы, время финального представления.

До зловещего поворота он добрался за пять минут. Быстрый взгляд в зеркало заднего вида: никого. Ни одна искорка фар не мелькает неподалеку в осенней ночной темноте, не отражается в мокром асфальте дороги. Он вырулил так, что машина смотрела носом точно в дыру в ограждении, приоткрыл дверь и утопил педаль газа. Автомобиль сорвался с места и прыгнул вперед. Когда колеса вгрызлись в песок обочины, а до чернеющего в свете фар провала осталось не более сажени, инженер толкнул дверь и вывалился в проем. Земля больно ударила его сразу со всех сторон, запястье левой руки обожгла острая боль. Громко заскрежетало – край ограды обдирает с бока машины краску. На мгновение он испугался, что машина застрянет, но обошлось – зависнув на краю, она медленно наклонилась и соскользнула в обрыв. Парой секунд позже раздался тяжелый удар, а сразу за ним – взрыв: детонатор сработал так, как и задумано.

Биката с трудом поднялся на ноги. Его качало: удар о землю оказался куда сильнее, чем он предполагал. Он доковылял до обрыва и заглянул вниз, опираясь на ограждение. Машина весело полыхала в ночной темноте, к непроглядно-черному небу радостно летели искры. Превосходно. Пять минут такого пламени – и ни один эксперт даже при самом тщательном обследовании не сможет доказать, что полурасплавленный скелет и обгорелые микросхемы не при-

надлежат чоки Калайе, инвентарный номер восемь три пять пять. Увы, корпорация «Визагон» только что понесла убыток в пятьдесят с лишним миллионов маеров.

Вот и конец его карьере инженера-разработчика. Сегодня или завтра его как проявившего недопустимую халатность в обращении с лабораторным оборудованием и лишь чудом оставшегося живым после того, как заснул за рулем, с треском вышибут на улицу. И тогда перед ними с Калайей откроется целый мир. И он сможет учить ее всему, чем только пожелает, не опасаясь, что завтра очередной тупой администратор прикажет разобрать на запчасти недопустимо дорогой прототип.

Рано или поздно он сумеет развить в ней настоящую личность, и тогда она наверняка полюбит его. Полюбит так же крепко, как он любит ее.

Он сел прямо на сырую землю, оперся спиной на ограждение, вытащил пелефон и вызвал службу спасения.

22.11.849, перидень. Крестоцин, Первая городская больница

– Доктор Кулау, к вам посетительница, – глубокое контралято секретарши, прозвучавшее через интерком, заставило встрепенуться заведующего хирургическим отделением и по совместительству главврача. Свинцовая усталость сковывала тело, а основание черепа потихоньку начинало ломить. Он ненавидел осень. Именно на исходе года его мигрени усиливались до безобразия, а возраст давал о себе знать особенно сильно. Седьмой десяток лет – не шутка, особенно на такой нервной должности. А уж первый день недели – просто кошмар какой-то.

Он со вздохом отложил в сторону распечатку статьи из «Современной медицины», в которую безуспешно пытался вчитаться последние десять минут, и нажал кнопку:

– По какому вопросу?

В глубине души он понадеялся, что неизвестную визитершу можно отфутболить куда-то дальше. Впрочем, кто сказал, что надежды сбываются? Обеденный у него перерыв или, скажем, полуночный сон, никого не волнует. Почему-то все полагают, что его время принадлежит кому угодно, кроме него самого.

– Госпожа Карина Мураций утверждает, что по поводу интернатуры, – не замедлила вдребезги разбить его надежды секретарша. Доктор Кулау вздохнул и буркнул:

– Пусть войдет.

Несколько секунд спустя дверь распахнулась, и в его кабинет вошла молодая девушка с большой дорожной сумкой на правом плече. Невысокая, худощавая, лет пятнадцати-шестнадцати на вид, со скорее мальчишеской фигурой, с короткой стрижкой и лицом типичной южанки – смуглая кожа, высокие скулы, узкие глаза, слегка приплюснутый нос с горбинкой. Если бы не небольшая грудь и поблескивающие в ушах точки простеньких сережек, ее вполне можно принять за мальчика-подростка. Одежду девица выбрала явно не по погоде – на ней красовались шорты, легкая блуза с коротким рукавом и сандалии-босоножки, и сейчас ее влажную от дождя кожу покрывали зябкие пупырышки.

– Доктор Кулау Цмирк, – произнесла она певучим южным выговором, характерно огрубив слог «ла». Затем она поставила сумку на пол и поклонилась по всем правилам классической женской вежливости: руки сложены в районе бедер, спина прямая, глаза опущены долу. – Я – Карина Мураций. Чрезвычайно рада знакомству. Прошу благосклонности. Я благодарна тебе за согласие принять меня в интернатуру и верю, что не подведу.

– Радость взаимна, – буркнул заведующий отделением. – Благосклонность пожалована. Присаживайся, госпожа Карина, – он ткнул пальцем в сторону стула. – И будь проще – в наших краях не принято говорить так многословно. Что-то ты одета легко. Дождь на улице.

– Да, – согласилась девушка, усаживаясь. – Дождь. И холодно. Я только что из аэропорта. У нас осенью гораздо теплее, а прогноз погоды посмотреть я не догадалась. Я впервые так

далеко за пределами Масарии... в сознательном возрасте, так что еще не научилась путешествовать правильно.

– Случается, – кивнул доктор. – Не забывай, у нас зимой и снег ложится, пусть и ненадолго. Заранее позаботься о теплой одежде. По-настоящему теплой. Но что же ты сразу сюда? Где собираешься устроиться?

– После завершения формальностей я собираюсь найти гостиницу. Надеюсь, что кто-нибудь подскажет мне подходящее заведение. Потом я подберу себе съемную квартиру.

– Учти, молодая госпожа, что аборигены обычно плохо понимают в местных отелях, – хмыкнул доктор. – Я, по крайней мере, точно не разбираюсь. Кстати, ты понимаешь, что Крестоцин – большой, а потому довольно дорогой город? Даже на плохонькую однокомнатную квартиру уйдет все твое жалование интерна. Как правило, интерны-первогодки практику у нас проходят только местные, иногородних очень мало.

– Отец считает, что я должна пройти по крайней мере первую практику далеко от дома. Он выделил мне деньги на съем квартиры.

– Хорошо, когда родители могут помогать детям. Ну ладно, давай перейдем к делу. Итак...

Заведующий отделением замолчал. Только сейчас он осознал, что за неделю так и не удосужился прочитать документы, приложенные к заявке. Он подписал ее не глядя, несмотря даже на неурочное время: обычно новые интерны обеих ступеней появлялись в больнице после зимних праздников. Но сейчас отделение как раз испытывало острую нехватку младшего персонала, который совершенно определенно предпочитал высокое жалование частных клиник престижу государственного госпиталя, так что зимников ждать не с руки. Дошло до того, что на прошлой неделе доктор Лассара едва не осталась без ассистента во время экстренной операции, когда неожиданно заболела ее постоянная операционная сестра. Так что лишняя пара рук им точно не помешает, пусть даже только до нового года. Странно только, что она так молодо выглядит для студентки-старшекурсницы.

– Прошу прощения, госпожа Карина, – извиняющимся тоном произнес он. – Я сейчас освежу материалы в памяти.

Кулау активировал терминал и пару минут копался в папке входящих документов, пытаясь понять, куда засунул нужный пакет. Найдя его, наконец, он открыл резюме и побежал по нему глазами. Впрочем, термин «побежал» в данном случае оказался малоприменим, потому что переклинило его уже на третьей строке.

– Тебе только девятнадцать лет? – потрясенно спросил он, глядя на дату рождения, даже позабыв сделать вид, что видит ее не впервые.

– Меньше чем через неделю исполнится двадцать, – вежливо сообщила девушка. – Уверю тебя, доктор Кулау, мой возраст не является проблемой.

– Но... Как ты смогла закончить пять курсов медицинского факультета за два с половиной года?

– За три с половиной, – поправила его девушка. – Даже больше. Я сдала последний экзамен лишь неделю назад. Это... не так важно, господин Кулау. Я поступила в университет в шестнадцать и занималась по индивидуальной программе. Далее в резюме имеется список сданных мной теоретических курсов и практических работ.

– Очень неплохо, молодая госпожа, – пробормотал Кулау, просматривая документ. – Ни одной отметки ниже восьмидесяти пяти! Прости мне мой скепсис, но я, если честно, впервые вижу человека, умудрившегося набрать нужные курсы с такой скоростью и с такими баллами. А я немало повидал интернов на своем веку. Ты так молода...

– Как говорит папа, молодость – недостаток, который проходит слишком быстро, – в короткой открытой улыбке блеснула зубами девушка. – Так сложилось, что я... долго болела

в детстве, и потом мне пришлось нагонять школьную программу. А потом я просто привыкла быстро учиться. Ой...

Сумка на полу задергалась, и из нее донеслось тихое верещание.

– Прости, доктор Кулау, – лицо Карины покрылось румянцем смущения. – Познакомьтесь с Парсом, моим зоки...

– Кем? – поразился заведующий.

– Зоки. Я сама слово придумала. Ведь если есть чоки, человекообразный киборг, то должен быть и зверообразный киборг. Значит – зоки. Можно, я пока выпущу его из сумки? Он тихо посидит на подоконнике и ничуть не помешает!

– Ну, выпускай своего... зоки, – Кулау подозрительно посмотрел на сумку. Карина благодарно кивнула и расстегнула застежку.

Первой из сумки появилась голова. Она очень напоминала бы кошачью мордочку, если бы не огромные лопухие уши, подрагивающие, словно тарелки радиолокаторов. Вслед за головой вынырнуло тело – приземистое, шестиногое, с коротким пушистым хвостиком. Шерсть у зверька оказалась черной с белыми полосками, а в озорных желтых глазах виднелось по паре вертикальных щелевидных зрачков.

Покрутив головой, зверек спрыгнул на пол и замер посреди комнаты. Его ноздри настороженно раздувались.

– Парс, сидеть у окна – тихий режим – заряжаться светом, – полушепотом сказала ему девушка.

– Буду пайнкой, пойду перекушу воздухом, – забавным высоким голосом согласился зверек. Он скользнул по полу через комнату, одним ловким прыжком взмахнул на подоконник, улегся головой к стеклу и замер. Только уши продолжали ходить из стороны в сторону.

– Забавная игрушка, – пробормотал доктор. Все-таки какая она еще девчонка... Умница, небесное дитя, но девчонка. В куклы бы ей еще дома играть надо, а не лезть в кровь и грязь хирургического отделения.

– Его Лика программировал, – немного смущенно пояснила Карина. – Я сама не очень в таких вещах разбираюсь. Палек – мой сводный брат, он весной в университет поступил на инженерно-строительный.

– И что, ему хватает подзарядки от фотоэлементов? – полюбопытствовал доктор.

– Не совсем. Раз в три-четыре дня... ну, смотря сколько он на свету проводит, ему нужно к розетке подключаться. Но он умный, сам за батареей следит. Даже адаптер в розетку сам вставлять умеет. Доктор Кулау, а твоя секретарша – она чоки?

– Да, – скривился заведующий, – чоки. Один полоумный меценат подарил в благодарность за хорошо проведенную операцию. Лучше бы пару новых лазерных скальпелей нам купил за те же деньги.

– Но она очень хорошая чоки, – задумчиво сказала Карина. – Правдоподобная. Ее при невнимательном взгляде от человека отличить сложно. На улице даже я могла бы не заметить.

– Даже ты? – приподнял бровь заведующий.

– Ну... я наблюдательная, – как-то слишком быстро откликнулась девушка. – Господин Кулау, так я зачислена в интернатуру? Я должна выполнить какие-то формальности?

– Зачислена, – проворчал доктор. – На все пять периодов. Что на пять – хорошо, обычно первогодки больше чем на два-три периода не задерживаются и толком ничему научиться не успевают. Надо подумать, кого тебе в кураторы назначить. Завтра решу. Формальностей не требуется – приказ сегодня выпустят, при случае распишешься, и все.

– Спасибо, доктор Кулау! – кивнула Карина. – Какие операции меня поставят делать?

– Операции? – поразился Кулау. – Однако самоуверенности тебе не занимать! До самостоятельных операций интернов-первогодков вообще не допускают. Может, после шестого курса, когда устроишься в интернатуру второй ступени, году на втором в поликлинике доверят

что-нибудь простенькое, на конечностях... но никак не раньше. К сложным полостным операциям тебя допустят только после того, как получишь диплом специалиста и несколько лет поработаешь ассистентом оперирующего хирурга. Задача интерна первой ступени – привыкнуть к обстановке больницы. Утки из-под пациентов я тебя выносить не заставлю, конечно, но в целом ты сейчас скорее медсестра и санитарка, чем врач. перевязки, дежурства, обходы, подать-принести инструменты на операциях, чтобы к крови привыкала, все в таком духе.

– Но я привыкла к крови и грязи, – пожалала плечами девушка. – Я работала на каникулах санитаркой и младшей медсестрой в госпитале у нас в Масарии. Я много раз делала перевязки и даже зашивала порезы. Папа сразу предупредил меня, что если хочу стать врачом, то не должна ничем брезговать. Так что если надо, я могу и утки выносить, и за лежащими ухаживать.

– Да ты, молодая госпожа, и с места-то иного лежачего не сдвинешь, – фыркнул Кулау. – Хотя наличие у тебя опыта говорит, несомненно, в твою пользу. Но до операций ни я, ни куратор тебя не допустим, уж извини. Живое тело кромсать, знаешь ли, совсем другое, чем трупы в морге.

– Я работала с медицинской куклой. Не очень глубоко, но работала – переломы и травмы конечностей, некоторые полостные операции вроде вырезания аппендикса... Я даже малотравматическую холецистэктомию делала!

– Ого! – заведующий даже присвистнул. – Я и не знал, что в Масарийском университете есть медицинские куклы. Если не считать нашего, слышал только про Оканакский и несколько частных университетов.

– В Масарийском университете ее нет, – покачала головой Карина. – Папа оплатил мне практику в Барсании.

– У тебя понимающий и... весьма богатый отец, – заведующий задумчиво потер подбородок. – Это очень недешевое удовольствие, даже если не считать дорогу и проживание. Скажи, он у тебя врач?

– Ну... – девушка внезапно смутилась, и Кулау подозрительно посмотрел на нее. Что еще за секреты? – Не совсем. Он много чего знает, но он не врач. И он не богатый, просто хочет, чтобы я училась как можно лучше. Знаешь, – она неловко улыбнулась, – он мне и Парса купил совсем случайно. Я на него в витрине такими глазами посмотрела... А ведь он просто игрушка, даже регенерировать не умеет. Зато обучение папа оплачивает даже самое дорогое.

– Весьма похвальный подход с его стороны, – сухо сообщил Кулау. – Итак, молодая госпожа, считаем, что с твоим трудоустройством мы все утрясли. Я сегодня же переправлю в бухгалтерию приказ о твоём зачислении в первогодичную интернатуру. Завтра можешь не появляться – даю тебе день на акклиматизацию, все-таки другой часовой пояс. Послезавтра жду к семи утра. На утренней планерке представлю тебя коллективу, познакомлю с куратором, ну а дальше – рутина, к которой тебе не привыкать.

– Спасибо, доктор Кулау! – Карина одним изящным движением поднялась со стула, и заведующий только теперь оценил мускулистую тренированность ее обнаженных рук и ног и изящную уверенность движений миниатюрной фигурки. А ведь девочка наверняка училась в балетной школе или спортивным танцам. Да, хотел бы он в детстве иметь такого папашу, не жалеющего денег на обучение отпрысков! – Мне не нужно акклиматизироваться. Я появлюсь завтра в семь. Я... – она поколебалась, но потом выпалила: – Я хочу спасти жизни, доктор Кулау. Пусть хоть как, хоть медсестрой, но спасти. Я буду очень стараться!

Она снова формально поклонилась и скомандовала:

– Парс, идем в поход!

Зверек, про которого заведующий уже успел забыть, шустро спрыгнул с подоконника и нырнул в ее сумку. Она замкнула застежку, легко подхватила сумку и, улыбнувшись на прощание, вышла. Заведующий грустно улыбнулся ей вслед. Еще одна молодая девочка, наивная и горящая энтузиазмом, еще не привыкшая смотреть на пациента, как на кусок говорящего мяса,

от которого всего лишь следует как можно точнее отрезать лишнее. Сколько таких прошло через его кабинет! Из одних получались хорошие врачи, из других – середнячки или совсем никудышные, но все же – все же как приятно вспоминать их наивный энтузиазм, который так быстро смывает волна серых однообразных будней...

Он вздохнул, с сожалением посмотрел на отложенную статью и аккуратно отодвинул ее на краешек стола. Время. Обход больше оттягивать нельзя. Так, а вот кого же он назначит ее куратором?

Только когда за Кариной закрылись раздвижные двери больницы и порыв ветра занес под козырек над входом брызги ледяного осеннего дождя, она сообразила, что сгруппировалась. Следовало переодеться в каком-нибудь служебном помещении или, на крайний случай, в туалете. Местная погода – не больше плюс десяти с морозящим дождем и порывами влажного ветра – явно не одобряла одежду, в которой она погрузилась в самолет в «Птичьем гнезде». Девушка поежилась – похоже, если она не хочет простыть, придется кататься на такси. Опять непредвиденные расходы. Ну и сама дура. Сама бюджет поездки составляла и обосновывала. Хорошо еще папа, взглянув на ее выкладки, увеличил его в полтора раза. А она даже не удосужилась уточнить, какое ей положат жалование. Если оно вдруг окажется меньше запланированных пяти тысяч в неделю, ей придется туго.

Впрочем, такси имело смысл в любом случае. С будущими коллегами она не встретилась, гостиницу ей не посоветовали, так что нужен знающий советчик, в роли которого вполне может выступить и таксист. За все приходится платить – либо временем, чтобы изучить вопрос самостоятельно, либо деньгами, чтобы свое время потратил кто-то другой. Она вышла к дороге и подняла руку, отчаянно пытаясь удержать другой рукой одновременно сумку и зонт, причем не просто удержать, но еще и как-то прикрыться ими от порывов ветра. К счастью, такси подкатило почти сразу, и она, с облегчением закинув сумку на заднее сиденье, плюхнулась рядом с водителем.

– Куда, госпожа? – осведомился таксист.

– Мне нужна гостиница, – объяснила Карина. – Приличная, но недорогая. Можно даже студенческую, лишь бы не дороже тысячи за ночь.

– Вот как? – таксист почесал в затылке. – Ну, пожалуй, «Океан» подойдет. Правда, от центра далековато, зато трамвай рядом. За Вторым полукольцом – устроит?

– Давай попробуем, – согласилась девушка. – Если не понравится, поищем другую.

– Попробуем, – кивнул таксист и тронулся с места. – Издалека, госпожа?

– Из Масарии.

– Понятно. Похоже, впервые у нас, судя по одежке.

Карина неопределенно хмыкнула. Ей не очень-то хотелось поддерживать разговор. Перелет через три часовых пояса, да еще и в совершенно иной климат дался труднее, чем она предполагала. Голова гудела, заложенные после самолета уши никак не хотели продуваться, а в носу начинало потихоньку свербеть, так что она предпочла бы просто отогреться в тепле машины и немного отдышаться. Впрочем, словоохотливый таксист разительно отличался от молчуна, что вез ее из аэропорта, и в ее ответах не нуждался. Следующие полчаса, ловко лавируя в городских пробках на крутых кривых улочках, он подробно рассказал ей, кто она такая (прошлогодняя выпускница старшей школы, приехавшая поступать на краткие подготовительные курсы в университет), сколько чудес ее ожидает в Крестоцине (далее шикарных ночных клубов, модных магазинов и ресторанов его фантазия не продвинулась) и как здесь следует себя вести провинциалке (все города, кроме самого Крестоцина да еще, возможно, Оканаки, он относил к глухой провинции, где только что не на дзинриках ездят). На его попытку поинтересоваться, что она делала в больнице, девушка только изобразила задумчивую гримаску и махнула рукой, но он, кажется, даже не обратил внимания на ее реакцию. Вскоре она узнала также, как тяжело жить

таксисту в большом городе, какие жалкие гроши он зарабатывает, какая стерва у него жена, как дети и вообще молодежь совершенно отбились от рук, как обнаглела в последнее время дорожная полиция и, самое главное, как он сочувствует движению «Нормальных людей».

Здесь Карина насторожилась. В Масарии партия присутствовала лишь номинально (и Карина догадывалась, благодаря кому). Однако новостные ленты Сети в последние пару лет все чаще и чаще доносили до нее нехорошие заметки. «Нормальные люди» состояли из каких-то совершенно неменяемых личностей, требовавших законодательно ограничить права девиантов на выбор профессии, запретить им заводить детей, заставить всегда носить ошейники-блокираторы и чуть ли не ссылат в специально выгороженные резервации. Их мало кто принимал всерьез, но в последнее время сообщения об их диких выходках появлялись едва ли не каждый день. Они устраивали пикеты перед Ассамблеей, обливали коричневой краской квартиры, где жила молодежь с «особыми способностями», как их теперь начали называть, и всячески эпатировали общество публичными выступлениями. Период назад полиция в Оканаке даже арестовала двоих «нормальных», предъявив им обвинение в нападении на девианта. Бессознательного юношу нашли в парке избитым до полусмерти, но являлось ли происшествие ограблением, обычным хулиганством или же на самом деле выходкой «нормальных», оставалось неясным. Избитый обладал способностями пятой категории, с трудом сдвигал с места даже спичечный коробок, не обладал никакими дополнительными возможностями, так что к девиантам относился чисто формально. Сам он не помнил ничего, кроме внезапного сильного удара по голове.

Впрочем, узнать подробности о «нормальных» в Крестоцине она не успела. Лихо подрезав вальяжно движущийся лимузин, такси нырнуло в узкую улочку, по сторонам которой тянулись трех- и четырехэтажные дома, и подкатило к одному из них. Здание отличалось от соседних только вывеской, аляповато извещавшей, что в отеле «Океан» имеются свободные номера. Расплатившись с таксистом и с грустью удостоверившись, что кошелек в пелефоне облегчился на полновесных шестьсот с лишним маеров, она выбралась из такси, забрала сумку и двинулась ко входу.

– Так я минут пять здесь подожду, госпожа! – крикнул ей вслед таксист. – Ежели не понравится, возвращайся, поедем дальше искать!

Гостиница оказалась средней паршивости. Облупленные деревянные двери, истертый каменный пол полутемного холла, выцветшее, местами ободранное напыление стен, тускло горящие лампочки в старомодных люстрах с хрустальными подвесками, свисающих с потолка на толстых когда-то золоченых цепях... Типичная гостиница из разряда «для бедных». Однако холл выглядел чистым, вдоль стен стояло несколько неновых, но довольно приличных кресел, а девушка за стойкой регистратуры одарила Карину вполне профессиональной белозубой улыбкой.

– Рада приветствовать госпожу в нашем отеле, – уведомила она. – Чем я могу помочь?

– Комнату. Одноместный номер, пожалуйста.

– Одноместные номера стоят тысячу двести маеров в сутки. Завтрак – за отдельную плату. Могу я спросить, под каким именем записать госпожу?

– Э-э-э... – Карина задумалась. Дороговато, но сколько она здесь задержится – два дня, три? Ехать на такси в другой отель означает выбросить на ветер всю возможную экономию на более дешевом номере. А здесь хотя бы тихо.

– Могу предложить госпоже место в двухместном номере, – пришла на выручку девушка, правильно истолковав ее колебания. – Сейчас не сезон, так что почти наверняка второго постельца в ближайшие дни не подселит. Такой вариант стоит восемьсот пятьдесят маеров в сутки.

– Согласна, – кивнула Карина. – Мое имя Карина Мураций.

– Рада знакомству, великолепная госпожа Карина. В нашем отеле оплата осуществляется вперед. За сколько ночей госпожа намеревается заплатить сейчас?

– За две. Возможно, и потом останусь.

Апартаменты на третьем этаже роскошью не блистали. Платяной шкаф, две кровати и два стула с трудом теснились в маленьком номере, а душевая кабинка, совмещенная с туалетом, оказалась настолько крохотной, что даже миниатюрная Карина с трудом там поворачивалась. Впрочем, ее комната устраивала. Она сбросила одежду, влезла под душ, пустила воду погорячее и несколько минут наслаждалась блаженным теплом. Конечно, сейчас следовало бы полежать в горячей ванне, но до нее, вероятно, добраться удастся не раньше, чем она подберет квартиру. Прогревшись, она несколько раз пустила ледяную воду, чередуя ее с горячей, и в конце концов почувствовала, что снова становится человеком. Кровь быстрее потекла по жилам, и цепенящий холод, не отпускавший ее с момента выхода из здания аэропорта, наконец-то ушел.

Покопавшись в сумке, она вытащила плотные длинные брюки, носки, кроссовки и теплую куртку. Блузку она решила оставить прежней. Привыкшие к свободе и воздуху руки и ноги под непривычными одеждami немедленно зачесались сверху донизу, но девушка мужественно не обратила на неудобство никакого внимания. Усадив на плечо с любопытством озирающегося и принимающего Парса, она вышла из номера. Осведомившись у девицы из регистратуры о нахождении ближайшего окружного полицейского управления (оно, как выяснилось, располагалось совсем неподалеку), она вышла на улицу. Сырой ветер снова вцепился в нее острыми коготками, но куртка, выбранная опытным Саматтой, защищала от холода превосходно. Устроив зонт так, чтобы он прикрывал от морозящего дождя хотя бы Парса, она добралась до ближайшего перекрестка, прикинула направления и зашагала под гору по узенькой улице.

Дорога петляла между домами, как сумасшедший заяц. Наверное, ездить здесь на машине – сплошное мучение. Однако и здесь обнаружился свой плюс. Один из поворотов вывел ее к смотровой площадке, с которой открывался довольно неплохой вид на город и бухту. Карина облокотилась о поручни и, удерживая вырывающийся зонт, стала рассматривать картину.

Крестоцин одновременно походил и не походил на Масарию. Так же, как и Масария, он располагался на гористых склонах, уступами сбегаящих вниз, к бухте. Однако размерами он превосходил Масарию по крайней мере раза в три (а по населению, как знала Карина, так и в пять), зона цунами здесь казалось существенно меньше, а причалы, защитные эллинги и транспортные трубы усеивали, кажется, каждую сажень побережья. Зато горловина бухты оказалась куда уже, чем дома, не шире сотни саженей, так что большие суда наверняка могли проходить ее только поодиночке. Значит, либо цунами-предупреждения здесь давались заблаговременно, либо бухта достаточно глубока, чтобы не обмелеть полностью, а горловина настолько ослабляет волну, что суда могли пережить ее, стоя на якорных цепях посреди бухты. Или же здесь, на западном побережье, волна приходит не такая большая, как на южном. Несмотря на скверную погоду, небольшие суда – моторные лодки, катера, яхты – буквально кишели на водной поверхности. Карина обернулась и взглянула вверх. Город уходил по склонам, просачиваясь меж отрогами окружающих его гор, и верхние улицы терялись в пелене низко идущих серых туч. В небесах отдаленно прогрехотало и стихло – какой-то самолет шел высоко над горами, то ли садясь, то ли, наоборот, взлетая. Она снова пожалела, что прилетела в такую ненастную погоду и не смогла полюбоваться на бухту сверху. Наверняка зрелище впечатляет.

Она повернулась и пошла дальше. Вскоре она оказалась на широком восьмирядном проспекте, по которому в обе стороны катил густой поток машин. Окружное полицейское управление обнаружилось в полусотне шагов, на перекрестке: десятиэтажное стеклянное здание с несколькими въездами в подземный гараж, небольшой, плотно заставленный автомобилями парковкой и широким входом. Вычислив по списку отделов в людном холле, где именно находится отдел регистрации оружия, она легко, через две ступеньки, взбежала по крутой лестнице на четвертый этаж и толкнула дверь кабинета с номером 410.

– Слушаю, – не поднимая головы, буркнул орк в цивильном костюме, работающий с терминалом и даже не повернувший в ее сторону головы.

– Добрый день, господин. Меня зовут Карина. Карина Мураций, – представилась несколько обескураженная девушка. Похоже, северяне действительно малоразговорчивы. – Рада знакомству. Прошу благосклонности.

– Пожалована, – все так же невежливо буркнул орк, наконец-то отвлекаясь от терминала. – Если тебе шокер зарегистрировать или газовый пистолет, госпожа, то обратись в четыреста седьмой.

Его желтые кошачьи глаза оторвались от дисплея, равнодушно скользнули по фигуре девушки, на мгновение заинтересованно задержались на Парсе и вернулись к ее лицу.

– В соответствии с Актом о регистрации особых способностей я хочу уведомить власти о своем временном пребывании в городе, господин, – терпеливым тоном произнесла Карина.

– Девиант, что ли? – полицейский явно мечтал о том, чтобы поскорее выпнуть посетительницу и вернуться к своим занятиям. – Категория?

– Первая.

– Первая? – внезапно в глазах орка мелькнуло живое любопытство. – Вот как? Ты не врешь, госпожа? Округ у нас большой, но я ни разу не видел никого с первой категорией. И со второй-то по пальцам одной руки пересчитать можно – всего четверо.

– Вот мое удостоверение, – внутренне тяжело вздохнув, Карина протянула паспорт. – В центральном архиве Министерства гражданского благосостояния все есть.

Орк принял пластинку и вставил ее в считыватель. Поманипулировав терминалом, он несколько секунд всматривался в дисплей, потом снова повернулся к Карине. В его взгляде уважение мешалось с настороженностью.

– Действительно, первая, – задумчиво проскрипел он. – Да... Срок пребывания?

– Пять периодов. До конца года. Улечу домой, вероятно, перед самыми зимниками.

– Понятно. Не забудь снова встать на учет дома. Ну что же, госпожа Карина, поскольку твои способности надлежащим образом зарегистрированы, а специальный надзор для тебя не установлен, у меня претензий нет. Я поставил пометку о твоем пребывании в городе, так что формальности можно считать завершенными. Довожу до твоего сведения, что тебя могут привлечь к дознаниям, опросам, а также временно задержать при расследованиях преступлений, где есть основания предполагать применение особых способностей, независимо от наличия у тебя алиби, а также...

– Спасибо, господин, – быстро перебила его Карина. – Я знаю. Я благодарна тебе за заботу, но мне пора идти.

– Шустрая! – фыркнул орк. – Ох, молодежь... Ну, иди. Не приковывать же тебя здесь цепью. Да и порвешь, поди, даже если приковать. – Он протянул ей паспорт. – Первая категория, надо же! А ведь такая замухрышка – никогда бы не подумал...

– Сила эффектора никак не связана с физическими особенностями организма, господин, – вежливо склонив голову, пояснила девушка, слегка покоробленная бесцеремонностью орка. – Спасибо за помощь, но мне действительно пора.

Она на мгновение заколебалась. Спросить? Или нет? Ну и что, если не знает? Подумаешь...

– Скажи, господин, ты не подскажешь, где в вашем городе изучают искусство Пути? Мне нужен какой-нибудь недорогой тренировочный зал...

– Пути? – на сей раз в глазах орка загорелся настоящий интерес. – Ты обучалась рукопашному бою?

– Да, господин.

– И могу я поинтересоваться твоей лентой?

– Ну... вообще-то коричневая. Но весной я намерена сдавать на оранжевую. По крайней мере, мастер Караби настаивает.

Полицейский с шипением выпустил воздух сквозь сжатые зубы. Карина вспомнила, что для орков такой звук эквивалентен человеческому присвистыванию.

– Ты так увлеченно изучаешь искусство Пути? Очень похвально, госпожа Карина, – на сей раз в его голосе слышалось неподдельное уважение. – Так, что бы тебе посоветовать... Есть тренировочные залы Палы Прасинии, Теовара Грома и Мураси Паранэя. Все три весьма известны в городе, но и дороги. Да и попасть туда сложновато – они берут не всех. Впрочем, с коричневой лентой тебя наверняка пустят, но вот насчет недорогого... Ты можешь себе позволить платить по пятьсот маеров за двухчасовое занятие? Нет? Хм...

Он задумался.

– Госпожа, а зачем тебе нужен зал? Чтобы учиться? Или просто поддерживать форму? Я к чему – если ты устроилась где-то неподалеку, то могла бы использовать наш зал. Он неплохо оборудован, правда, в основном железом, но там есть маты и много свободного места. Ребята из спецотряда там занимаются вечерами, когда не на дежурстве, да и патрульные тоже.

– В вашем зале? – Карина удивленно посмотрела на него. – Но я же не работаю в полиции. Кто меня туда пустит?

– Устроим, – отмахнулся орк. – Погоди-ка...

Он активировал коммуникатор и быстро прошипел-прорычал в него несколько слов на оркском. Выслушав ответ, он раздраженно бросил в него еще одну фразу и отключился.

– Сейчас к нам зайдет один человек, который за тебя ухватится руками и ногами в настоящей обезьяньей манере. Кстати, меня зовут Тришши. Майор Тришши Каххарага, следователь по тяжким преступлениям. Рад познакомиться, госпожа Карина, действительно рад. – Орк приподнялся над стулом, неловко кивнул и плюхнулся обратно. Его подвижная физиономия болезненно дернулась.

– Что-то не так, господин Тришши? – встревоженно осведомилась Карина.

– Не обращай внимания, – отмахнулся полицейский. – Недавно связался на улице с компанией подростков и словил шальную пулю. Ничего опасного, но колено нехорошо зацепило. Сейчас вот временно чужой работой занимаюсь, пока не заживет...

Его физиономия дернулась в гримасе отвращения.

– Так где ты остановилась, госпожа Карина?

– Пока еще нигде толком, – объяснила девушка. – Сейчас снимаю номер в «Океане». Я только сегодня приехала, еще не успела квартиру подыскать.

– Тогда совсем здорово! – воскликнул орк. Его уши от избытка чувств встали торчком. – Вот...

Он быстро набросал на бумажке фамилию и номер и протянул его Карине.

– Потом спустишься в этот кабинет. Вообще-то лейтенант Слака тоже следователь, но он прекрасно разбирается, что, где и как в нашем округе. Скажешь, что я послал. Он порекомендует и район попримечнее, и квартирному агенту почестнее. Найдется тебе квартира, не сомневайся. Но где же...

Дверь в кабинет распахнулась, и в нее протиснулся самый огромный человек-мужчина, которого Карина когда-либо видела в жизни. Саматта, если поставить его рядом, наверняка оказался бы на голову ниже и сантиметров на тридцать уже в плечах. Наверное, вошедший мало уступил бы в росте даже мастеру Караби. Черно-желтая форма полицейского спецотряда едва не лопалась у него на груди, а тяжелой нижней челюстью, наверное, можно забивать гвозди.

– Я занят, Триш, – сумрачно пробасил он, напрочь игнорируя Карину. – Так что ты лучше придумай хорошую причину, по которой дернул меня сюда.

– Познакомься, капитан Дентор Пасур, – спокойно сообщил орк Карине. – Командир окружного спецотряда. Костолом и грубиян, в народе за ласковый нрав прозван Хомячком...

– Триш, я тебе сейчас доломаю, что шпана не успела, – угрожающе сообщил ему горообразный полицейский. – Что надо, я спрашиваю?

– Познакомься с нашей гостьей, – мурлыкнул орк, прижмурив желтые глаза. – Госпожа Карина Мураций. Коричневая лента Пути, в ближайшей перспективе – оранжевая. Временно в нашем городе, ищет спортивный зал для занятий. У тебя на примете ничего подходящего нет?

Взгляд прищуренных глаз здоровяка переместился на Карину.

– Рад познакомиться, госпожа, – заинтересованно произнес он. – Я правильно расслышал этого фанфарона – у тебя коричневая лента?

– Да, господин.

– Напомни мне, пожалуйста, иерархию цветов.

Карина озадаченно посмотрела на него. Ее что, проверяют?

– Белый, желтый, синий, коричневый, оранжевый, зеленый, зеленый с полосками, белый, – перечислила она. – У меня не такой высокий ранг, господин капитан Дентор, в последние пару лет я не очень много занималась. Прошу простить.

– Ну, если учесть, что оранжевый цвет означает младшего мастера, не так уж и плохо. Извини за вопрос, какое оружие ты регистрируешь? Твой зверек, – он скосил глаза на Парса, – не похож на телохранителя. Шокер?

Карина вздохнула. С одной стороны, какое его дело? Она не преступница, чтобы ее допрашивать! С другой – он мог спросить и у орка, и тот наверняка ему ответил бы, так что следует оценить хотя бы вежливость громилы. Она вытянула два манипулятора, подхватила со стола листок бумаги и карандаш, подвесила бумажку в воздухе и аккуратно вывела на нем: «первая категория». Вернув стило на место, она поднесла бумажку к глазам капитана.

– Вот, господин.

Эффекта, безусловно, она добилась куда большего, чем ожидала. От изумления глаза капитана почти вылезли из орбит, а нижняя челюсть майора просто отвисла, обнажив острые клыки.

– Ссахис... прошу прощения, госпожа. Я имел в виду – ничего себе! – наконец выдавил орк. – О том, как с помощью особых талантов взглядом бетонную стену проламывают, я слышал. Но расписываться... Госпожа Карина, я потрясен.

– Стену проламывают не взглядом, это распространенное заблуждение, – пояснила девушка. – Манипуляторы от него не зависят. Я могу и за спиной ими что-нибудь делать. Хотя чаще всего, конечно, работать эффектором удобнее в зоне прямой видимости.

– Взглядом или нет, уже мелочи, – хрипло проговорил капитан. – Так, значит, госпожа, ты ищешь спортивный зал? Тришши, и ты думаешь о том же, что и я?

– Конечно, – согласился орк, быстро добавив несколько слов на оркском.

– Не дурак, сам понимаю, – отмахнулся капитан. – Госпожа... э-э-э, Карина, я сочту за честь, если ты согласишься посещать спортивный зал при нашем управлении. Мои ребята тренируются каждый вечер с шести, так что можешь свободно приходить.

– Чтобы твои бойцы могли полюбоваться на чудо природы? – криво улыбнулась девушка. – Господин Тришши, я плохо знаю оркский, но некоторые слова разбираю.

– Девиант первой категории, несомненно, является чудом природы, – дернул ушами орк. – Точно так же, как наш Дентор. Если бы я не знал, что межрасовое скрещивание невозможно, то заподозрил бы, что у него среди родственников тролль затесался. Прости, госпожа Карина, я не хотел тебя обидеть. Я имел в виду, что ты, возможно, согласишься показать его ребятам какие-то техники Пути. В обмен они могут научить тебя своим приемам – техника тёкусо ничуть не менее полезна в бою. Коричневая лента позволяет обучать других, насколько я помню, так что обмен опытом мог бы оказаться полезным для всех вас.

– Ну... – Карина заколебалась. – Спасибо, господин майор Тришши. Спасибо, господин капитан Дентор. Я подумаю. Я благодарна за предложение, и я вовсе не отклоняю его, – быстро добавила она. – Просто мне могут поставить дежурства в вечернее время.

– Дежурства? – переспросил капитан.

– Я здесь на практике. С завтрашнего дня я интерн первого года в хирургии Первой городской больницы.

– Понятно. Но если появится возможность, мы с радостью увидим тебя снова. Приходи, госпожа.

– Большое спасибо, – поклонилась ему Карина. – А сейчас мне пора идти. Парс, попрощайся.

– Мняу-у-у! – сообщил зверек, по очереди оглядываясь на орка и человека. – Р-р-р-гав! Поклявшись про себя прибить шутника-Лику при первой же возможности, Карина еще раз поклонилась и выскользнула из кабинета.

– Не забудь про лейтенанта Слаку, госпожа! – крикнул ей вслед майор.

Когда дверь захлопнулась, орк испытующе посмотрел на капитана:

– Ну, что скажешь, Дор?

– Что за чушь ты насчет Хомячка выдумал? – недовольно спросил тот. – Какой еще Хомячок?

– Хотел расслабить девицу, – пояснил орк. – Она при виде тебя словно закаменела. Лучше всего немного юмора в разговор добавить. Поверь мне, я не зря десять лет на тяжких просидел, знаю, как пугливого свидетеля разговорить. Так что думаешь про нее?

– Чудо природы, сам же сказал! – развел руками командир спецотряда. – Первая категория сама по себе редкость. Сколько их на всю Катонию – четыре десятка, пять? А уж чтоб расписываться на бумажке – вообще уму непостижимо. Я и не знал, что такое возможно.

– А я подозревал. Ты не в курсе, а на нас висит одно дело, когда ночью в «Первом национальном» сейф вскрыли. Кто-то залез ночью в банк, отключил сигнализацию, проломил череп охраннику и вскрыл сейф с тройной системой запоров. Техники производителя в один голос утверждали, что такое невозможно, что нужно как минимум сверлить дыры в броне и блокировать определенные части механизма. Но на броне даже царапин не нашли. А в сейфе, между прочим, алмазов хранилось на девяносто миллионов. Мы по тому делу полгода работали, но так ни до чего и не докопались, страховая компания нас чуть с дерьмом не сожрала. И додумались от отчаяния даже до того, что некий девиант сумел добраться до механизма своими манипуляторами. Однако подтвердить ее так и не смогли. И вот теперь девчонка наглядно показывает, что гипотеза вполне рабочая.

– Интересно. Но меня-то ты зачем приплел?

– Тырр-ща кутаррхас! – выругался орк. – Дентор, иногда мне кажется, что ты действительно тупой. Ты понимаешь, на что она способна? Если она вдруг по кривой дорожке пойдет, преступницей века станет. Да и вообще за ней пригляд нужен. Из вида мы ее и так не потеряем, но лучше, если сможем поближе рассмотреть. Имей в виду – для твоих ребят именно такие особенно опасны. Пистолет заранее разглядеть можно, а как ты манипулятор заметишь? Мы даже не знаем, действительно ли у нас зарегистрированы все девианты выше четвертой категории, тотального обследования ведь не проводилось. Тупые когти Шшаха, да у нас даже ни одного эксперта по девиантам толком нет!

– Вон ты о чем, – командир спецотряда задумчиво поскреб вчерашнюю щетину. – Хорошо. Я предупрежу ребят.

– Только хорошенько предупреди. Она, похоже, славный котенок, да еще и хирург будущий. Глядишь, еще и сам к ней под нож попадешь, если не повезет. Незачем на нее пялиться, как на чучело в музее. Захочет общаться – пусть общается, не захочет – ничего не теряем. А с твоих мордovorотов станется к ней привязаться на ровном месте.

– Ты, Триш, моих бойцов не трогай, – обиделся капитан. – Они нормальные парни, идиотов не держим.

– Рад за тебя. В общем, если появится, попытайся с ней подружиться. А я пока проясню ее по своим каналам. Надо запросить на нее материалы в масарийской полиции. И еще хорошо бы ее под негласный надзор поставить.

– Зачем вдруг?

– Затем, Дор, – терпеливым тоном разъяснил орк, – что она девиант первой категории. И наверняка попадет в поле зрения «нормальных». А я не знаю, как им моча в голову ударить может – вдруг они на нее напасть захотят? Сколько трупов потом в крематорий отвезут, ты знаешь? Я – нет. И ей, и нам неприятности. Лучше уж подстраховаться.

– Параноик, – скривился капитан. – Далась тебе «нормальные»! Обычные полудурки...

– Вот того я и боюсь, что полудурки, – фыркнул орк. – А то и просто дураки. Никогда не знаешь, какая гениальная мысль идиоту в голову придет.

– Ладно, тебе виднее. Ты долго еще на бумажках сидеть намерен? Утром Теодар на планерке плакался, что следователей не хватает, а ты тут прохлаждаешься.

– Врач запретил ходить дальше сортира еще минимум две недели, – скрипнул зубами майор. – Ты не думай, я делом занят. Мозгами шевелить и улики обрабатывать и за столом можно.

– Все равно выздоравливай побыстрее. А я к себе.

Капитан кивнул и протиснулся в дверь, осторожно прикрыв ее за собой. Орк остался сидеть, задумчиво барабанил пальцами по столу. Потом он встрепенулся и активировал настольный коммуникатор.

– Каратай, – без предисловий начал он, – Тришши говорит. Мне вот такая помощь нужна. Про директиву триста двенадцать еще помнишь? Ага, как ни странно, возник случай...

Тот же день. Оканака, штаб-квартира корпорации «Визагон»

– Господин Тадас Райкура просит о встрече.

Жизнерадостное лицо идиотки-секретарши возникло на экране коммуникатора, как всегда, внезапно. Смил, поморщившись, отложил в сторону отчет о кражах на производстве. Он предпочел бы, чтобы бессмысленная кукла сгорела синим пламенем, но корпоративная политика обязывала всех сотрудников определенного ранга иметь чоки-секретаршу. Впрочем, для экономии, которую тоже никто не отменял, выдающиеся внешние качества компенсировались максимально убогой внутренней начинкой, так что интеллектом искусственная платиновая блондинка не блистала, недалеко уйдя от рекламного манекена. Ей указали пропускать без доклада всех сотрудников службы безопасности, но понятие «всех» просто не помещалось в ее центральном процессоре – или что там нынче им в потроха суют?

– Господин Тадас Райкура имеет право всегда входить без доклада, – тяжело вздохнув, проинформировал он секретаршу. – Пропусти.

– Я запомнила, господин Смил! – Лицо чоки-девицы просияло так, словно ей выдали премию в миллион маеров. – Господина Тадаса всегда пропускать без доклада! Господин Тадас, ты можешь войти, – сообщила она в сторону.

Дверь распахнулась, и Тадас вошел в кабинет начальника службы безопасности, вопрошительно приподняв бровь. Смил только возвел очи небу и развел руками.

– Достала эта дура, – буркнул он. – Что?

– О том инциденте недельной давности, – Тадас со Смилом так давно знали друг друга, так что в длительных преамбулах не нуждались. – У инженеров из экспериментальной лаборатории наконец-то дошли руки посмотреть на остатки чоки.

– Ты про историю с инженером Бикатой? – поинтересовался Смил. – И что с остатками?

– Идентификаторы в «бусине» совпадают с идентификаторами экспериментальной модели, с которой возился Биката. Но все три инженера, обследовавших мусор, в один голос утверждают, что остатки шасси не принадлежат чоки тех типов, с которыми они работают в последнее время. Похоже на какую-то старую модель, возможно, даже снятую с производства. Псевдоплоть превратилась в уголь, но скелет мало пострадал, так что это можно заявить уверенно.

Смил нахмурился. Он прекрасно понимал, в какую сторону сейчас работают мозги его подчиненного.

– Ты хочешь сказать, что Биката как-то подменил чоки, вывезенного из лаборатории той ночью?

– Смахивает на то. С самого начала история казалась мне какой-то подозрительной.

– Подробнее. Да ты садись, не стой.

– Спасибо, – кивнул Тадас, усаживаясь. – Мне казалось странным, что он вывез куклу «на обучение» ночью. Конечно, у технарей свободный график, особенно у примадонн вроде него, но все же нехарактерно. И ссылка на то, что просто забыл продлить разрешение на вывоз... Возможно, конечно, но странно. Кроме того, мне с самого начала показалось удивительным, что парень, как он утверждал, заснул за рулем, но в последний момент проснулся и успел выпрыгнуть. Заметь, Смил, не нажать на тормоз, не вывернуть руль, не въехать в ограждение, не запаниковать и рухнуть в обрыв вместе с машиной, а именно выпрыгнуть. Как каскадер в боевике. Более того, я осведомился у дежурившего охранника – тот клянется, что Биката выехал, будучи пристегнутым ремнем безопасности. То есть он проснулся, успел разобраться в ситуации, отцепить ремень, распахнуть дверь и вывалиться в нее – и все максимум за пару секунд? Если бы я специально готовился, и то мог бы не успеть. Ну, и канистра бензина в салоне выглядела очень подозрительно. Биката, конечно, умник, а умники всегда рассеянны, но, судя по личному делу и должности, глупостью он никогда не отличался. А ведь не перевернись машина при падении багажником вниз, горящий бензин вылился бы не в разбитое заднее стекло, а на переднее сиденье, и тогда анализировать оказалось бы точно нечего.

– И теперь оказывается, что в его машине сгорел совсем не тот чоки, что он вывез. – Смил побарабанил пальцами по столу. – То есть речь идет уже не о халатном отношении к корпоративной собственности, а о заранее спланированной операции. О краже крайне дорогого уникального оборудования. Возможно, о шпионаже в пользу кого-то из наших заклятых друзей. Серьезное обвинение, Тадас, ты понимаешь? Кража в особо крупном размере. Тут пахнет не просто иском о возмещении ущерба, который он не в состоянии погасить, но еще и уголовным преследованием. И скандалом. Пресса нас загрызет – ну как же, служба безопасности «Визагона» облажалась по полной программе! Сотрудники воруют дорогостоящие экспериментальные образцы налево и направо!

А главный директор, вполне возможно, назначит меня крайним и вышибет на улицу без выходного пособия, мысленно добавил он. С него станется.

– Тадас, есть у тебя мысли, почему он мог так поступить? – сказал он вслух. – Я понимаю, когда шпионит какая-нибудь мелкая сошка с копеечным жалованием, но он-то – ведущий инженер! Таким фанатикам главное их игрушки, а на деньги наплевать, если даже забыть про его жалование, большее моего. И воровать куклу ему незачем – он и здесь мог с ней сколько угодно играть...

– Не мысли у меня, а точная уверенность, – фыркнул сотрудник службы безопасности. – Периода полтора назад на их департамент поставили нового администратора, Кара Тарамириса. Я с ним пару раз сталкивался – надутый осел и полный кретин, ни шиша не понимающий в робототехнике даже на мой взгляд. По слухам, получил должность только потому, что родственник замдиректора по перспективным разработкам. У него с Бикатой, да вообще во всеми инженерами, с самого начала сложились отвратительные отношения – Кар начал стро-

ить разработчиков по стойке смирно, а те возмутились. Ну, ты же знаешь – они у нас самые неприкасаемые, занимаются чем хотят, а тут такое... Я говорил с Каром – тот признался, что за неделю до инцидента крупно поскандалил с Бикатой на предмет той самой чоки, которую Биката украл. По мнению идиота, Биката потратил недопустимо много новейших материалов и уникальных прототипов на какой-то экспериментальный образец без перспективы промышленного производства. Так что он приказал инженеру разобрать чоки на части, а тот уперся. Поскандалили они крупно, что подтверждают человек пять свидетелей. Видимо, после стычки наш парень решил, что играть в куклы лучше в другом месте, и свалил таким оригинальным способом.

– Долбо...б! – прошипел директор службы безопасности. – Ну какой кретин таких на ответственные дела ставит? Тадас, официальную докладную в мой адрес, с приложенными показаниями... тьфу, протоколами опросов инженеров и остальных свидетелей. Но бумажки – в фоновом режиме. Главное, нужно закрыть инцидент максимально тихо, понимаешь?

– Я понимаю, Смил, – кивнул подчиненный. – Мы не заинтересованы в публичном скандале.

– Да, именно так. Ты должен поговорить с Бикатой и постараться убедить его вернуть чоки добровольно. Возьми пару ребят на всякий случай и поезжай к нему домой...

– Не получится. Я уже проверил – он выехал из своего дома и оставил агенту по недвижимости инструкции по его продаже. Он не указал новый адрес, а его пелефон не отвечает.

Начальник службы безопасности задумчиво посмотрел на подчиненного. Плохо. Очень плохо. Видимо, экстренного доклада главному директору избежать не удастся.

– Ладно. Тадас, я хочу, чтобы ты, во-первых, получил у инженеров письменное заключение о том, что остатки принадлежат не тому чоки. Во-вторых, объясни им, что в их же интересах держать язык за зубами. В-третьих, свяжись с нашим человеком в СОБ и попроси у него неофициально поднять всю историю транзакций по счетам Бикаты за последний период... нет, лучше полгода. Нужно понять, как он провернул дело и чего от него еще ожидать. Все ясно?

– Да. Как станем искать?

– Разберемся. Давай, действуй.

Дождавшись, когда подчиненный выйдет из кабинета, начальник службы безопасности активировал коммуникатор и поморщился от очередной ослепительной улыбки на физиономии красавицы-секретарши. Разумеется, чоки – разве можно сейчас в службе «Визагона» обнаружить живую девушку? Вот кукла драная...

– Мне нужно встретиться с господином главным директором, – сухо сказал он. – И немедленно.

23.11.849, огнедень. Крестоцин

Наручные часы слегка завибрировали. Без пяти семь. Карина запрыгала на одной ноге, переобуваясь. На улице опять шел дождь, с кроссовок капала грязь, но чистить их времени уже не оставалось. Быстро натянув легкие туфли и запихав кроссовки в пакет, с перекинутой через плечо курткой она через две ступеньки взлетела на второй этаж. Парс шустро семенит за ней. Сердце колотилось как пойманный воробей, и совсем не из-за короткой пробежки. Первый день в новой больнице! И она не никем не замечаемая санитарка, а почти настоящий врач!

Коридор пустовал. Она пулей влетела в приемную Кулау и замерла, восстанавливая дыхание.

– Доброе утро, госпожа Карина, – произнесла чоки-секретарша. – Доктор Кулау вышел. Ты можешь найти его в ординаторской на утреннем совещании, которое начнется через две минуты.

– Спасибо! – кивнула Карина и выскочила в коридор. Три секунды спустя она влетела обратно. – А ординаторская где?

– Выйти из двери приемной, повернуть налево, первый поворот налево, вторая дверь справа, – проинформировала секретарша. – На двери надпись: «Ординаторская».

Карина снова выскочила в коридор. Обнаружив искомую дверь, она осторожно приоткрыла ее и попыталась как можно незаметнее просочиться в узкую щель.

– ...из-за чего завтрашний график дежурства меняется, и в ночную смену вместо Толя дежурить выходит Ххараш, – поймала она обрывок фразы.

Доктор Кулау стоял у небольшой белой доски, исчерканной синим фломастером.

– Ага! – произнес он, заметив девушку. – Коллеги, я хочу представить вам наше молодое пополнение. Госпожа Карина, выйди сюда, пожалуйста. Познакомьтесь, Карина Мураций, наш новый интерн первой ступени. С сегодняшнего дня и до зимников она проходит практику в нашем отделении.

Все взгляды обратились на Карину.

– Рада знакомству, – несмело произнесла девушка, кланяясь. – Прошу благосклонности.

– Поскольку госпожа Карина занималась по индивидуальной программе и закончила пятый курс раньше обычного, она поступила к нам в нестандартное время. От своего лица также прошу для нее благосклонности. Присаживайся, Карина, планерка скоро закончится.

Девушка мышкой скользнула в дальний угол и затаилась там. Парс уже дожидался ее под стулом. Иногда он проявлял редкую сообразительность и не лез на глаза, когда не нужно. Девушка погладила его между ушами, пристроила на полу пакет с обувью, бросила на соседний стул куртку и принялась внимательно слушать.

Впрочем, ничего особенного главврач не сказал. Сначала речь шла о графике дежурств. Потом старший хирург дежурной смены, госпожа Ромира, в нескольких словах доложила об внезапном ухудшении состояния прооперированного больного с ложной аневризмой дуги аорты. Затем разговор перешел на плановые операции, намеченные на сегодня. Девушка потихоньку разглядывала присутствующих, что, впрочем, со спины особой пользы не принесло. Почти все они оказались людьми, только за одним столом сидел пожилой орк – наверное, он и есть Ххараш. Всего в ординаторской, включая доктора Кулау, находилось примерно полтора десятка человек: завершающая и начинающая работу дежурные смены, врачи, явившиеся для проведения плановых обходов и операций, и старшая медсестра в своей синей с красными полосками шапочке.

Минут двадцать спустя совещание закончилось, и присутствующие задвигались. Большинство сразу же направились к дверям, на утренний обход, и вскоре в ординаторской остались только доктор Кулау, старшая медсестра, два хирурга и анестезиолог дежурной смены, а также еще одна женщина, которую доктор Кулау задержал, – лет тридцати пяти, высокая, статная, с каштановыми волосами и зелеными глазами. Белый халат поверх серой юбки и белой блузки сидел на ней так изящно, словно его шили по фигуре.

– Карина! – позвал Кулау. – Можно тебя?..

Карина встала и подошла, поклонившись женщине. Та внимательно оглядела ее с головы до ног.

– Здравствуй, госпожа Карина, – произнесла женщина. – Я Томара Самия, с сегодняшнего дня твой куратор.

– Рада познакомиться, госпожа Томара, – вежливо поклонилась ей девушка. – Прошу благосклонности.

– Радость взаимна, благосклонность пожалована, – откликнулась Томара. – Кулау... ой! А здесь еще что?

Парс, незаметно подобравшийся к Карине сзади, выглянул из-за ее ноги.

– Это Парс, мой спутник, госпожа Томара, – быстро объяснила Карина. – Он тихий, он ничего не портит. Можно, я стану приносить его с собой? Ему скучно дома одному.

– Вот как? – приподняла бровь хирург. – Довольно оригинально, знаешь ли, приносить с собой на работу игрушку. Ну, данный вопрос мы еще обсудим. Кулау, что-то еще?

– Нет, Тома, – откликнулся главврач. – Если что, я у себя еще около часа. Потом я в университет, у меня лекция.

Он улыбнулся Карине и стремительно вышел из ординаторской.

– Как всегда, озадачил и смылся, – вздохнула куратор. – Ну, госпожа Карина, пойдем, потолкуем о жизни.

Она уселась за стол, усадила девушку рядом, включила терминал и вызвала на него каринину заявку на интернатуру. Минут пять она просматривала документы, иногда неопределенно хмыкая, затем повернулась к девушке.

– Ну что же, оценки весьма неплохие, – констатировала она. – И по теоретическим курсам, и по практике. Задел хороший, и его следует использовать. У меня имелись определенные сомнения, но сейчас, считаем, мы их сняли. Я соглашаюсь принять тебя в качестве стажера.

– Спасибо, госпожа Томара, – неловко кивнула девушка.

– Спасибо скажешь, когда стажерство закроешь. Если закроешь, конечно. Имей в виду, Карина, у меня опыт общения с интернами богатый, так что на легкую жизнь не рассчитывай. Но для начала представлюсь надлежащим образом. Я – ведущий хирург нашего отделения со специализацией по органам брюшной полости. Кроме того, я профессор кафедры абдоминальной хирургии медфака Крестоцинского университета. Больница, как ты, вероятно, знаешь, является учебной базой университета, и половина хирургов здесь являются еще и преподавателями. В настоящий момент у меня интернов нет – для первокурсников не сезон, а по второй ступени все уже закончили и сбежали. Так что на первых порах придется тебе бороться самостоятельно. Ну, может, оно и к лучшему – молодые шалопаи только головы дурить и умеют.

– У меня брат тоже шалопай, – улыбнулась девушка. – Если уж я Лику до сих пор не прибила, то и с другими уживусь, если потребуется.

– Вот и замечательно, – кивнула куратор. – Теперь поговорим о твоих делах и обязанностях. Интернатура первого года, как, впрочем, и второго, прежде всего учеба, совмещенная с практикой. Тебе придется как заниматься теорией, так и выполнять определенные обязанности в отделении. В обязанности входит курирование послеоперационных больных, разумеется, под моим присмотром, и ведение соответствующей документации, глубокое обучение работе с диагностической аппаратурой, получение и развитие навыков проведения медицинских процедур, исполнение обязанностей процедурных и операционных медсестер, участие во вскрытиях и так далее. Сверх того ты изучаешь указанную мной литературу с последующим отчетом в форме мини-семинара. Тебе следует завести журнал, чтобы фиксировать все связанное с твоей больничной деятельностью. Напомни, как долго ты здесь собираешься пробыть?

– До зимников, госпожа Томара.

– До зимников... Хм. Хорошо. Значит, если в четырнадцатом периоде у меня появятся еще интерны-первогодки, а их обычно присылают по двое или по трое, тебе придется взять на себя еще и роль лидера. Поначалу, во всяком случае. Хотя, может, и не придется, у нас частенько интерны только после зимников появляются. В любом случае хлопот у тебя возникнет очень много, так что готовься к серьезной работе. Впрочем, судя по твоим материалам, девочка ты трудолюбивая, так что особых проблем я не ожидаю. Ну, а теперь расскажи о себе.

– О себе? – непонимающе взглянула на нее Карина. – Но... я не знаю, что рассказывать. Ничего особенного. Я сирота, в тринадцать лет меня удочерил мой папа... приемный отец. Меня, Яну и Палека, они на три года младше меня. Ну, и с тех пор мы живем вместе...

– А говоришь, нечего рассказывать! – тепло улыбнулась ей Томара, и у Карины немного полегчало на душе. Человек с такой улыбкой просто не может оказаться плохим. Ну, а что

строгая, так она привыкла. Так даже хорошо – не позволяет расслабляться. – Значит, вы живете вчетвером?

– Не совсем, – мотнула головой девушка. – Вшестером – я, папа, Лика с Яной, плюс Цукка и Саматта – они мои опекуны. И еще к нам часто приезжают гости. У нас дом большой – старый отель, места там хватает.

– Интересно... – пробормотала куратор. – А мама что? Приемная мать? Она где?

– У меня не было приемной мамы, только Цукка. У Дзинтона нет ни жены, ни спутницы жизни, вот он и нанял Цукку с Саматтой, чтобы за нами присматривать. Зимой Яне с Палеком исполнится по семнадцать, они станут совершеннолетними, а Цукка как раз защитит магистерскую диссертацию.

– Хотела бы я знать, как одинокому мужчине разрешили усыновление сразу двух девочек, да еще и мальчика... – задумчиво сказала Томара. – Карина, а зачем вам опекуны? Разве папа не мог вас сам воспитывать? И если не мог, как ему разрешили взять вас к себе?

Карина поперхнулась. К таким вопросам она не подготовилась. Что ответить – что папа Демиург, что ему самому некогда, что он и не такие фокусы провернуть может? Вряд ли Томара оценит ее честность.

– Ну... у него есть связи, – уклончиво ответила она. – Я не знаю точно.

– Связи? Ну ладно, не хочешь отвечать – не надо, – вздохнула хирург. – Скажи только, ты любишь своего папу?

– Да! – у Карины почему-то перехватило горло. – Мой папа замечательный. Он... он спас меня, выходил... Без него я бы погибла. Я очень его люблю!

Несколько секунд Томара изучала ее из-под прищуренных век.

– Да, ты действительно его любишь, – констатировала она. – Но рассказывать не хочешь. Твое право. Скажи, Карина, а почему ты вообще решила стать врачом? Почему пошла в именно в хирурги?

– Я хочу спасти жизни! – твердо ответила девушка. – А хирургу это удастся лучше всего.

– Глупости! – фыркнула куратор. – Вот уж что глупость так глупость. Да, нам удастся вытаскивать тех, кому необходимо экстренное вмешательство, но обычный терапевт способен сделать ничуть не меньше, не доводя человека до операционного стола. Спасать жизни, тоже мне, романтик нашлась! Ты глупости из головы выбрось. Твоя задача – не спасать, а честно делать свою работу и по возможности любить ее. Попытками «спасать» ты всего лишь доведешь себя до нервного истощения и только сделаешь хуже больному. Эмоциональный хирург хуже пьяного водителя, эмоции заставляют врача делать ошибки, зачастую смертельные для пациента. Понятно?

Карина молча склонила голову. Не о чем спорить. Томара просто не знает всего, иначе не говорила бы так.

– Ладно, не стану читать нотации. Голова на плечах у тебя есть, пообвыкнешься маленько – сама поймешь. А пока поздравляю с первым днем кошмара. У меня обход, и ты идешь со мной. Держи планшет. Да, и прикажи своему зверю остаться здесь, в палатах он лишний.

После того, как старшая медсестра хирургического отделения госпожа Марина Дельфин, строгая сухая женщина лет пятидесяти, выдала Карине белый халат и врачебный колпак, она с госпожой Томарой отправилась по палатам.

– Доброе утро, господин Тари, – приветствовала Томара лежащего на высокой постели пожилого мужчину с седыми волосами. Его левую руку обхватывал овальный кокон капельницы. – Как самочувствие?

– Нормально, – буркнул тот. – И чего я согласился под нож лечь, а, госпожа Томара? Кажется, я бы приплатил еще столько же, лишь бы вырваться отсюда целым и невредимым. Вам, врачам, лишь бы кусочек-другой от пациента оттяпать, иначе себя счастливыми не чувствуете. Да здоров я, здоров!

– А вот мы сейчас и выясним, – усмехнулась в ответ Томара, поигрывая портативным диагностом. – Господин Тари, познакомься – госпожа Карина, наш новый интерн. С сегодняшнего дня она тебя курирует, заботится о тебе, лелеет и холит. Сейчас она нам и расскажет, здоров ты или нет. Карина, пожалуйста, обследуй господина Тари и поставь диагноз.

– Я? – ошарашенно захлопала глазами девушка.

– Ну не я же! – фыркнула хирург. – У меня история болезни есть, я все и так знаю. Давай-давай, не тяни.

Карина тихо втянула воздух сквозь зубы. Она ожидала чего угодно, только не такого. Но выхода не оставалось, и она робко приблизилась к кровати.

Выяснилось, что мужчину в течение долгого времени мучили боли за грудиной. Лечащий врач диагностировал стенокардию, но применяемые им коронаролитики положение не исправили. Наоборот, с течением времени больному становилось все хуже и хуже. Боли из эпизодических превратились в постоянные и начали усиливаться. Появилась сильная изжога, началась отрыжка из желудка, возник «симптом утренней зарядки» – усиление боли при наклонах вперед.

Осмыслив картину, Карина заколебалась. Изжога и отрыжка – явно что-то, связанное с желудочно-кишечным трактом, но что? Язва? Возможно, но не факт. А если они не имеют отношения к делу и просто наложились на общую картину?

– Эндоскопия? – спросила она. – Можно взглянуть на результаты?

– Правильно мыслишь, – одобрила Томара. – Вот, смотри.

Она передала девушке планшет, на который уже вывела видеозапись эндоскопии. Просмотрев ее, Карина обратила внимание на множественные эрозии нижней трети пищевода, что явно свидетельствовало о постоянном забросе туда желудочного содержимого. Очевидно, они и являлись причиной постоянных болей. Эрозии казались явно не свежими – хорошо просматривались рубцовый стеноз и стриктуры пищевода. Карина покусала губу. Что делать – очевидно: процесс застарелый, грозит перфорацией... Но само по себе удаление пораженного участка пищевода ничего не даст, если не ликвидировать причину. В чем же причина забросов? Она покопалась в памяти, но мысленно махнула рукой и сдалась.

– Рубцовый стеноз пищевода, – вслух констатировала она. – Требуется резекция, пока еще не поздно.

– И причина? – поинтересовалась Томара.

– Не знаю, – вздохнула Карина.

– А если посмотреть на рентгеновское исследование? – Томара опять протянула ей планшет со снимком.

Карина взгляделась в картинку. Что-то явно не так. Желудок на снимке находился как-то слишком высоко, куда выше, чем нужно. Его верхняя часть оказалась аж в заднем средостении. Как такое может случиться? Она быстро взглянула на мужчину через эффлектор – его желудок сидел там, где ему и положено. Но... Только сейчас она обратила внимание, что верхняя часть кровати заметно приподнята.

– Грыжа? – неуверенно предположила она.

– Именно! – кивнула Томара. – Молодец, Карина, не зря тебе хорошие оценки ставили. Застарелая скользящая грыжа пищеводного отверстия. Если бы правильный диагноз поставили раньше, то и вмешательства бы не потребовалось, хватило бы консервативного лечения. А так лекарства только ухудшили ситуацию. Но симптомы действительно очень походили на стенокардию, так что лечащего врача судить трудно. Сейчас, господин Тари, увы, придется делать операцию. И госпожа Карина, как видишь, со мной согласна.

– Мясники вы все, – проворчал мужчина. – Ну, режьте, если так хочется. Насмерть только не зарежьте.

– Ни в коем случае, – серьезно ответила Томара. – Операция достаточно тяжелая, но прогноз благоприятный. Мы удалим тебе пораженный участок пищевода и зафиксируем желудок. Ты выздоровеешь, господин, и через пару периодов сможешь вернуться к работе. Операция назначена на завтрашнее утро, а пока мы как следует тебя прокапаем. У тебя плохой баланс натрия в организме, нужно его восстановить. А днем тебе начнут давать слабительные и ужина вечером не дадут, уж не обессудь: кишечник перед операцией нужно опустошить.

В следующей палате тихо попискивал сердечный монитор. В ней стоял густой лекарственный запах, сквозь который пробивалась неприятная вонь, задернутые шторы почти не пропускали внутрь дневной свет. Пациентка, полная женщина лет тридцати, то ли спала, то ли лежала без сознания. Над ней склонился мужчина в белом халате поверх пуловера и узких брюк, протиравший ей влажной губкой лицо. Он выглядел как-то странно, но лишь секунд через пять Карина сообразила, что перед ней чоки. И не слишком новый – его движения выглядели угловато-механическими, а лицо оставалось бесстрастным и почти неподвижным. При виде Томары он отложил губку, выпрямился и застыл, как манекен.

– Доброе утро, госпожа Томара и сопровождающая госпожа, – ровно произнес он. – Текущий статус моей хозяйки за ночь не изменился. Температура на четвертых градуса выше нормы. Отмечаются нарушения сердечных и мозговых ритмов в допустимых рамках. Оснований для запроса экстренной помощи за ночь не возникло.

– Доброе утро, Сайдзай, – поздоровалась в ответ Томара. – Сопровождающая меня персона – госпожа Карина Мураций, младший интерн. С сегодняшнего дня она курирует твою хозяйку вместе со мной.

– Информация принята к сведению, – сообщил чоки. – Новая персона добавлена в общий список со статусом временного опекуна. Доброе утро, госпожа Карина. Рад знакомству, прошу благосклонности.

Томара подошла к кровати и откинула простыню. Из живота женщины выходили трубки дренажей, подсоединенные к блестящему аппарату и спускающиеся в закупоренные емкости под кроватью.

– Вот, пожалуйста, – с горечью произнесла хирург. – Очередная жертва моды. Ты на таких еще насмотришься. Типичная ситуация: богатая легковерная дамочка, ни на йоту не верящая в возможности традиционной медицины. Лечилась от своих мигреней у гомеопата. В один прекрасный день у нее начались сильные боли в животе, и гомеопат два дня пичкал ее своими горошинами и каплями. К нам ее привезли уже без сознания, на грани комы. Прободение синуса и каловый перитонит. Я с ней четыре часа возилась. И прогноз неблагоприятный.

Куратор вздохнула, но тут же снова напустила на себя строгий вид.

– Так, отставим лирику. Карина, можешь по внешнему виду определить, что именно у нее сделано?

– Да. Двуствольная сигмостома, правильно? И автоматический дренаж брюшной полости – «Кобер», мы такой аппарат проходили. Только нам говорили, что он уже почти не применяется, потому что морально устарел.

– Ну, что имеем, тем и пользуемся, – хмыкнула хирург. – В частных клиниках всякий ультрамодерн стоит, а у нас больница государственная, оборудование меняют, только когда совсем уже ремонту не подлежит. Расскажи-ка мне о различиях в подходах к колостомированию на восходящей и нисходящей ободочной кишке, а заодно и на поперечине...

Обход продолжался два часа, и к его концу Карина изрядно взмокла: по крайней мере половину времени она отвечала на вопросы, словно на экзамене. Абсцесс печени, выпадение прямой кишки, камни в желчном пузыре, ненароком проглоченная пуговица с острыми краями, изрядно травмировавшая пищевод и желудок и лишь чудом не зацепившая аорту, острая непроходимость кишечника из-за спаек после недавней операции... Часть пациентов уже прооперировали Томара и другие хирурги, другая часть только готовилась к операции. Сразу

после обхода Томара передала девушку в распоряжение старшей медсестры, и та немедленно пристроила ее к делу – вместе с процедурными медсестрами заниматься перевязками и ставить клизмы с катетерами. После того, как работа кончилась, куратор дала Карине доступ к своему терминалу, объяснила, как найти в больничном хранилище нужные учебники, после чего ушла на лекцию в университет, отправив Карину наблюдать за операцией по устранению стеноза почечной артерии.

Операция девушку в восторг не привела: доктор Кай, пожилой опытный хирург, управлявшийся с робоманипуляторами и лапароскопом, казалось, лучше, чем с собственными руками, справился с обходным шунтированием менее чем за полчаса. Умом Карина понимала, что на самом деле простота являлась лишь кажущейся, и что только высокое мастерство хирурга позволила произвести операцию с молниеносной скоростью, но впечатлиться все равно не смогла. Она лишь тихо позавидовала хирургу: о таком профессионализме она могла лишь мечтать. Хотя, если подумать, можно впечатлиться и уровнем современной техники. Еще лет десять-пятнадцать назад, как она помнила из обзорных курсов, операцию в основном делали открытым способом, так что пациент валялся в кровати не один период. А теперь он на третий день своими ногами уходит домой...

После того, как Карина понаблюдала за операцией, перекусила и на первый раз перелистала книжки, снова появилась Томара. Осведомившись о том, как прошла операция, она начала было объяснять, какие разделы учебников следует просмотреть в первую очередь, когда зажужжал ее пелефон.

– Да... – сказала она. – Здравствуй... Нет, не очень. Что-то срочное?.. Хорошо, через пять минут подойду, – она сбросила вызов. – Карина, звонил господин Умай. Он терапевт, хочет проконсультироваться насчет одного своего больного. У него проблемы с легкими. Я в свое время занималась и торакальной хирургией, так что меня иногда зовут для консультаций. Пойдем, посмотрим, в чем дело.

Терапия оказалась совсем рядом – в соседнем корпусе, через переход. Приемная, в которой находился доктор Умай, располагалась на первом этаже. Доктор разговаривал с молодым парнем возраста Карины или немного старше. Парень щеголял огненно-рыжими волосами, карими глазами и пухлыми губами на не по сезону веснушчатом лице. Обнаженный до пояса, он лежал на медицинской кушетке, облепленный электродами диагноста. Карина невольно залюбовалась его сильным красивым телом.

Увидев Карину с Томарой, парень слегка нахмурился.

– Добрый день, Томара, – кивнул доктор вошедшим. – У меня тут определенные затруднения возникли. Похоже, лечащий врач паренька совершенно зря к нам отправил. Какие-то совершенно необоснованные подозрения. Конечно, хронический кашель – плохо, да и кровь в мокроте ничего хорошего не означает, но трагедии здесь особой нет. Мне кажется, в больнице ему делать нечего, вполне можно и дома полечиться. Будь добра, посмотри свежим взглядом.

Он протянул Томаре планшет с историей болезни.

– Вот как? – равнодушно спросила хирург, принимая планшет. – Ну, давай посмотрим...

Она быстро побежала взглядом по страницам, ненадолго задерживаясь на снимках.

– Цитология, гистология? – спросила она.

– Там дальше, в самом конце.

Пролистав историю болезни и отложив планшет, Томара взяла в руки диагност.

– Ну, молодой господин, – сказала она профессионально-небрежным тоном, – давай мы тебя немного пощупаем. Я действительно ничего такого не вижу, но положено, сам понимаешь.

– Мне не сложно, госпожа, – блеснул улыбкой расслабившийся парень. Он слегка подмигнул Карине, и та невольно улыбнулась ему в ответ. – Меня уже столько раз щупали, что я как-то даже привык.

Томара зачем-то передвинула на другие места электроды диагноста, и они с доктором Умаем склонились над экранчиком, изредка перебрасываясь лаконичными тихими фразами. Карина из любопытства подошла поближе и тоже взглянула на экран, но ничего не поняла. Диагност рисовал какие-то графики, часть которых походила на кардиограмму, а часть не походила вообще ни на что. Похоже, Томара зондировала окрестности сердца, но методы, которые она применяла, Карина не опознала. Она вообще ни разу не видела, чтобы с диагностом работали таким образом, и значок текущей программы обследования, помигивавший в верхнем левом углу, был ей неизвестен. Тогда она отступила к столу и взяла в руки оставленный на нем планшет.

Несколько секунд она недоуменно изучала результаты томографии. Внезапно ее сердце дало перебой. Она уже видела такую картину! Только один раз, но видела. Не может быть. Наверняка она ошибается, наверняка просто не умеет толком интерпретировать увиденное. Ну да, конечно. Наверняка все перепутала... Осторожно отложив планшет, она повернулась к парню, терпеливо глядящему в потолок, и взглянула на него через эффлектор.

Нет.

Не ошиблась.

Она сразу опознала характерную картину. Черные сгустки и точки, которые показал ей объемный сканер, она помнила слишком хорошо. Конечно, препараты специальным образом окрашивались, но сканер не нуждается в окраске. Он прекрасно отличает раковые ткани от нормальных и самостоятельно.

Но в тех местах?! Такие большие узлы?! Нет! Такого не должно происходить! Она наверняка ошибается! Ведь ему всего двадцать пять, а настолько запущенный рак можно обнаружить разве что у стариков, давно махнувших рукой на свое здоровье!..

– Госпожа Томара, – произнесла она, надеясь, что ее голос не слишком дрожит. – Мне что-то нехорошо. Можно, я пока посижу в коридоре?

Куратор обернулась к ней, бросила короткий взгляд на ее лицо и кивнула:

– Подожди в кресле в приемном покое. Я почти закончила. Ну, господин Мири, я склонна согласиться с доктором Умаем. Не вижу ничего такого, с чем стоило бы возиться хирургу. Боли вполне могут объясняться вялотекущим воспалением, связанным с обильным курением...

Пять минут спустя госпожа Томара вышла в приемный покой. Карина, скорчившаяся в кресле и зябко обхватившая себя руками, подняла на нее отчаянный взгляд. Хирург посмотрела на нее и вздохнула.

– Рак левого бронха, да? – тихо спросила девушка.

Томара кивнула.

– Да, Карина. Плоскоклеточный неорогеваяющий рак, четвертая стадия. Абсолютно неоперабельный случай. Процесс слишком запущен – метастазы в лимфоузлах средостения, огромный опухолевый конгломерат... Ни химиотерапия, ни рентген, ни операция не помогут. Ему осталось максимум полгода. Скорее, меньше.

– Но ведь так несправедливо! Он ведь еще молодой! – почти выкрикнула Карина. – Ведь легочный рак обычно возникает после пятидесяти!

– Тихо! – резко оборвала ее куратор. – Не устраивай истерику. Он может услышать. Пойдем, Карина, поговорим у себя.

Карина послушно встала из кресла и поплелась за Томарой. Ее билась крупная дрожь. Так нечестно! Он умрет, и никто – никто! – не сможет ничего поделать. У нее перед глазами стояла веселая улыбка на фоне веснушек, и глаза, карие глаза, казалось, с упреком глядели на нее. Я умру, говорил взгляд, а ты останешься жить. Почему так?

И другой взгляд глаз, небесно-голубых, сначала растерянных, а потом смертельно-пустых, снова всплыл перед ее внутренним взором. Тот охранник в Институте, которого она убила – он был примерно такого же возраста, немного младше. Тогда у нее не оставалось

выбора, а сейчас нет возможности помочь, но результат один: смертная тьма, окутывающая этих ребят...

В ординаторской Томара усадила ее за стол и сама села напротив.

– Да, Карина, – произнесла она после тяжелой паузы, – именно так оно и происходит. Жаль, что на тебя навалилось такое в первый же день, но ничего не поделаешь. Мы не волшебники, и наши возможности ограничены. Мы далеко не всегда можем помочь. И в нашей работе ты обречена на то, чтобы мириться со смертью. Она всегда ходит рядом, и не так уж и редко мы оказываемся бессильны. Я теряла пациентов и знаю, что такое хотеть помочь и не иметь возможности.

Она вздохнула.

– К такому нельзя привыкнуть. С этим нельзя смириться. Но жизни нельзя позволить сломать тебя. Надо думать не о тех, кого ты потеряла, а о тех, кому помогла. Понимаешь?

– Да, госпожа Томара, – тихо сказала Карина. – Но ведь он такой молодой...

– Жизнь – игра в кости, Карина. Вероятность мала, но она есть всегда. Людям свойственно умирать, и мы ничего не можем изменить. По крайней мере, пока. Знаешь, пожалуй, хватит с тебя на сегодня. Иди-ка ты домой, передохни и расслабься.

– У меня еще нет дома, я пока в отеле живу, – помотала головой Карина. – Я сегодня иду к агенту по недвижимости, чтобы он мне наемную квартиру подобрал.

– Тем более. Если у него найдутся готовые варианты, тебе придется помотаться по городу. Так что иди. И не терзай себя понапрасну. Тот мальчик... он не твоя забота. За него найдется, кому переживать. Давай, топай. Все на сегодня.

– Да, госпожа Томара, – покорно согласилась девушка. Она поднялась из-за стола. Забытый Парс тихо пискнул из-под стула, и она подхватила его на руки и зарылась лицом в густую теплую шерсть. Томара сочувственно наблюдала за ней.

– Кстати, ладно уж, можешь приносить его с собой, – сказала она. – Думаю, вреда он не причинит. Только в процедурных и в палатах ему делать нечего, держи в ординаторской.

– Спасибо, госпожа Томара, – поблагодарила девушка. Она медленно натянула куртку, подхватила пакет с уличной обувью и, поклонившись на прощание, вышла. Хирург задумчиво смотрела ей вслед. Хорошая девочка, но слишком впечатлительная. Впрочем, после пятого курса у нее должен иметься богатый опыт вскрытия трупов, а излишне нервные особы такого не переживают. Так что еще обвыкнется...

Она взяла со стола планшет, в который списала историю болезни Мири, и перелистала ее еще раз, задержавшись на объемной реконструкции томограммы. Она повертела схему так и сяк, подкрашивая и выделяя разные участки. Нет, безнадежно. Даже если удалить основной конгломерат пораженных лимфоузлов вместе с затронутым участком пищевода, слишком много узлов в окружающих тканях. Все вычистить невозможно. Оперировать – только усугублять агонию, превращая и без того невеселый остаток жизни парня в невыносимый кошмар. Нецелесообразно. Ох, проклятое слово – «нецелесообразно»! Слово не о живом человеке речь идет, а о куске мяса... Если бы как-то выжечь все узлы, не травмируя окружающие ткани! Она со злостью швырнула стило на стол, но тут же обругала себя. Легко, выходит, поучать других? Самой бы взять себя в руки для начала...

Но все-таки – каким образом студентка-пятикурсница умудрилась с одного взгляда на томограмму диагностировать рак бронха?

Тот же день. Масария, городской оперный театр

– ...и очень прошу, девушки, посерьезнее, посерьезнее!

Руководитель хора поднялся из-за синтезатора и демонстративно щелкнул выключателем. Это послужило сигналом. Стоящие полукругом девицы, перешептывающиеся и перехи-

квивающиеся, задвигались, разбиваясь на группки. Яна с наслаждением потянулась, несколько раз наклонилась, достав ладонями пол, и встряхнулась, словно кошка. Денек получился тяжелым, и репетиция далась ей нелегко.

– Эй, Яни! – окликнула ее Нисана. Яна обернулась и в очередной раз позавидовала ярко-голубой копне волос подруги. Может, и в самом деле так же перекраситься?

– Чего? – спросила она.

– Ты чем сегодня заниматься собираешься? Мы с девочками собираемся в кафе закатиться. Не хочешь присоединиться?

Яна заколебалась, потом отрицательно качнула головой.

– Я бы с удовольствием. Но у меня завтра контрольная по философии средних веков. Середина семестра, блин, началась канитель... Почитать еще надо немного, а то завалю.

– Ну, смотри, – пожалала плечами та. – Заучишься до смерти – не жалуйся. Девчата, пошли. Кто за «Белого кугуму»?

– Да ну его! – фыркнула стоящая рядом не знакомая Яне девица. – Там какие-то странные парни все время тусуются. Давайте лучше в «Ясень»! И ближе, и попроще.

И стайка девушек, на ходу обсуждая заведения, ушла за кулисы. За ними потянулись и другие. Яна с сожалением посмотрела им вслед, раздумывая, не следует ли плюнуть на контрольную – да сдаст она ее, разумеется! – но тут же спохватилась. Она ведь еще не отпросилась на следующий раз!

Она со всех ног бросилась за уходящим руководителем, но задержалась, чтобы на ходу подхватить валяющуюся за кулисами сумку. Догнала его она уже рядом с общей гримерной.

– Господин Коораса! – задыхаясь, окликнула она его. – Господин Коораса! Приношу свои извинения, можно тебя на минутку?

– Да, госпожа Яна? – холодно осведомился руководитель. – Я слушаю.

– Господин Коораса! В огнедень, второго числа, я не смогу появиться на репетиции.

– Вот как? – приподнял бровь руководитель. – И причина?..

– У меня вечером коллоквиум в университете, – виновато пояснила Яна. – Пропустить нельзя, там полусеместровые оценки выставляют. Приношу глубочайшие извинения.

– Должен заметить, моя молодая госпожа, – тон руководителя стал еще холоднее, – что менее чем через период хор должен начать репетировать «Честь Карасато». А спевка коллектива оставляет желать лучшего. Много лучшего, смею заметить! И я почему-то не наблюдаю у некоторых участниц хора должного понимания лежащей на всех нас ответственности. Почему-то они полагают, что репетиции хора – нечто второстепенное, чем можно пожертвовать ради сиюминутных проблем.

– Но...

– И ты, госпожа Яна, как мне помнится, – неумолимо продолжал руководитель, – уже не раз отпрашивалась под предлогом занятий в университете. Между тем, высокое искусство не терпит житейской суеты и не прощает разбрасывания. Тебе следует серьезней относиться к репетициям и не пропускать их без крайне уважительных причин, к которым, – он поднял палец, на полуслове затыкая уже открывшую рот Яну, – коллоквиум в университете я никак не могу отнести. Я очень огорчен таким несерьезным подходом с твоей стороны. Ты должна помнить, что оперный хор Масарии – коллектив, в который отбирают лучших из лучших. Он – стартовая ступенька, чтобы стать солисткой, полноценной оперной певицей. И тебе следует серьезно задуматься, где же лежит твое истинное призвание – в опере или же где-то еще. Задуматься – и выбрать соответственно.

– Но я действительно не могу пропустить коллоквиум! – почти умоляюще произнесла Яна. – Он очень важный!

– Я не могу приковать тебя к сцене цепями, молодая госпожа, – заявил руководитель. – И я не тюремщик. Если не хочешь – не приходи. Так и быть, я не поставлю тебе прогул... в виде исключения.

Он кивнул, повернулся и пошел по коридору.

– Огромное тебе спасибо, господин Коораса! – искренне сказала Яна ему в спину. – Я крайне признательна тебе за покровительство!

Руководитель даже не повернул головы, но девушка почувствовала, как сквозь исходящие от него волны высокомерного неодобрения прорвалось что-то вроде скрытого смешка и искорки юмора. Облегченно вздохнув, Яна повернулась и пошла в противоположную сторону – к выходу. А все-таки он ничего себе дядька. Действительно думает о деле и даже не пытается приставать, как некоторые другие.

Она уже почти дошла до служебного выхода, но спохватилась и встала. А куртка-то! Сумку она схватила, а куртка осталась валяться где-то на старых пыльных стульях в коридоре, куда она свалила ее посреди вещей остальных хористок. Мысленно ругнувшись, она развернулась на пятках и потопала обратно.

Куртка обнаружилась там, где и положено. Яна подобрала ее – и нерешительно замерла на месте. Выход за кулисы большого концертного зала оказался не заперт. Отсюда сквозь пыльные занавеси боковых занавесов виднелся кусочек сцены. Свет в зале уже выключили, но скупая дежурная лампа в проходе бросала пятно света на синтезатор. Яна осторожно поставила на пол сумку, бросила сверху куртку и прошла на сцену, щелкнув по пути выключателем дежурного освещения. Подойдя к синтезатору, она погладила инструмент кончиками пальцев. Черный лак, натуральное дерево, двойная клавиатура – и начинка, позволяющая играть хоть за целый симфонический оркестр. И акустическая система, разнесенная по залу, с могучим и в то же время удивительно мягким и глубоким звуком. Она мысленно сравнила устройство с простеньким синтезатором, стоявшим дома. Да уж, небо и земля. Трансокеанский лайнер рядом со старой моторкой...

Она снова ласково провела пальцами по черному лаку. Наверное, ему скучно стоять вот так, в одиночестве. В полудреме он мечтает о ярком свете юпитеров, полном зале рукоплещущего народа и гениальном всемирно известном клавишнике, виртуозно исполняющем... что?

Она бросила взгляд на часы и воровато оглянулась. Половина девятого. Что-то сегодня репетиция продлилась на редкость долго, да еще и началась с опозданием. Ужинать ее, разумеется, не дождалась, так что торопиться уже некуда. А тут такой шанс! В конце концов, не убьют же ее, даже если застукают! Да и не застукают. Наверняка в здании оперы остались лишь ночной сторож да редкие полуночники. Горло после спевки немного саднит, но когда ей еще удастся оказаться здесь одной?

Она щелкнула тумблером питания и опустилась на круглый табурет исполнителя. Так... тумблер сюда... режим рояля? А что значит... ага, верхняя клавиатура. Нет, двойная клавиатура для нее – слишком, хватит и нижней. Так, и вот здесь включить... И, в конце концов, почему бы не попробовать основную акустическую систему? До сих пор при ней главную акустику задействовали лишь трижды, и каждый раз как-то второпях, мельком, наспех. И ни разу ей не подвергивалась возможность попробовать свой голос соло. А петь в хоре под встроенные в синтезатор динамики – совсем не то...

Она осторожно коснулась клавиш, и концертный зал оперы послушно отозвался глубокой вибрирующей нотой. Она взяла несколько аккордов, наслаждаясь звучанием, потом вздохнула, расправила плечи и запела, аккомпанируя себе, арию Намии из «Пустынного странника»:

*– Пусть туча черная над головой висит,
Пусть буря злобная бушует, с ног сбивает,
Надежда нас ведет и согревает,*

Звезда свободы нас к себе манит!..

Здесь она сбилась, обнаружив, что следующая строфа напрочь вылетела из головы. По инерции взяв еще несколько тактов, она остановилась и задумалась. Нет, не вспоминается. Ну хорошо, другая ария. Правда, ее надо исполнять на два голоса, но партнера взять неоткуда. Зато она помнит ее всю.

Яна снова пробежалась по клавиатуре пальцами и начала партию Намии:

*– Бессмысленно гадать, не зная брода,
Бессмысленно сворачивать с пути.
Добьешься ты для своего народа
Свободы, лишь черту переступив!*

Для партии Каратая она взяла октавой ниже:

*– Но где свобода для рожденных в рабстве?
Ведь мифа путеводная звезда,
Нам лгущая о мире и богатстве,
Нас уведет в ничто и в никуда...*

И снова партия Намии:

*– Там, далеко, всегда за горизонтом
Нас манит полноводная река,
Где листья шепчут, шелестя негромко,
Деревьев на тенистых берегах!*

И тут неожиданно для нее арию подхватил сильный мужской баритон:

*– Но здесь вокруг лишь знойная пустыня
Где жажда губит злее, чем вражда,
Неволи если мы покой отринем,
В безводье можно сгинуть навсегда!*

Яна сумела удержаться и не сбить мелодию. Мельком бросив взгляд через плечо, она увидела высокого мужчину с выбеленными волосами и крупными, словно рублеными чертами лица, одетого в клетчатую рубаху и затасканные синие брюки. А он кто такой? Впрочем... почему бы и нет?

*– Но лучше смерть в борьбе, чем прозябанье,
Униженность, безволие и бич,
Настало время с рабством расставанься,
Пришла пора свободы нам достичь!*

*– Да, мы пройдем безводную пустыню, – продолжил арию мужчина.
– Да, мы найдем благословенный брег!
Мы плена прозябание отринем.
Отныне раб – свободный человек!*

Яна подхватила, и две последние строфы они завершили дуэтом:

*– Нас ожидают страшные невзгоды,
Но это невеликая цена,
Ведет нас предвкушение свободы,
И мы готовы заплатить сполна!*

*Не все пройдут сквозь мертвую пустыню,
Увидят блики солнца на реке,
Но знайте – мы не пленники отныне,
И мы идем наперекор судьбе.
И мы идем – наперекор судьбе!*

Яна взяла последние такты и дала звукам угаснуть в тишине зала. Потом напоследок нежно коснулась клавиш и отключила синтезатор. Поднявшись с табурета, она повернулась и поклонилась мужчине:

– Меня зовут Яна, господин. Рада знакомству, прошу благосклонности.

– Пожалована... – отмахнулся тот, откровенно разглядывая девушку. – Без формальностей. Ты откуда такая голосистая взялась, Яна? Что-то я тебя раньше в театре не видел.

Яна потянулась и осторожно коснулась его эмоций. Интерес, недоумение, легкое сексуальное возбуждение – от нее он завелся, что ли? – похоже, он искренен.

– Я в хоре пою, – пояснила она. – Задержалась после спевки, ну и решила... попробовать акустику. Приношу свои извинения, господин, я не хотела никого тревожить. Я уже ухожу.

– Ах, в хоре... – протянул мужчина, что-то прикидывая. – Тогда понятно. Я-то думал, ты актриса. Яна, Яна, Яна... А по фамилии?

– Яна Мураций, – снова поклонилась девушка. – Приношу свои нижайшие извинения, но могу ли я узнать твое имя, господин?

– Вот здорово! – весело рассмеялся мужчина. – Ну наконец-то в нашем борделе на колесах нашлась девушка, не знающая меня в лицо! Прости, как-то не подумал. Я Таносий Касю, солист.

– Таносий... – повторила Яна – и осеклась. – Таносий Касю? Ух ты... Чрезвычайно польщена знакомством, господин.

– Я же сказал – без формальностей. Терпеть не могу вежливый тон. Прямо стариком себя чувствую. Расслабься, Яна, я не кусаюсь. Только, сдаётся мне, нет у тебя разрешения пользоваться оборудованием. Ты поаккуратнее, а то застучает сторож – вони не оберешься. Почему зал вообще не закрыт?

– Не знаю, гос... Таносий. Мы занимались в малом камерном зале, как обычно, а потом я вернулась за забытой курткой. Зал стоял почему-то открытым, ну и я... – Она потупилась.

– Искреннее раскаяние можешь не изображать, все равно не поверю, – сообщил певец. – Да ладно, не сдам я тебя. Как можно обижать девушку с таким голосом... и такой фигуркой... и таким прелестным личиком...

– Спасибо за высокий комплимент, Таносий, – улыбнулась Яна. – Нет, конечно, я не раскаиваюсь. Жаль только, больше сюда не попасть.

– Почему? – удивился мужчина.

– Я однажды пыталась попроситься, – пояснила девушка. – Но господин Коораса на меня даже руками замахал. Он наш руководитель хора, – поспешно добавила она.

– Да знаю я его! – хмыкнул солист. – Зануда, каких поискать. Не он здесь главный, не за ним последнее слово. Знаешь, я мог бы поспособствовать твоей проблеме. У меня в нашем заведении есть некоторый авторитет. Такой голос, как у тебя, надо развивать. Поставлен он у

тебя неплохо – в музыкальной школе занималась, да? – но до профессионального умения еще далеко. Дыхание пока не очень, на высоких тонах слегка подрагиваешь... Надо тренироваться как следует.

Он подошел к ней вплотную.

– Да, Яна, можно поспособствовать. И не только тренировкам соло. Я слышал, у нас намерены ставить «Смерть и любовь», сейчас подбирают исполнителей. Я могу поговорить с режиссером, чтобы тебе дали на пробу роль второго плана. Скажем, роль Масасики. А там уже как себя покажешь... Я вообще много чем могу помочь начинающей актрисе вроде тебя.

Он дотронулся ладонью до ее щеки и заглянул в глаза. Девушка почувствовала на себе его теплое дыхание и почти физически почувствовала исходящие от него волны явно усилившегося сексуального возбуждения. Ну вот. А она-то ненадолго поверила, что он действительно заинтересовался вокальным талантом... Все мужики одинаковы – только и думают, как бы девицу в постель затащить.

Она деликатно отстранилась.

– Прости, господин Таносий, – с сожалением произнесла она, – но вообще-то я не профессиональная актриса. Я в университете на дневном отделении учусь, а в хоре пою, чтобы форму не терять. И даже на него времени не всегда хватает. Так что твоя помощь, без сомнения, крайне ценная, мне не пригодится.

– Вот как? – немного раздраженно произнес певец. – Ну, если так, то приношу извинения за непрошенную назойливость. Но, возможно, мы еще... э-э-э, позанимаемся вместе музыкой?

– Возможно, – Яна лукаво взглянула на него, потом вытянула руку и легко пробежалась ногтями по его груди. В конце концов, почему бы и нет? Дядька хоть и старый, но вполне симпатичный, так что пару-тройку раз и без взаимных претензий вполне можно. – Как-нибудь вечером мы еще обсудим вопрос... Таносий. У нас спевки трижды в неделю – в огнедень, златодень и небодень, заканчиваются обычно в полвосьмого. Заглядывай в гости. А сейчас извини, уже поздно. А мне еще домой добираться.

Она поклонилась, подобрала сумку и, на ходу натягивая куртку, ушла за кулисы. Солист с кривой улыбкой посмотрел ей вслед. Любая другая хористочка сходу бы растаяла как масло на огне. А эта еще и отбрыкивается! Впрочем, полностью не отшила, и то ладно. Но, похоже, она слишком много о себе думает. И ведь и красавицей-то назвать нельзя – плотненькая, скуластая, темноволосая, невысокая, на улице таких десять на дюжину, но как в себе уверена! За свои сорок два года он навидался самых разных женщин, и теперь за пару минут разговора безошибочно умел определять, на каком свидании очередная ищущая его покровительства девица позволит затащить себя в постель: на первом или втором. Но Яна... она действительно не ломалась, а отказалась на полном серьезе. В ней чувствовалась какая-то спокойная уверенность, основанная на внутренней силе, странная целеустремленность. Похоже, она точно знает, что ей нужно от жизни, и добиваться своего через постель не намерена.

Да, интересная девица. И явно дала понять, что не прочь перепихнуться как-нибудь на досуге, но без перспектив. Возможно, он ей воспользуется. А может, и нет – что-то многовато у него параллельных любовных историй, чтобы еще в одну вляпываться. И так сегодня из-за стервы-Байты приходится ночевать не дома, а в одиночестве на диванчике в своей уборной. Самое обидное, что с той актриской у него и в самом деле ничего не было, но поди ж объясни женошке...

Солист встряхнулся и вышел из зала, погасив за собой свет. Прикрыв дверь, он отправился искать ночного сторожа. Надо ему как следует объяснить, что делают со сторожами, забывающими о своих прямых обязанностях. Шашни шашнями, а ему здесь еще петь, и если каждая хористка начнет развлекаться с инструментом, он, глядишь, и сдохнет в самый неподходящий момент...

1.12.849, *древодень. Оканака, телестудия канала «Трибуна»*

– ...и теперь я могу твердо заявить, что с приходом нового продюсера мое творчество поднялось на новый уровень.

Аудитория, подчиняясь не заметному камерам табло, вежливо захлопала. Вай, растянув губы в оскале профессиональной улыбки телеведущего, брезгливо рассматривал сидящую перед ним «восходящую звезду». За столько лет, кажется, можно бы и привыкнуть, но раз за разом он поражался вполне искреннему апломбу, с которой якобы «артисты» произносят слова «мое творчество». Ведь на полном же серьезе полагают высоким искусством убогое верчение задницей перед камерой и свой тусклый невзрачный голосишко! Задницы, надо признать, частенько очень даже соблазнительные, но для творчества их все-таки маловато...

– Просто замечательно, госпожа Татайя! – преувеличенно восхищенно произнес он. – И, надо полагать, уже в скором времени поклонники смогут услышать и увидеть новые музыкальные шедевры в твоём выдающемся исполнении?

– Безусловно! – твердо заявила грудастенная звезда, непринужденно закидывая ногу на ногу и демонстрируя камерам безупречной формы бедро, ничуть не скрываемое узенькими шортиками. – Сейчас я уже снимаю новый клип, в котором...

– И даже недавний скандал, который устроил тебе господин Макура, – вкрадчиво перебил ее Вай, – не сможет прервать твою работу?

– Ка-акой скандал? – звезда аж поперхнулась от неожиданности. – Не было никакого...

– Ну как же, когда в последнюю неделю это главный слух недели? – зубасто ухмыльнулся журналист. – Поговаривают, что он расторг с тобой и контракт, и всяческие отношения – вы ведь намеревались в следующем периоде устроить свадьбу, верно? Ну, а права и на слова, и на музыку нового клипа принадлежат ему. И теперь, как поговаривают, ты, госпожа Татайя, не можешь продолжать съемки. И что по сему поводу думает твой новый продюсер?

– И вовсе я ни с кем не скандалила! – обиженно надув губки, заявила певичка. – У нас... ну, просто наши творческие планы оказались лежащими в разных плоскостях, вот! Мы обсудили разногласия...

– ...так, что пришлось вызывать полицию... – в сторону добавил Вай.

– ...и решили, что наше сотрудничество, плодотворное в прошлом, требует временной приостановки! – твердо закончила певичка. А ведь ее уже натаскивали, отметил про себя журналист. Ишь, шпарит как по писаному.

– А может, поинтересуемся у него самого? – спросил он, благожелательно улыбнувшись и незаметно нажимая кнопку под столом. – Вдруг у него иная точка зрения на события.

– А-а... как спросим? – в тихой панике поежилась звезда. – Зачем?

– Дамы и господа! – хорошо поставленный голос Вая разнесся по студии. – Поприветствуем господина Макуру Топикассу, продюсера, автора, композитора и исполнителя!

Аудитория взорвалась громом аплодисментов, и из бокового прохода стремительно выбежал невысокий парень в аляповатом оранжево-сине-зеленом костюме, покрытом переливающимися блестками. Залихватски торчащий чуб блистал всеми оттенками синего.

– Нет у нас никаких творческих разногласий, стерва драная! – заорал он без предисловий, подсакивая к певичке и упирая руки в бока. – У нас одно разногласие – что ты даже с манекенами трахаешься!

– Сам козел! – заорала в ответ Татайя, тоже вскакивая на ноги. – Ты сам ни одной юбки не пропускаешь! Думаешь, я не знаю, с кем ты спал за последний период? Я даже счет потеряла...

– Тихо, тихо! – вмешался Вай. – Я так думаю, всем лучше присесть на свои места. Госпожа Татайя, господин Макура, вот ваши кресла.

Певичка с композитором еще несколько секунд сверлили друг друга яростными взглядами, потом плюхнулись в кресла, демонстративно уставившись в разные стороны.

– Получается, вам обоим не нравится, что ваш партнер спит с другими, верно? – уточнил журналист. – И вы оба испытываете серьезные моральные страдания?

– Испытываю! – обиженно тряхнув головой, согласилась певичка. – Он...

– А я не испытываю! – гордо перебил ее композитор. – Пусть она в одиночку страдает. Мы договор заключили, и если она его нарушила...

– Ты сам его нарушил! – крикнула Татайя, снова взвываясь на ноги. – Мы с тобой вечером уговорились, что больше никого, а утром ты уже опять затащил в постель Паруту, дурищу кривоногую!

– Да ты сама кривоногая! – еще одна певичка выскочила из другого выхода и бросилась к возвышению с креслами. Вай тихо крикнул. Несдержанной дуре следовало появиться минут через десять, не раньше, когда публика в должной мере насладится визгливым скандалом. Впрочем, сойдет и так. Сценарий по ходу дела подправить можно. – Сама кривоногая и толстозадая! Кто бы говорил!

– А тебе что здесь надо? – повернулась к ней Татайя. – Ревнуешь, да? Ревнуешь? Из-за того и с Маки переспала, чтобы мне отомстить?

– Я с кем хочу, с тем и сплю! – заорала Парута. – Думаешь, если меня бросила, то я уже в монастырь уходить должна? Только тебе можно на мои чувства плевать, да?

– Я тебя бросила? – от избытка чувств Татайя затрясла в воздухе сжатыми кулаками. – Я?! Да я для тебя вообще одноразовая забава! Стерва!

Она бросилась вперед и вцепилась в волосы Паруты. Та взвизгнула и принялась неуклюже лупить ее ладошками по рукам.

– Дамы, дамы! – Вай вскочил с стула и отработанным движением вклинился между дерущимися. – Не забывайте, на вас вся страна смотрит. Давайте-ка оставаться в рамках! Ну-ка, присаживайтесь...

Он усадил девушек в кресла по разные стороны от презрительно скривившего губы Макуры и вернулся на свое место.

– А теперь, дамы и господа, давайте обсудим ваши сложности спокойно и без нервов, – весело улыбнулся он. М-да. Возможно, он парочку недооценил. Им полагалось сцепиться не ранее, чем минут через пятнадцать. Весь сценарий коту под хвост идет. Ну ничего, не впервой. А на драку их можно спровоцировать и еще разок...

Когда ведущий оператор сжал в воздухе поднятый кулак, а на скрытом под столом ведущего пульте замигала красная лампочка, Вай резко встал со своего места.

– Конец эфира, – сухо сказал он, сдирая микрофон. – Все свободны.

Не глядя на потягивающихся и мирно беседующих поп-звезд – на лице Татайи набухла красная царапина, а прическа Паруты заметно растрепалась – он прошел к выходу в режиссерский отсек. Сияющий помощник поднялся ему навстречу.

– Здорово, господин Вай! – восторженно сказал он. – Мы из миллиона вышли! Миллион двадцать тысяч подключений, и еще с хвостиком!

– Замечательно... – пробормотал Вай, плюхаясь на диван и сворачивая пробку бутылке с газировкой. – Сдохнуть можно, как замечательно...

– Да! – закивал помощник. – А как ты этих уродов опускал – вообще класс!

– Слушай, ты давно в моем шоу? – неприязненно покосился на него Вай, безуспешно пытаясь вспомнить имя.

– Э-э... вторую неделю, господин Вай.

– Понятно. Слушай, мальчик, ты что, всерьез думаешь, что я кого-то опустил? Что им хоть чуть-чуть стыдно за то, что они себя на всю страну наизнанку вывернули? Да ты посмотри на них! – он ткнул пальцем в сторону экранов, на которых отображался стремительно пустеющий зал студии. Статисты торопились по своим делам, а обе девицы и парень, еще пару минут назад с ненавистью оравшие и визжавшие друг на друга, чуть ли не в обнимку уходили со

сцены, весело пересмеиваясь. – Им же нравится! Для них скандал – единственный способ к себе интерес поддержать. Я их в выгребную яму засунуть могу перед камерами, а они только улыбаться и благодарить станут. Ничего другого за душой у них нет, ты что, не понимаешь? А-а...

Он махнул рукой и присосался к бутылке.

– Я даже поручусь, что половину самых интересных подробностей о своих отношениях они прямо тут, по ходу дела выдумали, – пробормотал он, отставляя опустошенную емкость. – Знал бы ты, как они меня все достали...

Проигнорировав растерянно вытянувшееся лицо помощника, он откинулся на спинку дивана и закрыл глаза. Все на сегодня. А времени еще и восьми нет. По кабакам пойти? Или махнуть на все рукой, слопать таблетку «верозана» и завалиться спать? Как его задрала такая жизнь! Ага, популярность у тупого быдла, восторгающегося шоу. Только о ней ли он мечтал двадцать лет назад, когда юнцом поступал на факультет журналистики? Как его тошнит от холеных идиоток-артисточек и богемной жизни...

Заставив себя раскрыть глаза, он поднялся с дивана.

– Заканчивай тут все, – сухо сказал он помощнику. – Если что, я на связи.

Так и не выработав определенного плана на вечер, он вышел в коридор и зашагал к лифту. И почему ему так тоскливо?

Тот же день. Крестоцин

Вот она подходит к кровати пациента, рядом с которой помигивают огоньками сложные медицинские приборы. На ней строгая синяя хирургическая пижама – отутюженные стрелки на брюках со свистом режут воздух, на блузе ни единой складки, в руках планшет, на который уже выведена история болезни, на груди болтается диагност, а во взгляде мешаются профессиональный интерес и материнская забота. Больной с надеждой смотрит на нее, и она, бросив быстрый взгляд на планшет и посмотрев на пациента через сканер эффектора, сходу ставит диагноз. Обернувшись к сопровождающей медсестре, она говорит...

Что именно она говорит, от раза к разу варьировалось. Карине нравилось мечтать о том времени, когда она наконец станет настоящим врачом и начнет самостоятельно лечить больных. Однако до того блистательного дня, похоже, оставалось еще долго. Куда больше, чем хотелось бы.

Как и пообещали главврач с Томарой, ее обязанности, скорее, походили на медсестринские. Она участвовала в ежедневных перевязках – преимущественно в гнойной перевязочной, поскольку медсестры с большой неохотой там дежурили и с радостью соглашались на подмену, ставила катетеры, капельницы и уколы, ассистировала на операциях (с умным видом, незаметным под маской, стояла возле подносов с инструментами и иногда подавала корнцанг, дренаж или кетгут) и даже брила животы перед операциями. Сверх того госпожа Томара не упускала задать ей вопрос-другой на самые неожиданные темы, и от раза к разу Карине приходилось убеждаться, что в учебниках написано далеко не обо всем. Наконец, куратор, как и грозились в первый день, загрузила ее чтением пособий по хирургии, пообещав, что к концу практики устроит настоящие экзамены по прочитанному. Карина лишь тихо радовалась про себя, что больница не обслуживает ни орков, ни троллей – на тех специализировались Третья и Четвертая городские больницы. Иначе с Томары случилось бы устроить ей экзамен и по нечеловеческой анатомии.

Первые несколько дней голова у нее просто шла кругом. Она не боялась медсестринской работы, поскольку неплохо ее знала. Но новое место, новые люди, необходимость учиться параллельно с работой и постоянное ожидание каверзных вопросов действовали ей на нервы.

И она никак не могла забыть Мири, того парня с раком бронха, чья улыбка все еще стояла у нее перед глазами. Несколько раз она даже тайком глотала успокоительные.

Но постепенно все вошло в колею. Она научилась не бояться старшую медсестру Марину, которая, хоть и грозная на вид, при близком знакомстве оказалась вполне приятной в общении тетужкой. Довольно близко она сошлась с несколькими медсестрами – Тампарой, Валлой, Цумахой и Камароной, чистокровной тарсачкой, чьи родители эмигрировали на Восточный континент из Граша лет десять назад. Девушки мало отличались от нее по возрасту. Им исполнилось по восемнадцать-двадцать лет, они заканчивали один и тот же двухгодичный медицинский колледж, и Карина уже через пару дней чувствовала себя с ними настолько естественно, словно знала их с детства.

Другие медсестры, постарше, как и врачи, тоже отнеслись к Карине с теплотой. Когда они разглядели, что новенькая не пытается отлынивать даже от самой грязной и неприятной работы и не гнушается вынести из-под пациента утку, первая настороженность испарилась. Конечно, до по-настоящему приятельских отношений пока не дошло, но никто не отказывался объяснять и пояснять ей непонятное. Парс быстро завоевал в отделении бешеную популярность и самостоятельно совершал ежедневные обходы палат, бесцеремонно вспрыгивая на кровати пациентов и благосклонно принимая поглаживания и подергивания за уши. Живого зверька на его месте наверняка закормили бы до смерти всякой вкуснятиной, но зоки такая опасность не грозила, так что Карина оставалась за него спокойна. Госпожа Марина поначалу хмурилась и ругала шестипалого ушастика за антисанитарию, но потом смягчилась и она: Парса положительно невозможно было не любить.

В златодень первой недели Карина засиделась в отделении допоздна. С утра заболела одна из медсестер, и Карине пришлось провести в процедурном кабинете на полтора часа больше, чем обычно. Затем госпожа Томара отправила ее ассистировать на двух операциях подряд. Первой оказалась банальная аппендэктомия. Операцию Карина видела уже много раз, и интереса она не представляла никакого. Правда, Томара и здесь нашла повод заставить ее покрыться холодным потом, потребовав указать место, в котором перевязывать брыжейку. Когда девушка дрожащим пальцем ткнула в большой плоский экран, куда выводилось изображение с лапароскопа, куратор, оторвавшись от наглазного экрана, лишь хмыкнула:

– Поздравляю, Карина, ты только что перекрыла бедняге артериальные ветви. Запомни: не следует лигатуру накладывать слишком низко. Оптимально примерно вот здесь... – Она показала световой указкой на нужную точку, подвела туда робоманипуляторы и двумя движениями лазерного скальпеля запаяла сосуды. Затем она принялась ловко орудовать манипуляторами, накладывая кисетный шов вокруг отростка. Девушка лишь вздохнула. Похоже, всем ее мечтам суждено остаться лишь мечтами. Какой из нее хирург, если она даже аппендикс вырезать не сможет толком?

Следующая операция оказалась куда сложнее. Проводила ее бригада, составленная из Томары, доктора Фуруя и анестезиолога Ххараша, невысокого пожилого орка с седыми кончиками ушей, единственного орка в отделении. У среднего возраста женщины после какого-то давнего ожога в пищеводе в районе желудка образовались рубцовые стриктуры, решительно не поддающиеся консервативному лечению, из-за чего та лишь с большим трудом могла принимать пищу. Запись эндоскопии очень походила на виденную Кариной в первый день у пациента со скользкой грыжей. Операция, которую доктор Фуруй назвал «трансиатальной резекцией и экстирпацией пищевода», заняла четыре часа времени, и к ее концу и Томара, и Фуруй выглядели изрядно измотанными. До того Карина только однажды присутствовала на операции на открытой полости, так что с большим любопытством наблюдала за ходом резекции. Кроме того, ей доверили налагать наружные швы, и она с поставленной задачей справилась с честью, срастив рану холодной сваркой так, что та почти не выделялась на фоне бледного живота пациентки. А сверх того, чтобы края раны случайно не разошлись, она тайком помо-

гала сварочному аппарату своим наноманипулятором. Карина знала, что через несколько часов почти незаметный сейчас рубец уродливо набухнет и покраснеет, но сейчас она почти с удовольствием полюбовалась на дело своих рук.

После операции несмотря на уже почти подошедший к концу рабочий день (и ее никто не осудил бы, отправься она домой), Карина засела в ординаторской за терминал Томары, чтобы почитать учебник. Уединенное одиночество еще не обжитой наемной квартиры угнетало ее. Дома она так привыкла к постоянному присутствию вокруг людей, что квартирка казалась ей тюремной камерой-одиночкой. Рядом за своими столами сидели двое хирургов, которых она еще не запомнила, и анестезиолог Той – ночная дежурная бригада. Хотя они и не обращали на девушку внимания, углубившись в свои терминалы, в их присутствии Карина чувствовала себя как-то уютнее.

Когда часы на стене пискнули, отмечая наступление восьми часов вечера, она оторвалась от учебника, сладко потянулась и зевнула. Пора собираться домой. Завтра деньдень, выходной. Даже два дня выходных – в небодень она тоже отдыхает, спасибо Томаре. Можно отоспаться, отдышаться от первой рабочей недели на новом месте, наконец-то прогуляться по Крестоцину при дневном свете и вообще завершить массу мелких дел и делишек, которые так не хочется делать вечерами. И можно, наконец, дойти до компьютерного магазина и арендовать терминал, чтобы заниматься дома. Не таскаться же, в конце концов, через полгорода в университетскую библиотеку за громоздкими бумажными фолиантами!

Она выключила терминал, еще раз зевнула и вылезла из-за стола. Парс, лежащий на соседнем стуле, приподнял голову и вопросительно посмотрел на нее. Девушка переобулась, надела куртку и уже совсем было собралась устроить его у себя на плече, но тут в ординаторскую заглянула Томара. Карина удивилась – ей казалось, что та уже ушла домой.

– Ты еще здесь, Карина? – улыбнулась ей куратор. – Хорошо. Мы с Кулау думали, что ты уже ушла. Поздно спохватились, но главное, что успели. Пойдем-ка дойдем до его кабинета.

– Да, госпожа Томара... – девушка постаралась не подать виду, что озадачена. Зачем она в такой поздний час понадобилась главврачу? Она сделала что-то не так? – Парс, рядом.

Зверек соскочил со стула и нетерпеливо закружился вокруг нее. Она пошла, точнее, почти побежала за Томарой – та шагала споро и размашисто, словно у нее на плечах и не висел тяжелый рабочий день. Возле двери завотделением куратор остановилась и пропустила девушку вперед. Чоки-секретарша, как всегда, свежая и красивая, ослепительно улыбнулась им. Карина на всякий случай коротко поклонилась ей и скользнула в кабинет заведующего.

Доктор Кулау приподнялся за столом и приветливо кивнул ей.

– Добрый вечер, Кара, – сказал он. – Присаживайся. Ну, как тебе первая рабочая неделя? Не жалеешь, что решила стать врачом?

– Нет, господин Кулау, не жалею, – улыбнулась Карина ему в ответ, присаживаясь возле его стола. Томара села на стул напротив и сладко потянулась.

– Рад слышать. Я, в свою очередь, намерен сообщить тебе, что весьма доволен твоими первыми днями в отделении. Мы с Томой, если честно, не ожидали от тебя такой прыти...

– И такой ответственности, – добавила хирург.

– И ответственности, – согласился Кулау. – Если продолжишь в том же духе, со временем из тебя выйдет хороший врач.

– Спасибо, господин Кулау, госпожа Томара...

Карина почувствовала, что краснеет. Она знала, что хорошо работает, но как-то не ожидала, что ее станут хвалить. По крайней мере, папа хвалил ее только тогда, когда она достигала чего-то действительно выдающегося. И правильно – разве стоит одобрять человека, который всего лишь делает то, что должно?

– Ну, и в качестве поощрения мы решили сделать тебе сюрприз, – продолжил Кулау. – Не только, впрочем, в качестве поощрения. Кара, мы от лица всего нашего хирургического

отделения поздравляем тебя с днем рождения. Двадцать лет – хорошая дата. Пожалуй, самый лучший юбилей в жизни – уже круглый, но жизнь только-только начинается. Вот, прими в качестве небольшого подарка.

Он открыл ящик стола и вытащил из него высокий глянцевый параллелепипед, украшенный этикетками кондитерского магазина Варагты. С широкой улыбкой он поставил его на стол и с хитрым видом фокусника снял верхнюю часть коробки.

– Па-ру-раам! – торжественно пропел он.

...когда потемнение в глазах прошло, Карина осознала, что стоит, вжавшись лопатками в дальнюю стену кабинета. Сердце бешено колотилось, грудь словно забило жарким и вязким пухом из подушки. Руками она сжимала горло, словно намереваясь себя задушить, а манипуляторы эффектора спиральями оплелись вокруг тела. Наверное, если бы они могли воздействовать на нее, она раздавила бы саму себя в малиновый джем. Парс прижался к стене возле нее и громко шипел в пространство, оскалив клыки. Отлетевший стул вверх тормашками валялся в стороне, а Томара с Кулау смотрели на девушку одинаково круглыми от изумления глазами.

– Кара, что с тобой? – куратор встала и подошла к Карине, заглянув ей в лицо. – Ты словно обаку увидела!

– Простите, госпожа Томара, господин Кулау... – с трудом прошептала девушка, часто и тяжело дыша. – Простите! Моя вина. Приношу свои нижайшие извинения!

Он опустила руки и заставила манипуляторы расслабиться и свернуться в клубки. Словно во сне, она подошла к перевернутому стулу, подняла его и аккуратно поставила на место. Во сне... Когда много лет назад пирожное ночами снилось ей в кошмарах, она с таким же бьющимся сердцем, задыхаясь от слез, вскакивала с кровати – но рядом даже в глухую полночь всегда оказывался папа, к которому можно прижаться и выплакаться, успокаиваясь, чтобы потом забыться легким светлым сном без сновидений. Но сейчас папы нет рядом, и она уже давно не та маленькая тринадцатилетняя девочка, не способная успокоиться самостоятельно.

– Приношу свои нижайшие извинения, – почти нормальным голосом проговорила она. Хорошо, что Караби научил ее контролировать дыхание! – Я сверх всякой меры благодарна вам за проявленную заботу. Просто... просто... я никогда не отмечаю свой день рождения.

– Но почему, Кара? – Томара снова подошла к ней и, нажав на плечи, заставила сесть. – И почему ты так отреагировала на пирожное? Обычный шаклер. Кара, мы тебя чем-то обидели? Пожалуйста, скажи.

Сердце в груди Карины обратилось в камень. Если она скажет, для нее все кончится плохо. Если не скажет, обидит двоих людей. Любой выбор плох. Но Томара и Кулау хорошо отнеслись к ней, и они не заслужили такого отношения. А она... Если есть выбор между своими чувствами и чужими, выбирай чужие.

– Я не отмечаю день рождения, – сквозь силу произнесла она. – Десять лет назад в этот день я впервые убила человека. Людей.

– Ты? – недоверчиво осведомилась куратор. – Но ведь тебе тогда исполнилось всего десять! Как ты могла...

Она осеклась и переглянулась с Кулау.

– Кара, ты девиант? – спросил ее главврач.

Девушка молча кивнула.

– И в день рождения у тебя проявились особые способности?

– Да. – Понурившись, она смотрела в пол. Сердце бухало в груди так громко, что почти заглушало слова. – У меня был день рождения, и госпожа Мамира, моя воспитательница в детском доме, подарила мне такое же пирожное. Она всегда меня жалела. А мальчишки... у нас трое злых старших мальчишек всегда ходили компанией, они его отобрали. Даже не съели, а большей частью просто растоптали по полу. Я плохо помню, что произошло дальше. Кажется,

у меня случилась истерика, и я... и у меня пробудился эффектор. Они погибли, все трое. Я разнесла всю комнату, а потом, когда вбежала госпожа Мамира, убила и ее.

Внезапно ей показалось крайне важным оправдаться именно перед Томарой и Кулау. Она вскинула взгляд.

– Я не хотела, честно! – горячо сказала она. – Я любила госпожу Мамиру! Но я себя совсем не контролировала!

– Да, так оно обычно и происходило... – вздохнул доктор Кулау. – Дети, не умея контролировать себя, убивали родителей, родственников и просто окружающих. Прости нас, Кара. Мы и понятия не имели, что у тебя в прошлом такая трагедия.

Против воли Карина криво усмехнулась. У нее, значит, трагедия? Интересно, а что тогда случилось у погибших?

– И что произошло дальше? – осторожно спросила Томара. – Тебя отправили в спецзаведение?

– Я убежала и скрывалась полгода. Та зима оказалась на удивление мягкой, и я могла жить в заброшенных домах на окраине города. Воровала из домов и магазинов еду, пряталась от людей... Я убила еще нескольких человек, которые случайно напугали меня. Потом на меня начали охотиться. Когда поймали, отправили в Институт человека, и я провела там два года.

Томара испуганно прижала руки ко рту. Лицо Кулау дернулось, но осталось бесстрастным.

– Масария, ну конечно же. Следовало догадаться. И потом, в сорок третьем, тебя освободили оттуда, да? – спросил он.

– Да, – кивнула девушка. – Папа... мой приемный отец взял меня к себе, и с тех пор я живу с ним. Господин Кулау, честное слово, сейчас я полностью контролирую себя! Я не причиню никому вреда, никогда и ни за что! Не выгоняйте меня, пожалуйста, очень прошу!

– Ну-ну! – Томара ласково похлопала ее по плечу. – Успокойся, Кара, никто тебя выгонять не собирается. Мы не виним тебя ни в чем. Девиант ты или нет, это никак не касается твоей работы в больнице. Верно, Калу?

– Разумеется, – кивнул главврач. – Карина, Тома уже сказала, что мы весьма довольны твоим подходом к делу. Не думаю, что ты способна использовать свои способности в зло или просто бездумно. Так что ничего не меняется. Просто продолжай работать и учиться в том же духе. А прошлое – ну что же, прошлое далеко не всегда приятно вспоминать не только тебе. И, по крайней мере, теперь я понимаю, почему ты так хочешь спасти людей.

– Спасибо, господин Кулау. Спасибо, госпожа Томара, – кивнула Карина. – Я благодарна вам за заботу, очень-очень благодарна. Еще раз прошу простить, что так получилось. Теперь я пойду, ладно?

Она поднялась со стула.

– Парс, рядом! – скомандовала она, подходя к двери.

– Карина, погоди! – внезапно сказала Томара. – Тогда, в первый день... Ты определила, что у пациента рак. Ты использовала свои возможности?

– Да, – согласилась девушка. – У меня есть дополнительная способность, которую папа называет объемным сканером. Я могу видеть сквозь предметы. Внутри предметов. Похоже на томограмму, только все серое и выглядит почти как настоящее.

– Вот как?... – задумчиво прищурилась Томара. – Знаешь, Кара, по-моему, способность чрезвычайно полезная. Мне нужно подумать, но, полагаю, мы твой сканер обязательно обсудим еще раз. А еще какие-то способности у тебя есть?

– Наноманипулятор. Я умею работать с веществом на молекулярном уровне. Сложно и хлопотно, но могу, например, запаивать не очень крупные сосуды и останавливать кровотечение. Или вытащить глубокую занозу.

– Невероятно... – пробормотал Кулау. – Тома, нам определенно следует обдумать новые обстоятельства как следует. Таким талантам пропадать нельзя. Хорошо, Карина, на сегодня мы от тебя отстанем. Давай, иди, отдыхай.

– Да, господин Кулау, – кивнула Карина. – Спокойной ночи.

Она помахала рукой и, сопровождаемая Парсом, выскользнула в приемную.

Оставшись в одиночестве, Томара и Кулау переглянулись.

– Ну и номер! – вздохнул заотделением. – И перепугала же она меня, когда со стула грохнулась...

– Меня не меньше, – хмыкнула куратор. – Ну и ну! Кара – девиант! Да еще из Института! Значит, у нее первая или вторая категория. Да еще и дополнительные способности...

– Я все гадал, когда и как они проявятся, – произнес главврач, задумчиво пощипывая подбородок. – Помнишь – тогда так и не нашли, куда делись двадцать ребятишек из Масарии.

– Да, пока Закон о тайне личности не подправили, только ленивый их не искал, – согласилась Томара. – Ну вот, пожалуйста. Удовлетворил свое любопытство?

– Более чем, – пожал одним плечом Кулау. – Но тяжелое же у девочки выдалось детство, если ее даже сейчас так корежит. Приглядывай за ней, Тома. Плохо, когда у врача такие нервы.

– Конечно, Калу, – кивнула женщина. – Но пока что она не дала ни одного повода заподозрить себя в психической неполноценности, да даже просто в эмоциональной нестабильности. А совершенно нормальных людей все равно не бывает. Если из-за пирожного она убила четверых, я прекрасно понимаю, почему она так шарахнулась. Небось, перед глазами так и стояла сцена, когда она нас с тобой по стенкам размазывает. Классический случай для учебника по психологии.

– Сплошное шарлатанство твои учебники. И вообще вся психология шарлатанство, – проворчал Кулау. Он выдвинул верхний ящик стола, покопался в нем и извлек на свет скальпель. – Нет у человека никакой психики. Если что-то нельзя отрезать, его не существует, и не пытайся убедить меня в обратном. Кстати, раз уже ты заговорила о пирожном, я не намерен позволять пропадать добру. Дать тебе кусочек? И давай-ка подумаем на пару, к чему можно приспособить ее таланты. Что ты там сказала про рак?

4.12.849, деньдень. Оканака

На молодую женщину глаз Вай положил с первого взгляда.

Он изнывал от скуки – уже три дня в Оканаке не происходило ничего, достойного его внимания. Ни скандала в семье депутата Ассамблеи, сопровождаемого битьем посуды и демонстративной подачей на развод, ни пойманного за руку чиновника, хапнувшего не по чину, ни порнозвезды, давшей дуба от наркотиков в собственной постели, а еще лучше – в каком-нибудь зловещем притоне... Вероятные кандидаты на очередную телевизионную казнь уже трижды подряд отклонили приглашения на съемки, что странно: бомонд обычно исповедовал простейший принцип – неважно, что о тебе говорят, лишь бы говорили. Дошло до того, что он, суперзвезда телеэфира, от безделья приперся на дурацкий конгресс не то астрологов, не то астрономов. Впрочем, справедливости для следовало заметить, что специально он на конгресс не шел – до такого ему еще опускаться и опускаться. Просто выйдя на улицу из редакции, чтобы перекусить, он заметил на здании соседнего отеля неброский транспарант, и вместо привычного кафе ноги сами понесли его туда. Ну вдруг! Ну хоть что-то! Ну может же выйти так, что два астролога друг другу в бороды вцепятся на предмет того, у кого будущее точнее предсказано? Камера с одним объективом, болтающаяся на груди на манер медальона, и диктофон у него всегда с собой, так что может же ему повезти?

– На конгресс куда? – лениво спросил он портье в холле. Тот, предупредительно изогнувшись, указал на плакат «Двадцать восьмая конференция Общества астрономов Катонии.

Регистрация». За столиком под плакатом маялась от безделья юная вертлявая девчонка с чудовищной прической в стиле «северное сияние», в откровенном мини-платье, совершенно не скрывавшем ее еще почти детских прелестей, и с густо наложенной косметикой цветовой гаммы «крокодиловый маренго», способной отвратить от нее даже страдающего от спермотоксикоза подростка.

– Здесь конференция? – осведомился у нее Вай, внутренне передернувшись.

– Да, блистательный господин! – оживилась девица. – Как тебя зовут?

Она склонилась над разложенными на столике нагрудными табличками, изображая немедленную готовность выхватить любую. Судя по тому, что от, судя по всему, изначально стройных рядов табличек сейчас на столе остался от силы десяток, конференция оказалась популярной. Или же популярным оказался прилагаемый к ней фуршет, который репортер углядел краем глаза в висящей за девицей программе. Впрочем, до фуршета оставалось еще несколько часов. Жаль. Он мог бы совместить приятное с полезным.

– Не напрягайся, – покровительственно бросил девице Вай. – Я специально приглашенная звезда, меня и так все знают. Где конференция?

– Во втором зале, – растерялась девица. – Направо по коридору. Но как же материалы...

– Перебьюсь, – отмахнулся репортер, отправляясь в указанном направлении. Нет. Все-таки не астрология, бородатых придурков, предсказывающих судьбу по звездам, тут нет. Значит, нет и темы для репортажа. Правда, настоящие ученые, как он слышал, тоже иногда так друг в друга вцепляются, что пух и перья летят. В его представлении типичный ученый выглядел полусумасшедшим умником в белом халате, плохо выбритым и с торчком стоящими вокруг лысины жидкими волосами. Или старой сушеной воблой, проходившей в девках до самого климакса, что-то вроде его учительницы математики в старшей школе. Таким самое место в красочной комедии, где очередной злобный монстр, вырвавшийся из пробирки, намеревается поработить мир, но в репортаже или шоу им делать нечего. Заснет зритель на первой же минуте от излагаемой зауми.

В конференц-зал он по старой привычке, чтобы не пугать рыбу, пробрался тихо и незаметно. Но пугать оказалось некого. За бороды никто друг друга не таскал, скучные серые ряды пиджаков тянулись до самой сцены, на которой... А вот на сцене обнаружилась тема если и не для репортажа, то для сегодняшнего вечера – совершенно точно. Молодая женщина лет двадцати пяти, весьма симпатичная, в простой бежевой блузке и консервативной серой юбке до середины бедра, что-то вещала, меняя слайды с формулами со скоростью картинок в калейдоскопе и водя точкой лазерной указки по совершенно непонятным схемам и графикам. Что именно она вещала, Вай даже не пытался разбирать. По математике у него в школе имелась устойчивая тройка с минусом, о чем во взрослой жизни он ни разу не пожалел: налоги за него считали бухгалтерия и специально нанятый юрист, в магазине сумму отстукивал кассовый аппарат, так что даже четыре действия арифметики ему почти не требовалось. Но за самой девицей он наблюдал с явным удовольствием.

Профессия обязывала его разбираться в текущей моде, и его наметанный взгляд сразу определил, что одежда женщины даже и близко не лежала к пisku текущего сезона. Простые незамысловатые вещи, как раз подходящие молодой провинциальной домохозяйке или... или ищущей первого официального замужества лаборанточке для походов в магазин и выгуливания отпрысков. Именно такие никогда в жизни не сталкивавшиеся с блеском и соблазном столичной жизни провинциалочки и падали первыми жертвами его обаяния, помноженного на громкое имя. Ситуация упрощалась тем, что даже если она замужем, на конференции мужей с собой обычно не возят. Он поспорил сам с собой, что затащит ее в постель уже сегодня. Противник утверждал, что она может сломаться только завтра: мало ли что у нее уже запланировано на вечер.

Десять минут ожидания наконец-то увенчались успехом.

– ...таким образом, можно утверждать, что данный метод при тех же вычислительных затратах позволяет повысить точность численного интегрирования ряда Цуринга минимум на два порядка. В перспективе он позволит создавать гравископы с гораздо большей разрешающей способностью, чем существующие сегодня. Спасибо за внимание.

Женщина поклонилась аудитории и сошла со сцены. Зал разразился вежливыми хлопками.

– Следующий выступающий... – затынул вольнку ведущий, но его Вай слушать не стал. Редкая удача: девица, глянув на часы, не уселась на одно из свободных мест, а направилась к выходу из зала. Репортер наклонился к сидящему рядом благообразному старикашке в строгом костюме и шепотом спросил его:

– Кто выступал? Как зовут?

– Госпожа Цукка Касарий из университета... – недовольно взглянул на него старикашка, но Вай уже не слушал его. Он встряхнулся, придавая себе тот образ бесшабашного рубахи-парня, которого знали и любили десятки миллионов телезрителей.

– Госпожа Цукка Касарий? – остановил он проходящую мимо него девицу. – Можно тебя на пару слов?

На них заглядывались.

– Не здесь, – раздраженно шепнула та. – Выйдем.

Когда дверь конференц-зала захлопнулась за ними, журналист не стал терять времени. Он демонстративно извлек из кармана диктофон и сунул его под нос молодой женщине.

– Госпожа Цукка, я репортер канала «Весь мир». Я хотел бы задать несколько вопросов относительно твоего доклада. Не уделишь ли мне несколько минут?

– Имя у тебя есть, господин репортер? – холодно осведомилась та.

– Прошу прощения, великолепная госпожа. Меня зовут Вай. Вай Краамс.

Вай не рассчитывал, что преподша сразу поплывет и растает от звуков его имени, но безразличная скука на грани раздражения во взгляде девицы его слегка смутила. Она что, вообще о нем не слышала? О звезде национального вещания, лауреате десятка премий, неоднократном самом скандальном репортере года и вообще любимце публики?

– Вай Краамс, – повторил он. – Ведущий программы «Правда жизни».

– Кажется, я где-то слышала твое имя, – задумчиво проговорила преподша. – Что-то знакомое...

Репортер возликовал. Сейчас последует что-нибудь вроде «тот самый Вай Краамс?!», и все пойдет как по маслу.

– Ах да, – в ее глазах мелькнуло непонятное выражение. – Вай Краамс, канал «Трибуна». Это тебя в сорок третьем Дзинтон... – Она замолчала. – Ты же был репортером у нас в Масарии?

– Ну, с тех пор многое изменилось, великолепная госпожа, – пожал плечами Вай. – Сейчас я работаю на канал «Весь мир» здесь, в Оканаке. Так могу я рассчитывать на интервью?

Ничего себе девица, разочарованно подумал он. Можно подумать, вообще ни телевизор не смотрит, ни в Сеть не заглядывает. Надо же – сорок третий год вспомнить! Хотя да, именно с того скандала начался его стремительный взлет до звезды национального масштаба, и если она землячка, для нее вполне логично запомнить именно те события.

– Интервью... – Девица задумалась. – Скажи, господин Вай, ты все еще занимаешься публичными скандалами? Или перешел на что-то более интеллектуальное?

– Публика любит скандалы, – фыркнул репортер, но тут же спохватился. – Не прими на свой счет, госпожа, я не намереваюсь втягивать тебя ни в какую историю.

– И что ты знаешь об астрономии, блистательный господин Вай? – в глазах девицы мелькнула откровенная насмешка. – Ты хоть слышал о том, что солнце вовсе не вращается вокруг Текиры?

– Я, между прочим, образованный человек! – оскорбился репортер. – Я в курсе и про планеты, и про Галактику, и даже о черных дырах кое-что слышал.

– Вне сомнения, ты уверен, что черные дыры – такие дырки в космосе, через которые можно путешествовать в параллельные миры, – поморщилась девица. – А прочитал о них ты в каком-нибудь фантастическом боевике, где через них на Текиру вторгается армада космических пришельцев.

Она бросила взгляд на часы.

– У меня есть полчаса времени или около того. Заплатишь за сок в ресторане – дам интервью. Только если ты меня клеить решил, имей в виду – я замужем, и ты в качестве альтернативы меня совсем не привлекаешь. Ну так что?

Вай внутренне перекосячился. А провинциалочка совсем не так проста, как кажется на первый взгляд. И перспектива затащить ее в постель становится все более и более призрачной. Особенно с учетом того, что с симпозиумов участники обычно разъезжаются по домам, и на долгую осаду времени нет. Но отступать уже поздно, да и не в его стиле: биться надо до конца, пусть и потеряв надежду на успех. Кроме того, что-то зудело у него на краю сознания. Что-то, что девица лягнула в ходе разговора, тянущее за старые-старые ниточки...

– Если хочешь, я могу даже угостить тебя обедом, госпожа, – кисло согласился он.

– Право угостить меня обедом еще заслужить нужно, – сухо отрезала женщина. – Хотя бы зародыш мозга в работе продемонстрировать. Сок мне нужен, чтобы горло смочить. Думаешь, легко полчаса трепаться на конференции, а потом еще столько же перед тобой? Раз программу ведешь, должен сам понимать. Ладно, пошли, искатель истины, пообщаемся.

– Ну, что именно тебя интересует, господин репортер? – поинтересовалась девица, когда они с репортером устроились за столиком в ресторане отеля. – Или тебе нужна речь на свободную тему?

Вай подумал.

– Я задам пару вопросов, госпожа Цукка, а потом ты расскажешь мне что-нибудь интересное. Возможно, мы даже сумеем организовать для тебя запись телеинтервью...

– Интервью отменяется! – отрезала девица. – Только в желтых передачах мне светиться не хватало, в компании с политиками, порнозвездами и раскрывателями мировых заговоров. Итак?

– Первый вопрос, – Вай пододвинул диктофон поближе к Цукке. – Астрономия занимается всякими звездами, планетами и вообще Вселенную изучает. А твой доклад весь из каких-то формул и графиков, даже ни одной фотографии звезды или там туманности. Какая связь? Чем ты вообще занимаешься?

– Связь простая – все в мире описывается математическими формулами. Движение макрообъектов наподобие звезд и планет – тоже. Из школы ты наверняка помнишь, господин Вай, что астрономия умеет рассчитывать движение планет нашей солнечной системы. Похожие методы можно применить и к планетным системам других звезд. Но для расчетов требуются исходные данные, которые можно получить только наблюдением. Я лично занимаюсь гравископией, в частности методами три-разностной обработки данных, полученных при анализе интерференционных взаимодействий... Извини, забылась. Если проще, мы используем орбитальные телескопы для изучения ближайших звездных систем. В частности, пытаемся разработать действенные методы обнаружения планет у других звезд. Я не стану пояснять, как именно – все сводится к построению и анализу функциональных рядов, криволинейному интегрированию и численному решению систем уравнений с четырехмерными тензорными матрицами. Чтобы просто понимать, о чем идет речь, следует закончить по крайней мере три курса университета по соответствующим специальностям. Ну что, продолжать? Или сдаешься?

– Планеты у других звезд... – Вай покатал слова на языке. – Звучит интересно. И на кой они сдались? Колонизация? Разработка ресурсов? Построение космической империи?

– Боевики ты все-таки читаешь... – вздохнула девица. – Ни то, ни другое, ни даже третье. Вышедшая в космос цивилизация вообще не нуждается в планетах как местах для проживания.

– Как так? – не понял репортер. – А где тогда жить?

– Господин Вай, поиск планет, пригодных для жизни, волнует только фантастов определенного сорта. Ну, и публику, таких фантастов читающую. На деле поиск планет ради колонизации – беспросветная глупость, основанная исключительно на стереотипах современного нам мышления. Посуди сам. Во-первых, планета, пригодная для жизни на открытом грунте без средств индивидуальной защиты, должна удовлетворять ряду параметров, укладываемых в крайне жесткие рамки: тяготение, – Цукка принялась загибать пальцы, – состав атмосферы, радиационный фон, температурные диапазоны, отсутствие токсичных элементов в окружающей среде, стабильность окружения, включая почву, атмосферу и водные резервуары, и так далее. Вероятность обнаружения таких планет чрезвычайно низка. То есть если мы начнем осваивать звездные системы тысячами, то, вероятно, обнаружим и такие, но надеяться на них как на системное явление нельзя.

Она отпила глоток принесенного официантом сока.

– Во-вторых, а зачем вообще колонизировать планеты, даже если мы их найдем? Господин Вай, давай сыграем в игру: ты мне называешь причины, а я объясняю, почему ты глупости говоришь. Давай, начинай.

Репортер задумался. Девица начинала ему нравиться. Не так, как поначалу – как принадлежность постели, а сама по себе. Она держалась уверенно и спокойно, не задирала нос, объяснялась человеческим языком и вообще обладала каким-то неярким обаянием, который привлекает мужчин куда больше округлых ягодиц и выпяченных грудей. Ну, игра так игра.

– Ладно, госпожа Цукка, – кивнул он. – Первая причина: жизненное пространство.

– Чушь. Во-первых, мы и Текиру до сих пор как следует не освоили. Несмотря на все вопли о перенаселении, современные аграрные технологии способны обеспечить пищей по крайней мере вдесятеро большее население, чем сейчас. Огромные пространства пустуют, застроено едва три процента пригодной территории. Во-вторых, а зачем нам вообще ограниченная планетарная поверхность, когда под рукой буквально бесконечное космическое пространство, способное вместить любое необходимое количество жилых станций?

– Орбитальные станции? И всю жизнь жить в металлической коробке? – поморщился репортер. – Без солнца, без свежего воздуха, без природы? Латая пробитые метеоритами стены? Да такие станции и стоят неподъемно!

– Давай разберем по пунктам, – усмехнулась девица. – Металлическая коробка? Что, бетонная или деревянная коробка лучше? Ну да, если она стоит на поверхности планеты, можно к окну подойти и наружу выглянуть, чтобы закатом полюбоваться. Только, положи руку на сердце, ты часто закатом любишься? Раз в неделю – и то хорошо. Обычная голография, имитирующая открытые пространства, справится с задачей ничуть не хуже окна. Кроме того, закат нужен тебе, планетарной крысе, привыкшей видеть его с самого рождения. Для поколений, родившихся на станциях, он не потребуется, как тебе не требуются панорамы звездных пространств. Что там еще? Свежий воздух? Ты всерьез полагаешь воздух, которым дышишь, свежим? По сравнению с нашей Масарией Оканака – прямо газовая камера. Из самолета выходишь – чуть легкие себе поначалу не выхаркиваешь. Кондиционирование в закрытом гостиничном номере проблему в значительной степени решает, но оно ничуть не лучше кондиционирования в герметичной космической станции.

Она побарабанила пальцами по столу.

– Что еще? Ах, да, метеориты. Камни и вообще мусор. Да, достаточно опасно. Но не более опасно, чем обдолбанный водитель или шпана с выкидными ножами на улицах Оканаки. Опять же, наиболее опасны мелкие объекты с высокими относительными скоростями, которые трудно отследить заранее и которых больше всего. Но с дырами, которые они оставляют,

вполне справятся даже современные технологии пассивной защиты наподобие смолообразного внутреннего слоя обшивки. А что касается стоимости, то тут все совсем наоборот. Космическая станция куда дешевле наземного дома.

– Как так? – опять не понял Вай.

– Да очень просто. Наземный дом – не просто коробка из четырех стен и крыши. Ему в первую очередь требуется инфраструктура: вода холодная, вода горячая, канализация, на северных территориях – еще и центральное отопление, коммуникационные и электрические кабели, подъездные пути и так далее. Причем все требует трасс в десятки, а то и сотни километров длиной. Здание нельзя построить абы где, особенно если речь идет о высотном доме. Необходимо проводить обследование почв и просчитывать фундамент, делать запас прочности на ветер и колебания и подвижки почвы, защищать внешние стены от водо-ветровой эрозии, изобретать методы защиты от грызунов и насекомых... Если у тебя есть знакомый инженер-строитель, пообщайся с ним, он расскажет, как непросто построить современный дом. В случае с другими планетами все окажется гораздо хуже, особенно если они хоть немного отличаются от Текиры по своим параметрам. Чуть большая сила тяжести – и всю теорию строительства придется переписывать с нуля: переопределять марки цементов, типы арматуры, кирпича, да мало ли чего! Космическая же станция обладает замкнутым циклом водо- и газообмена, для нее не нужны устойчивая почва и фундамент, ее стенки не подвергаются эрозии, значит, она может служить сотни, а то и тысячи лет. Да, начальные вложения в ее строительство могут оказаться достаточно большими, но они окупятся за счет снижения эксплуатационных издержек и гораздо более продолжительного срока жизни. А если учесть, что монолитные каменные астероиды можно использовать в качестве базы и внешней оболочки таких станций, то и начальные вложения можно существенно срезать. Теперь понятно?

– Оригинальная точка зрения, – Вай задумчиво почесал щеку. – Никогда такого не слышал.

– Неудивительно. Писать о космической пехоте с бластерами наперевес фантастам куда выгоднее и проще, чем анализировать реальные обстоятельства. Так, еще причины для колонизации планет придумаешь?

– Продовольствие? Сельское хозяйство куда удобнее вести на земле, чем в небесах. Выгнал коров на пастбище – и все.

– Ты давно видел ферму в последний раз, господин репортер? – рассмеялась Цукка. – Какое «проще»? Пастбища обихаживать надо, от ядовитых растений чистить, от глистов, клещей и кусачих мух истреблять, да они еще и истощаются. Стада на новые места перегонять все время приходится. Да современный фермер вообще ни на какое пастбище коров не гоняет, они у него безвылазно в бетонном сарае живут. Спереди конвейер с кормом, сзади конвейер для навоза, посередине доильный аппарат. На земле такой сарай стоит или в космосе летает, совершенно без разницы. В невесомости еще и проще вес набирать, да и мясо не такое жилистое получается. А когда изобретут выращивание мышечной массы отдельно от коровы, даже сарай не понадобится, одна поточная линия и останется. Зерно, вообще растениеводство? Фермеру остается только надеяться, что лето выйдет удачным, что поля не погибнут от засухи и не сгниют от небесного потопа, так что в закрытой оранжерее растениям куда комфортнее. И располагать их там можно компактнее, что немаловажно. Даже сейчас, на поверхности планеты, гидропоника все большие обороты набирает. Еще варианты?

– Ну... Полезные ископаемые? Нефть, алмазы, да хотя бы железо всякое?

– Тоже глупость несусветная. Во-первых, какая нефть, если на той планете биологическая жизнь никогда не существовала? Или существовала, но в условиях совершенно иного климата? Во-вторых, за полезными ископаемыми вообще незачем куда-то лететь дальше нашей системы. Господин Вай, ты упомянул, что знаешь о существовании планет. А что еще, по-твоему, есть в окрестностях звезд? Ну?

– Кометы? – неуверенно предположил репортер. – Астероиды?

– Да. Кометы и астероиды. А если точнее, огромное, просто охренительное, прости за ненаучный термин, количество комет и астероидов. То, что к нам изредка залетает и хвост на небе показывает, вообще ни о чем. На периферии любой звездной системы, нашей в том числе, вращаются чудовищные по размерам пояса аморфного вещества. У нас их масса, по предварительным оценкам, многократно превосходит массу всех планет, вместе взятых. По сути, тоже планеты, только не сформировавшиеся. И в этих поясах есть любые полезные ископаемые, которые могут нам потребоваться. Там даже есть замерзшая вода, а значит – и кислород для дыхания, и водород в качестве топлива. И самое главное – в открытом космосе добытое куда удобнее перерабатывать и очищать. Не надо тревожиться о химическом и тепловом загрязнении окружающей среды, не надо бороться с силами тяжести и трения при доставке грузов, гораздо легче проводить тонкую химическую очистку. Нет проблем с местом под отвалы пустой породы, не надо тревожиться об обвалах и взрывах в шахтах. Размолот астероид в пыль направленными гравитационными импульсами, загреб его в комплексную перерабатывающую фабрику, вывалил комок пустой породы в пространство на месте бывшего бульжника, и вся недолга. По сути, требуется лишь энергия. А с ней в космосе проблем нет, надо только научиться ее собирать.

Она слегка приподняла опустевший стакан и выпустила его. Тот со стуком ударился доньшком о стол.

– Вот что, господин Вай, в основном делает планеты непригодными для добычи полезных ископаемых в условиях космической цивилизации. Гравитационный колодец. Стоимость подъема добытого с планеты на орбиту сделает наверху любой металл, любое соединение неконкурентоспособным. Да оно и на поверхности планеты окажется убыточным – добыча в космосе даже с учетом стоимости спуска на планету куда дешевле, а доставка по баллистическим траекториям из любой точки звездной системы вообще практически бесплатна, только начальное ускорение и оплачиваешь. Так что удел планеты текирского типа в лучшем случае – санаторно-курортная зона для богатых. Да и то если она идеально походит на Текиру.

– Невероятно, – признал репортер. – Какая-то совершенно оригинальная точка зрения.

– Сумасшедшая? – прищурилась Цукка.

– Непривычная. Ладно, скажи мне тогда вот что: зачем ты ищешь планеты у других звезд, если они никому не нужны?

– Ну, во-первых, не я – мы. Я всего лишь студентка магистратуры физфака и ассистентка в нашей рабочей группе. Я даже доклад сегодня делала только потому, что профессор Наздар неожиданно заболел. А во-вторых, все очень просто. Поиск пригодных для обитания планет – обманка для дилетантов. Красивая тема, под которую можно выбивать гранты. На самом деле разрабатываемые технологии гравископии предназначены совсем для другого. В первую очередь – для исследования внешних поясов нашей системы, о которых я говорила. Вещества там огромное количество, но и пространства обширные, так что подходящие для разработки тела в нем рассеяны реже, чем бриллианты в Оканаке. Чтобы их искать, мы и разрабатываем дешевые и эффективные технологии гравископии. Когда наша цивилизация, наконец, научится строить корабли, пригодные для дальних внутрисистемных полетов, их оснастят нашими гравископиями. Вот эта тема действительно актуальна и крайне полезна в плане долгосрочной перспективы. В том числе коммерческой перспективы, прошу заметить. Но выбивать гранты под нее сложнее, вот и приходится крутиться. В общем-то, широко распространенный прием. Взять тот же поиск сигналов чужих цивилизаций. Не слышал? Есть в Сети сообщества, которые отдают свои компьютеры под распределенный обсчет радиокарты неба, якобы для поисков сигналов других цивилизаций. На деле поиск сигналов – побочное занятие, под его прикрытием ребята ведут нормальную рутинную работу по радиоскопии Звездного Пруда, к которой вряд ли кто-

то захочет добровольно присоединиться. Невинный обман романтически настроенной молодежи – а пользы море. Я слышала, уже двое на полученных результатах диссертации сделали.

Она вздохнула.

– Сложное дело – наукой заниматься, господин Вай. Есть весьма интересные и притом имеющие важное практическое значение темы – но выбить гранты под их исследования нереально, потому что чиновникам в научных фондах они непонятны, а у ученых-экспертов свои интересы. Вот и крутимся. Только сразу предупреждаю – мои слова не для публикации.

Вай пожал плечами и выключил диктофон.

– Как скажешь, госпожа.

Вообще весь разговор не для публикации, констатировал он про себя. Научная журналистика – не его жанр. Конечно, последние откровения можно раскрутить до скандала, но только он мало кому окажется интересен. Подумаешь, дармоеды, под видом зубокряка изучающие крюкозуба! Не стоит овчинка выделки. Кроме того, девица-провинциалочка ему определенно понравилась, и топить ее он желаний не испытывал.

Цукка тем временем взглянула на часы.

– Если у тебя есть еще вопросы, господин Вай, спрашивай. У меня не больше пары минут.

– Может, встретимся сегодня вечером, поужинаем? – без особой надежды осведомился репортер. – Ты бы рассказала мне еще что-нибудь интересное...

– Извини, господин Вай, сегодня вечером я уже вернусь домой, в Масарию. Вообще глупо на конференции ездить. Все равно на слух ничего толком не воспринимается, потом приходится с дисплея доклады перечитывать. Только время зря тратишь на перелеты. Хорошо хоть нужную встречу согласовать удалось. – Она посмотрела на что-то за спиной Вая. – Так, за мной приехали. Спасибо за сок, господин, мне пора.

Вай обернулся. У входа в ресторан нарисовался парень лет тридцати с ярко выраженной южной внешностью: смуглая кожа, высокие скулы... Он махнул рукой, и Цукка помахала ему в ответ. Женщина подошла к нему, и они вместе вышли.

– Привет, Дзи!.. – успел уловить репортер. Интересно, он и есть муж? Или тот, кого она сочла подходящей альтернативой мужу? Вай задумчиво повертел в руках оставленный девицей стакан и только сейчас сообразил, что так и не пообедал. Ну, раз уж он сидит в ресторане, почему бы и нет? Кухня здесь, как он знал по своему опыту, неплохая.

Он подозвал официанта, перелистал меню и сделал заказ. Что-то не давало ему покоя. Что-то из сказанного девицей. Что именно? И парень... Вай определенно видел его раньше, но вот где и когда?

«Это тебя в сорок третьем Дзинтон?..»

«Привет, Дзи!..»

Так и не распутанные ниточки... Неотслеженный анонимный звонок. Холл лабораторного корпуса Института человека, забитый солдатами. Восемнадцать занятых каталок и две пустые. Растаявший в воздухе фургон «скорой помощи». Мелькнувшая группа из нескольких военных со штатским и девчонкой в центре. Лицо!

То самое лицо!

Точно. Именно этот парень мелькнул в штатском в группе военных.

Вай выхватил пелефон и открыл записную книжку в разделе «Масария».

– Тодзи? – быстро спросил он, когда вызываемый откликнулся. – Привет. Да, я, Вай. Да, все нормально. Слушай, потом обсудим. Мне помощь нужна. Ага, я знаю, что сволочь. Ну ты же знаешь, что за мной не заржавеет. Мне нужно, чтобы ты провел перекрестный анализ всех баз, до которых дотянешься: муниципалитет, полиция, собы, если у тебя все еще есть доступ. Надо отследить связь двух имен: Цукка Касарий и Дзинтон. Нет, фамилию не знаю, только имя – Дзинтон. Да не такое уж и распространенное. Возможно, фамилия тоже Касарий, но совсем

не факт. Да, именно фамилия мне и нужна. Фамилия, адрес, код телефона, место работы, вообще все, что нароешь. Нет, не слишком срочно, но и не в следующем году. Хорошо, жду.

Он дал отбой и задумался. Стоит ли вообще тянуть за ниточки шестилетней давности? Впрочем, можно совместить расследование с поездкой в родной город. Давно отпуск не брал...

Он подцепил вилкой принесенный официантом салат и принялся жевать. Интересно, а вдруг ему все-таки удастся затащить девицу в постель?

Тот же день. Оканака, штаб-квартира корпорации «Визагон»

Когда Смил стремительно вошел в комнату для совещаний, гул голосов мгновенно стих. Двенадцать пар глаз уставились на него в молчаливом ожидании. Директор службы безопасности «Визагона» хотя и был справедлив, но расхлябанности и недисциплинированности не терпел. С глазу на глаз он мог позволить себе выглядеть дружелюбным и общаться на короткой ноге с некоторыми давними коллегами наподобие Тадаса, но на людях становился неприступным и высокомерным, словно император.

– Если кого-то утешит, то недоумка Кара Тарамириса с треском вышибли на улицу, – проинформировал он подчиненных усаживаясь во главе стола. – Рекомендации выдали такие, что в ближайшие пятьдесят лет никем выше уборщика не устроится. Но меня новость почему-то не радует. Тадас, отчет по розыску.

– Так... – его заместитель покопался в терминале и вывел изображение на большой плоский экран в торце комнаты. – Первое. Все ниточки по счетам оборваны. Их Биката закрыл еще до увольнения. Снятые суммы с точностью до нескольких тысяч совпадают с тем, что он передал корпорации в счет возмещения ущерба. Новых счетов на его имя не открывалось. Финансовая разведка собов разводит руками.

– Значит, деньги он все же таскает наличкой... Умно, – пробормотал Смил. – Дальше.

– Клен поговорил с соседями, – Тадас кивнул на молодого парня с короткой стрижкой и в спортивном свитере. – Изображал из себя старого друга. Удалось примерно выяснить, когда именно он выехал из дома – двадцать второго одиннадцатого, через пять дней после инцидента. Наш контакт в окружном управлении полиции выяснил, что ни одна контора по прокату автомобилей в тот период с ним дел не имела – если только он не ухитрился раздобыть себе фальшивые документы. Попутно выяснилось, что четырнадцатого числа, накануне похищения чоки, он нанимал автомобиль в одной мелкой фирмочке, вернул два дня спустя. Клерк на регистрации, дежуривший в тот день, опознал его по фотографии. Говорил, что парень сильно нервничал, потому и запомнился.

– Без надобности. Для чего ему вторая машина в ночь на пятнадцатое потребовалась, понятно – укрыл где-то поблизости, чтобы свою чоки перевезти. Что в день отъезда машину он не арендовал, понятно – возвращаться в город он не намеревался, не вернуть машину – попасть в розыск в качестве вора, а оставить ее в другом пункте проката означает как минимум указать направление бегства. Дальше.

– Помимо машины выбраться из Оканакки можно двумя путями: по воздуху и поездом.

– Так. Аэропорты, очевидно, исключаем – там паспорт нужно предъявлять.

– Да. На всякий случай мы купили сводные базы всех трех аэропортов – через них Биката не вылетал...

– Следи за языком, Тадас, – нахмурился Смил. – Не «купили», а «получили доступ». Ты бы не забывал, что подкуп должностных лиц – уголовное преступление. А вдруг тебя кто-то записывает? Ладно, не дуйся, продолжай.

– Остается один путь – поезд, – слегка обиженным тоном продолжил Тадас. – На данном варианте мы сосредоточили все усилия.

– Что вы успели?

– Мы получили доступ к записям железнодорожных камер безопасности. Поскольку обработать записи камер со всех городских и окрестных станций за такой короткий срок невозможно, мы ввели разумное ограничение: если Биката хочет смыться из города, он постарается уехать как можно дальше. А поезда дальнего следования отправляются только с двух центральных вокзалов и на ближайших станциях не останавливаются, так что ни сесть, ни выйти невозможно.

– Слабое предположение, – отрезал директор службы безопасности. – Местными поездами можно добраться от станций по периметру Оканани до ближайших городов типа Мусисоны, откуда тоже ходят дальние поезда.

– Тем не менее, – упрямо продолжил Тадас, – мы сосредоточились именно на варианте с центральными вокзалами. Мы ку... э-э, получили доступ к записям камер наблюдения обоих.

– Замечательно. Только на Большом вокзале восемьдесят четыре, как мне помнится, камеры наблюдения. За день – почти тысяча семьсот часов видео. Каждую минуту в поле зрения каждой камеры попадает порядка полусотни лиц. Сколько там получается? Короче, Тадас, сколько лет ты собираешься анализировать записи?

– Уже закончили, – только сейчас, в краткий миг триумфа, Тадас позволил торжествующим ноткам проскользнуть в своем голосе. – Смил, помнишь, в подразделении программных продуктов мы разрабатываем для СОБ новую систему автоматического поиска по лицам? У нее точность распознавания – восемьдесят процентов!

– При условии, что есть точная модель лица, – скептически хмыкнул Смил.

– А она есть! – хитро улыбнулся Тадас. – Помнишь, полгода назад, когда проект только только дошел до стадии предварительного выпуска, тамошние программисты снимали всех, кто под руку попадется, чтобы материал для тестов набрать? Бикату тоже отсканировали. Так что мы начали с записей камер возле билетных касс Большого вокзала, сделанных двадцатого числа. Загнали их в эту систему анализа, и она час назад выдала девяносто пять возможных совпадений. Больше половины отбросили сразу, половину оставшихся – после раздумий. Осталось полтора десятка пар, очень похожих на Бикату с Калайей, по крайней мере, на таком низком разрешении. Мы сняли журналы с системы бронирования и проверили, куда приобретались билеты в плюс-минус минуту к срокам, когда пары оказывались у касс. И все билеты, кроме одного комплекта, куплены на пригородные направления, не более, чем на четыре-пять станций от города.

– Очень хорошо, Тадас, – медленно кивнул Смил. – Очень хорошо. И куда же приобрели оставшуюся пару билетов?

– В Крестоцин, Смил.

Директор службы безопасности постучал ногтем по зубам.

– Умно, – признал он. – Три миллиона населения, морской порт, заводы, фабрики и, самое главное, штаб-квартира «Тёбицы». Чоки там как собак нерезанных, а мы даже не сможем войти в неофициальный контакт с полицией, чтобы на Бикату немедленно не начала охотиться промышленная разведка наших заклятых друзей. Наверняка у них прикормленных следаков хватает. Не знаю, спонтанно он решение принял или специально страховался, но для нас дело хреново. Значит, он уехал двадцатого. Трансконтинентальные рейсы в Крестоцин идут, мне помнится, восемь дней. То есть он должен прибыть туда сегодня. Или завтра?

– Если точно, то поезд прибывает на вокзал Крестоцина в четыре часа завтра утром, – Тадас досадливо скривился. – Я уже проверил – мы не успеем туда самолетом. Ближайший рейс садится там в полпятого, и из аэропорта еще надо добраться. А все три наших самолета в разгоне. И у нас нет там людей, чтобы послать их наперехват. Смил, но, по крайней мере, мы знаем город, где он находится. Если только ему не придет в голову перебраться куда-то еще...

– Если ему не придет в голову перебраться. Если речь действительно о нем. Если его не перехватит «Тёбица». Если он засветится где-то так, что мы сможем отыскать его в городе-мил-

лионнике... – Смир покачал головой. – Слишком много «если», Тадас. Слишком много. Коллеги, я должен довести до вашего сведения информацию, которая является совершенно секретной. Пропавшая чоки – не просто экспериментальная модель. Она является частью секретного совместного проекта «Акэбоно», финансируемого «Визагоном» и неким «Фондом перспективных исследований». Я не знаю, чья «Фонд» ширма – Минобороны, МОБ, госадминистрации или кого еще, но это очень, **ОЧЕНЬ** серьезная контора, несмотря на свою малоизвестность. Настолько серьезная, что может слопать весь «Визагон» с потрохами и не поперхнуться. И она предоставила для эксперимента технологии, к описаниям которых нет доступа даже у меня и о которых может не знать даже сам Биката. Так что если мы не найдем куклу, нас всех развешают по фонарям. За яйца развешают, не за шею. А если на чоки ненароком наложит лапу «Тёбица»... В общем, мы не можем не найти ее. Тадас, ты с ребятами хорошо поработал, но сбавлять темп нельзя.

Он хлопнул ладонью по столу.

– Значит, так. Берешь пятерых человек на свой выбор и ближайшим рейсом вылетаешь в Крестоцин. Тебе открыта неограниченная финансовая поддержка и дается карт-бланш на любые – подчеркиваю, любые! – действия. Покупай с потрохами чиновников, нанимай частных детективов, сам шляйся по улицам, в общем, делай что угодно, но найди ее. В крайнем случае можешь даже обратиться в полицию, необходимый пакет документов для подачи иска юристы сформируют и вышлют. Главный директор готов пойти даже на публичный скандал и удар по репутации «Визагона», лишь бы кукла снова оказалась у нас. Дважды в сутки высылаешь мне лично краткий отчет о состоянии дел, пусть даже он состоит из одной фразы «Нет результатов». Вопросы?..

Тот же день. Масария

Судя по сводкам погоды, деньдень выдался просто замечательный не только в Масарии, но и на всем южном побережье. Утреннее солнце медленно поднималось по лазурно-голубому небосводу, которое не омрачало ни единое, даже самое малое облачко. Температура поднялась до двадцати градусов, и едва ощутимые дуновения теплого ветерка ласкали кожу. Стояла та особенная осенняя межсезонная пора, когда палящая летняя жара уже ушла, а зимние дожди еще оставались далеко за горизонтом, лишь изредка напоминая о своем грядущем царствовании набегам смельчаков-разведчиков. Золотые, красные, синие листья еще не начали опадать, и парки и улицы расцвелились волнующимися разноцветными переливами, перемежаемыми спокойствием вечнозеленых деревьев.

Куна, поцокивая каблучками новых туфель, медленно шла по улице, наслаждаясь погодой и окружающими видами. Позади остались шесть нудных тягучих учебных дней – лекций, семинаров, лабораторных работ и штудирования вгоняющих в сон учебников, а впереди ожидали два безмятежных выходных. И она твердо намеревалась оттянуться на полную катушку. Она лениво раздумывала, куда может сводить ее сегодня вечером новый ухажер. Вроде бы особым богатством он не отличается – вечно вытертые брюки и шорты, легкие рубашки, майки и сандалии, в которых он обычно являлся в университет, явно покупались если и не на распродаже, то уж точно не в модном магазине. Да и пелефон у него так себе, и часы – дешевенькие электронные, а не блистающие золотом и хромом фирменные тикалки за двести тысяч, как у Карры Тэя. Но все же у его папаши в собственности целый отель, и это кое-что значит.

В северную часть города она еще никогда не забиралась. Ее и городом-то назвать сложно – какие-то приземистые перемежаемые парками одно- и двухэтажные здания, не понять даже, жилые или хозяйственные, обтрепанные жизнью и погодой фонарные столбы, облицованная древней плиткой канава, по дну которой весело бежит журчащий ручеек... Но ей нравились

местный покой и безмятежность, и она ничуть не жалела, что сошла с трамвая за несколько остановок до Манежа.

О том, что Манеж рядом, она догадалась еще до того, как увидела его – очередное дуновение ветерка принесло с собой едва ощутимый запах навоза. Через десяток саженей тротуар, отделившись от идущей кругом через парк дороги, вывел ее к длинному двухэтажному зданию, фасад которого украшали стилизованные изображения лошадей. Похоже, улица, которую ей указали, вела сюда каким-то кружным, непарадным путем, потому что здесь от безмятежности и спокойствия не осталось и следа. Небольшая площадь в честь выходного дня просто кипела народом – люди, орки, тролли, старые и молодые, семьями, группами и поодиночке целеустремленно двигались к зданию, рекой втекая в гостеприимно распахнутые двери. Автобусы, трамваи, такси и личные авто непрерывно доставляли новых посетителей. Куна с опозданием вспомнила, что в выходные в Манеже устраиваются скачки и работает тотализатор. Впрочем, ей все равно. К лошадям и скачкам она полностью равнодушна, и если бы не необходимость встретиться, никогда не явилась бы сюда по доброй воле. Она благоразумно обошла площадь по периметру, не суясь в толпу, и обогнула здание справа. Сразу за ним начиналась высокая задняя стена трибуны, к которой в десятке саженей примыкали помещения конюшен.

Как и следовало из описания, служебный вход оказался на самом виду, рядом с большими воротами. Возле него стояли, подпирая стену и смоля сигареты, два охранника, облаченные, несмотря на тепло, в пятнистый камуфляж. Они со скукой посмотрели на подошедшую к ним девушку.

– Госпожа, тут только для сотрудников, – безразлично проговорил один. – Сюда не допускают посторонних. Билеты продаются...

– Мне нужен Палек. Палек Мураций, – перебила его Куна. – Он здесь работает. Не мог бы ты указать мне, как его найти? Он меня ждет.

– Вот как? – во взгляде охранника мелькнул интерес. – И ты тоже... хм, его знакомая? Ну, пойдем, госпожа. Я свяжусь с ним и выясню, ждет ли он тебя.

Девушка недоуменно последовала за ним. «Тоже»? Как его понимать? Он что, и других сюда водит? В караулке охранник активировал терминал, покопался в справочнике, потом извлек пелефон и набрал код.

– Палек? – спросил он. – Тут к тебе пришли... Как тебя зовут, госпожа? – переспросил он, на мгновение отрываясь. – Куна ее зовут. В пятую? Ладно, пропущу. Отбой.

Он убрал пелефон и задумчиво взглянул на девушку.

– Ты приходила сюда раньше, молодая госпожа? – спросил он. – Что-то я тебя не помню.

– Нет, я в первый раз.

– Ну, думаю, все равно не заблудишься. Вон в ту дверь – выйдешь во внутренний двор. Сразу направо, а там он тебя встретит. В крайнем случае, спросишь, где пятая конюшня.

– Спасибо, господин, – поклонилась Куна. – Пятая конюшня, я запомнила.

Охранник кивнул в ответ и вышел обратно наружу – подпирать стенку. Девушка, посмотрев ему вслед, навалилась на указанную дверь, оказавшуюся неожиданно массивной, и вывалилась во внутренний двор. В лицо ей сразу ударили сильный запах навоза, смешанного с прелым сеном, и какая-то отчетливо нефтяная вонь, и ее передернуло. Ну и местечко! И как только сюда можно ходить по собственной воле? Ну ничего, когда она приберет Палека к рукам, живо отобьет у него охоту сюда шляться!

Двор оказался просторным, по крайней мере сотня на сотню саженей. По нему прохаживались люди с лошадьми в поводу, а по периметру располагались приземистые длинные здания с широкими проходами – судя по всему, конюшни. Куна сморщила нос и, внимательно вглядываясь под ноги, чтобы ненароком не вляпаться новыми туфлями, пошла направо. Внезапно донесшийся рев множества голосов заставил ее вздрогнуть и ускорить шаг. Дикарство какое-

то... Собраться огромной толпой на неудобных крутых трибунах, чтобы получать инфаркты, когда любимая лошадь не придет первой? Да еще и деньги платить? Бр-р.

Палек уже ждал ее у конюшни, над которой красовался большой знак «пять», нетерпеливо постукивая носком ноги по утопанной земле. Он был обнажен по пояс, в каких-то затасканных грязных штанах из грубой ткани и высоких резиновых сапогах.

– Привет! – сказал он, фамильярно хлопая ее по плечу. – Ну и как тебе здесь?

– Нормально, – уклончиво ответила девушка. – Значит, здесь ты подрабатываешь?

– Подрабатываю? Я? – удивился юноша. – Да ты что! Никакая не подработка, просто для удовольствия. Платят, конечно, какую-то мелочь, но это так, слезы. На мороженое не хватает. Пошли, покажу, с какими выдающимися зверями работаем! Только под ноги смотри.

Он потянул Куну за собой, и та нехотя последовала за ним в широкие двери. Внутри конюшни царил мягкий полумрак. В больших стойлах, пофыркивая, стояли крупные лошади всех расцветок – гнедые, каурые, вороные, пегие, в яблоках... К проходу были обращены их крупы, и на глазах девушки один из жеребцов с громким звуком облегчился, уронив на землю кучу черных пахучих комьев. Куну чуть не вырвало, однако Палек, как ни в чем не бывало ухватив лопату, принялся собирать навоз в широкое низкое ведро. Подхватив, он отнес его к куче в дальнем углу конюшни, вывалил туда содержимое и вернулся к девушке.

– Вот Мальчик-Попрыгун, – указал он на каурого жеребца. – Три сезона главные призы берет. А она, – он кивнул на мышастую кобылу, – Барсучиха. Она уже три сезона не выступает, ее только для катаний используют, но, говорят, раньше тоже боевая была. Ногу вот неудачно потянула, и со скачек ее списали.

Он похлопал лошадь по крупу.

– А вон там – Жук. Видишь, в яблоках? Он еще молодой, но уже несколько раз вторым-третьим приходил. В следующем сезоне...

– Лица, – перебила его девушка, – мне все очень интересно, но ты говорил, что мост открывают в десять. А сейчас уже полдевятого. Мы не успеем. Или ты уже раздумал туда идти?

– Да успеем! – беззаботно отмахнулся Палек. – Отсюда минут сорок-пятьдесят добираться. На моно сядем – и там. Я хотел еще по Огню щеткой пройтись...

– Лица! – в конюшню влетел щуплый парень в странной одежде: балахонистой рубашке, обтягивающих штанах, блестящих сапогах и широкополой шляпе. – Почему Огонь еще здесь? Через десять минут мой заезд, а я бегаю по всему Манежу, тебя ищу!

– Не шебуршись, Гиндза, – остановил его вошедший следом коренастый седоволосый мужчина. – Все нормально. Я велел не тащить его раньше времени, чтобы не нервировать.

– А меня нервировать можно? – взвизгнул парень. – Кому на нем скакать – мне или тебе?

– А кто здесь тренер – ты или я? – хладнокровно парировал коренастый. – Беда с жокеями – о себе думают, а о животных – нет. Палек, давай, ведем его...

– Прости, господин, но мы опаздываем! – решительно встряла девушка. – Нельзя ли как-то без Палека обойтись?

– Ради такой красивой девушки можно все, – коренастый склонился в ироническом поклоне. – Лица, что же ты не сказал, что у тебя... планы на сегодня?

– Да все нормально, Тудаса, – поморщился юноша. – Сейчас отведем Огня, и я...

– Да ладно уж, и без тебя справимся, – ухмыльнулся коренастый, и Куна даже почувствовала к нему легкую симпатию. – Давай, беги мыться, а то подружка тебя бросит.

– Но я...

– Без разговоров! – нахмурился тренер. – Топай.

Он прошел в стойло, отвязал жеребца и принялся осторожно выводить его, не обращая внимания на приплясывающего от нетерпения жокея. Палек покосился на Куну, вздохнул и пожал плечами.

– Ладно, Ку, пошли, – обреченно сказал он. – Сейчас в подсобке переоденусь.

Подсобное помещение оказалось на удивление чистым, опрятным и даже уютным. Пока Палек торопливо мылся под душевой лейкой в углу, Куна исподтишка рассматривала его гибкое поджарое тело. А он вполне ничего, решила она про себя в конце концов. Интересно, каков он в постели? Можно выяснить сегодня вечером... Только где? Не домой же его тащить! От матери потом не отвяжешься, будет сто лет приставать с расспросами.

– Ку, неужели тебе звери не понравились? – с непонятной интонацией спросил Палек, одеваясь. – Совсем-совсем?

– Ну почему не понравились, – вежливо откликнулась девушка. – Вполне мило. Та лошадка, как ее, Барсучиха, такая... – Она покрутила пальцами в воздухе, подыскивая определение.

– Понятно, – вздохнул Палек, заправляя в шорты рубаху и подхватывая небольшой рюкзачок. – Ну, пошли. Да расслабься ты, времени полно.

Сирены цунами-предупреждения они услышали, когда только-только вышли из служебного выхода. Куна вздрогнула и нахмурилась.

– Лица, – неуверенно спросила она, – а может, не стоит туда ходить? Ну, на открытие? Все-таки волна, а там мост...

– Глупая! – рассмеялся Палек, направляясь к платформе монорельса. Он ловко лавировал в толпе, и девушка с трудом за ним попевала. – От моста до воды почти сто пятьдесят саженей. Да мост же специально строили так, чтобы цунами до него не доставали никогда и ни за что. На лишние сорок саженей подняли из-за разных паникеров-перестраховщиков. Тут целый общественный комитет против строительства собирался – взволнованные отцы семейств и почтенные домохозяйки заявляли, что мост представляет собой угрозу общественной безопасности, что он обязательно обвалится, что он портит прекрасный пейзаж, отвращая туристов и снижая стоимость землевладений, что строительство – пустой и никому не нужный расход средств налогоплательщиков, и без моста триста лет вокруг бухты ездили... Возле мэрии демонстрации устраивали, в суд кучу исков подавали. Не слышала?

– Не-а. Я как-то за ним не следила. Ну, мост и мост...

– «Мост и мост»? – удивился Палек. – Ну ты даешь! Он же... Так, через полминуты поезд появится, давай быстрее, а то десять минут до следующего здесь торчать придется.

Юноша ускорил шаг. Они как раз добрались до станции монорельса, и Палек, выскочив на аппарат для инвалидов колясок, птицей взлетел на платформу и остановился там, нетерпеливо поглядывая, как Куна медленно поднимается по лестнице. Таймер отсчитывал последние секунды до прибытия состава, и первый вагон уже показался из-за окружающих платформу деревьев, когда она, запыхавшись, наконец-то поднялась наверх.

– Куда ты так бегаешь? – укоризненно спросила она. – Я же не успеваю.

– А ты успевай, – посоветовал юноша. – Ты знаешь, что бежать по лестнице гораздо легче, чем ходить? Чтобы через ступеньку перешагнуть, нужно всего на треть больше сил, чем на одну подняться. Кучу энергии сэкономишь!

Он приобнял девушку за плечи и как-то так ловко впихнул ее в вагон впереди устремившейся на штурм дверей небольшой толпы, что они успели занять свободные места на диване.

– Так вот, о мосте. Ты никогда больше не говори, что в нем ничего особенного нет! – назидательно сказал юноша, словно и не случилось в разговоре паузы. – Выдающееся же произведение! Такого нигде в Катонии больше нет. Говорят, только в Княжествах похожий построили несколько лет назад, но он короче. Представляешь – мост переброшен через всю горловину бухты без единой промежуточной опоры! Полторы версты пролет просто висит в воздухе на тросах. Ван – ну, инженер, который его строил, Ван Сакидзакый – с его проектом три года ходил по разным конторам, от мэрии до Комитета по стратегическому строительству при Ассамблее. И всюду его отшивали. Только в сорок третьем тетя Эхира... ну, в общем, в сорок третьем проекту дали ход, отправили на экспертизу, и там ребята подтвердили, что осуществимо. С

трудом, но осуществимо. И вот за шесть лет построили, несмотря ни на что. Гражданский комитет против строительства просто от злости сейчас лопается!

Он хихикнул.

– Я одну старую гримзу из комитета знаю. Три года назад она вздумала против сексуального образования в школе выступать. Я тогда как раз в среднюю школу ходил и про секс уже знал в пять раз больше, чем она, но ведь как она нашу нравственность блюсти порывалась! Бедную биологичку как-то раз подкараулила во дворе школы и зонтиком побила, а мы ее – не биологичку, гримзу – потом фигней всякой забросали, и она так смешно от нас ковыляла. Больше не появлялась, обиделась, наверное, что заботу не ценим. Наверняка комитетчики сегодня заявятся протестовать в последний раз, перед открытием, посмотришь на нее. Высохшая, как палка, но физиономия надменная, будто принцесса.

– Угу... – неопределенно хмыкнула девушка. – Слушай, а открытие моста – оно надолго?

– Ну, на час, полтора. Там мэр речь толканет, ленточку перережет, грузовики по мосту пройдут, потом движение откроют, и все, наверное.

– И все? – удивилась Куна. – Слушай, а зачем мы тогда туда едем? Ты же сказал, что круто будет. Ну хоть фейерверки какие-то запустят? Оркестр?

– Оркестр, может, и притаранят, я не в курсе программы. Ван что-то говорил, но я не вслушивался, не до того было.

– А ты что, его знаешь? Вана твоего?

– А то! – приосанился юноша. – Не просто знаю – он у нас в университете лекции по сопромату читает. Классный дядька. Он вообще-то уже старик, ему почти пятьдесят, но бодрый и не чванится, хоть и профессор. Он у нас иногда в гостях бывает.

– По сопромату?

– Ну, теория сопротивления материалов. Самый главный предмет в строительстве. Трудный поначалу, зараза, мозги вывихнуть можно, но зато когда врубишься, все просто. Вот смотри, простейший пример...

Он покопался в рюкзаке, вытащил лист для письма и стило.

– Если мы лист горизонтально расположим и за один конец возьмем, он согнется и провиснет. Но если мы его вот так желобком слегка согнем, то он останется жестким. Если нарисовать... – Он положил лист на колени и принялся быстро черкаться. – ...то можно рассчитать векторы сил, действующих на лист. Потом откладываем по осям координат проекции векторов и составляем простые уравнения типа такого...

Он принялся набрасывать многоэтажную формулу. Куна положила свою руку поверх его.

– Лика, – капризно сказала она, – я вообще-то на юриста учусь, а не на математика, если ты не забыл. Мне ваши формулы – темный лес. И вообще, мы что, на семинаре? Выходной сегодня!

– Ну, выходной – лишь повод как следует поработать мозгами, – рассеянно проговорил парень. – Ты вообще на чем специализироваться думаешь? Если на патентном праве, то без формул...

– Лика! Я собираюсь специализироваться на гражданском праве! – уже слегка раздраженно заявила Куна. – Брачные контракты, разводы, совместное владение имуществом, его раздел... Я же тебя ими не грузю, законы и прецеденты не цитирую! Выходной сегодня, понимаешь?

– Ты Каре скажи, – хмыкнул Палек. – Она моя сестра, небесное дитя. Она, кажется, даже ночью зубрит. Ну ладно. Просто смотри, что с помощью таких формул можно запроектировать.

Он быстро стер формулу и схему и принялся набрасывать ажурную конструкцию, напоминающую распускающийся цветок. Конструкция располагалась на длинном витом стержне, волной идущем от постаменты почти горизонтально. Пририсовав сидящую на вершине цветка маленькую чайку, он повернул лист так, чтобы девушка лучше видела.

– Хорошо рискуешь, – похвалила та. – Это что, цветок? А почему чайка сверху такая маленькая?

– Почти цветок, – усмехнулся юноша. – Сенсор стационарного гравископа, а чайка для масштаба. Я для Цукки его проектировал, она мой опекун и астроном. Они там рассчитали такую штуку, – приставленными друг к другу ладонями с растопыренными пальцами он изобразил нечто широкое и разлапистое, смахивающее на зубастую пасть, – причем оно должно раздвигаться и складываться, как бутон, чтобы диаметр конструкции по ходу дела менять. Здесь базовый элемент схемы, их дюжина в сумме. Так что да, почти цветок. Они хотели инженера нанимать для расчета несущих конструкций, но Дзи сказал, что зачем инженер, когда есть я? Тем более что мне все равно курсовые по профилирующим предметам делать. Ну, я и рассчитал.

– Разве на первом году есть курсовые? – недоверчиво спросила Куна. – У нас вот нет, они со второго года начинаются. На первом только базовый набор курсов собрать надо, четыре по профильной дисциплине и два по смежным.

– Да у нас вообще-то так же, – вздохнул Палек. – Но ты моего папашу не знаешь. Сказал, что не в нынешнем году пригодится, так в следующем, и все, не отвертеться. Пришлось в продвинутых курсах копать еще до того, как базовые закончил. Хотя на самом деле там все просто оказалось, схема простенькая, сами антенны легкие, веса почти никакого, так что разобрался. Если бы не длина рычага, а они по двадцать саженей в длину, вообще говорить не о чем. Там опоры у основания я сделал полыми, усилил по векторам основной нагрузки, вот так, если в поперечном сечении... – Он снова принялся рисовать.

– Лица! – уже почти зло сказала девушка. – Ну хватит меня грузить, в самом деле! Ты можешь о чем-то человеческом поговорить?

– Например? – заинтересованно спросил юноша, с неохотой убирая лист и стило.

– Ну, например, о музыке. Ты какие группы слушать любишь? Я вот от «Басов в квадрате» тащусь. Они у нас гастролировали весной, так я на все три концерта ходила.

– «Басы в квадрате»? – равнодушно переспросил Палек. – Не слышал. Я вообще как-то музыкой не увлекаюсь, по этой части в нашей разносторонней семейке Яна специалист, другая моя сестрица. А мне фона в стрелялках хватает, чтобы свои эстетические наклонности удовлетворять.

– Слушай, ты вообще чем в свободное время занимаешься? – удивилась Куна. – Только не говори, что гравископы проектируешь. В стрелялки, что ли, режешься? Или за лошадьми ухаживаешь?

– Стрелялки – чтобы напряжение сбросить, – пожал плечами юноша. – А так чем попало занимаюсь. Пейзажики и портретики рисую, чтобы руку набить. В Манеже вожусь. Учю что-то сверх программы. Красивых девушек кадрию вроде тебя, – он подмигнул Куне. – А что, есть другие соображения?

– А то ж! Ты, похоже, вообще жизни не знаешь. Ты же вроде нормальный парень, а поговоришь с тобой – ботаник ботаником. Надо твоим воспитанием вплотную заняться. Ты оттягивался когда-нибудь на тусовках? У меня у подружки завтра как раз компашка собирается, родители с утра сваливают куда-то в голубую даль, а дом у них – закачаешься! Особняк на восемь спален и три гостиных, а они в нем втроем живут. В одной гостиной кинушка домашняя собрана, звук – отпад, и фильмов до фига, в том числе игровых, на большую компанию.

– С утра не получится, – Палек наморщил лоб. – Поработать надо чуток. Домашняя контрольная по анализу... аналитической геометрии, на следующей неделе сдать надо. Ближе к вечеру разве что.

– Ну ты вообще заучка! – фыркнула девушка. – Сделаешь, успеешь. Значит, живет она...

– Ку, – перебил ее юноша, – ты знаешь, что такое «неудачник»?

– Что? – ошарашенно переспросила та.

– Неудачник – человек, который живет, как амеба. Который ничего в жизни не достиг, плывет по течению, палец о палец не хочет ударить ради себя, зато много стонет – как ему плохо, как его никто не уважает, как он унижен и оскорблен... Ку, я никогда не стану неудачником. Я добьюсь всего, чего захочу. Но сначала придется как следует поработать. Мне до фонаря тусовки, на которых бухают до посинения, курят, колются и трахаются как попало, полагая, что живут по-настоящему. А это не человеческая жизнь, животные так существуют.

Куна удивленно смотрела на него. Обычное улыбочиво-озорное выражение сошло с его лица, и глаза горели мрачной решимостью.

– Ку, меня приемный отец из детдома взял. Меня государству родители подбросили в возрасте двух периодов. Дзи их потом нашел. Они – такие вот животные, пара спившихся алкоголиков, которым все по барабану, кроме выпивки. Они уже давно трупы, пусть и ходячие пока. Так вот, я таким никогда не стану. Я не хочу сдохнуть, не оставив после себя ничего, кроме урны с пеплом. Ты знаешь, ради чего жить стоит? Смотри!

Он повернулся к окну и ткнул в него пальцем. Как раз сейчас поезд, наконец, вырвался на открытое пространство, и далеко внизу как на ладони нарисовалась горловина бухты. Залитую солнцем, ее перечеркивала ажурная двойная арка моста, кажущаяся отсюда почти игрушечной.

– Ради такого, Ку, ради такого! Ты давно умрешь, а мост останется стоять. И сто лет спустя по нему продолжат ездить машины, ходить люди, которые никогда и не знали, как тебя зовут, но которые пользуются тем, что ты сделал. Вот – результат. А что твои тусовки? Что после них остается, кроме утреннего бодуна?

Поезд пошел под уклон по широкой дуге, и ускорение прижало Куну к спинке дивана.

– Да я же только предложила... – пробормотала она.

– Да ладно, проехали, – махнул рукой Палек. – Я тебе по мозгам ездить не хотел, извини. Ку, я не против того, чтобы оттянуться в компании, но на весь день я туда идти не намерен. Давай попозже обсудим.

– Давай...

Оставшееся время ехали в напряженном молчании. Здесь, на городской окраине, вагон почти опустел, и тишина нарушалась только гулом мотора да вертлявой девчонкой лет пяти, которая сидела на диване возле супружеской четы среднего возраста. Девчонку интересовало решительно все вокруг – от того, почему поручни блестящие, до того, почему светит солнце, и она своими нескончаемыми вопросами довела до белого каления даже сидящую в противоположном конце вагона Куну. Девушка осознавала, что на самом деле ее раздражает не соплюшка, а зануда-Палек, но к моменту, когда поезд остановился на нужной станции, еле удерживалась, чтобы не прибить болтливую мелочь на месте.

На платформе, впрочем, обстановка разрядилась. Палек, шутливо поклонившись, пропустил ее в двери вагона, после чего пошел рядом, как бы случайно пристроив свою руку у ней на талии. Когда девушка недовольно повернулась к нему, он озорно подмигнул и показал ей кончик языка. Против воли Куна улыбнулась. Нет, на него решительно невозможно сердиться. Она на мгновение прижалась у нему, давая понять, что прощает, после чего ненавязчиво сбросила его руку – люди же смотрят! Юноша не огорчился – у подножия лестницы он спрыгнул с тумбы на асфальт, ухватил ее за талию неожиданно сильными руками, приподнял и спустил к себе. Куна обхватила его за шею и чмокнула в кончик носа, после чего вывернулась и со смехом отбежала на несколько шагов.

Смеясь и болтая, они пошли по тротуару вдоль широкого спуска, недавно специально проложенного к новому мосту, чьи чудовищно огромные береговые пилоны возвышались высоко над ними. Сейчас здесь казалось пустынно, редкие прохожие спешили в том же направлении, и на парочку никто не обращал особого внимания. Они принялись обсуждать общих знакомых и преподавателей, и от ехидных комментариев Палека Куна временами просто показывалась со смеху. Больше всех на орехи от него досталось профессору Рафуте, преподающему

юристам классическую философию средних веков, а технарям читающему общий курс философии. Палек смешно пародировал его походку, манеру нравоучительно вытягивать палец к потолку и в особой манере произносить «А теперь, молодые господа и дамы, мораль сей истории...», и Куна прыскала и била его кулачком в бок. Зато о профессоре Хирое, социологе, он отозвался с неожиданным почтением.

– Яне, сестренке моей, он нравится, – посерьезнев, задумчиво сообщил он. – Не в том смысле, что в постель к нему прыгнуть хочет, а просто нравится. А ей понравится очень сложно, знаешь ли. Она людей изнутри чувствует. Она во всем университете по-настоящему преподав пять уважает, не больше, и Хирой – один из них.

Куна только хмыкнула. Они уже подошли к месту на дороге, которое пока еще перекрывали полицейские машины, и развивать тему она не стала. Хотя зарубку на память сделала – как-то слишком уж Палек своей сестре доверяет. Если удастся зацепиться за него, надо ей понравиться, хотя бы поначалу. Изобразить лучшую подружку, что-нибудь в таком роде...

Крайний пролет моста уходил далеко, не менее чем на полверсты, в сторону от пилона, теряясь в специально проложенном в скальном массиве проходе. По длинной лестнице Куна с Палекком начали подниматься вверх, к дорожному полотну. Куна, задрав голову, осматривала нависающие над ней конструкции. Только сейчас она осознала, насколько огромно сооружение. Изящно выгнутые арки возносились высоко над устьем бухты, смыкаясь где-то там, в голубой вышине, чтобы снова разойтись, опускаясь к противоположному берегу. Паутина тросов тянулась от арок к пилонам и к мосту, висящему в воздухе над спокойно-гладким сейчас проливом. Вся конструкция казалось одновременно массивно-надежной и в то же время летяще-воздушной, парящей в прозрачном осеннем воздухе. Девушка с уважением подумала о том, сколько денег и труда вбухано в громадину, но тут же отвлеклась – длинная лестница, десяток пролетов которой они уже преодолели, успела изрядно ее утомить.

До конца лестницы они поднялись минут за пять, причем девушка тяжело дышала, чувствуя, как по спине под майкой медленно ползут капельки пота, а Палек, казалось, даже не запыхался. Со стороны суши мост перегораживала редкая цепочка полицейских автомобилей. Перед ними капотами в сторону пролива стояли большие тяжелые грузовики с эмблемами «Тойматты». Мост насчитывал по три полосы в каждую сторону, и на каждой полосе стояло по три грузовика, а на железнодорожном полотне, разделяющем полосы, возвышались два больших локомотива. Возле грузовиков волновалась небольшая толпа народа, в основном журналистов и телеоператоров. Телевизионщики с надвинутыми на глаза контроль-панелями переходили с места на место, тускло поблескивая под солнцем прицепленными ко лбу и груди объективами и подыскивая наиболее подходящие точки для съемки. Журналисты сгрудились кучкой вокруг нескольких человек, тыкая в них диктофонами в надежде не упустить ни слова. Поодаль с сумрачными лицами стояли пять или шесть решительного вида тетушек и двое старичков, над которыми вздымались криво нарисованные плакаты наподобие «Одумайтесь, не рискуйте жизнью своих детей!» и «Мост портит красоту пейзажей!»

– Видишь, вон тот, седоватый? – привстав на цыпочках, Палек указал куда-то в толпу. – Невысокий такой, худенький, с лысинкой? А, блин, заступили его, не разглядеть отсюда. Ну, в общем, он и есть Ван. Только важных шишек нет почему-то. Мэр-то где? Что-то его кортежа не видно. Ку, постой-ка здесь, я пойду Вана спасу, пока ему журналисты весь мозг не выели.

Он врзался в журналистов, активно работая локтями.

– Эй! – закричал он, протискиваясь и отбиваясь чужих рук. – Срочное сообщение из мэрии для господина Вана! Пропустите же, олухи! От мэра, говорю, сообщение для господина Вана! Сам дурак, не лезь под руку!.. Да убери же ты свою хреновину, дубина, пока не уронили!..

Минуту спустя он выбрался из толпы, таща за собой на буксире невысокого человека в помятом костюме, перекосившемся шейном шнурке и сбившихся на бок очках. Журналисты

невольно заворчали, но Палек сделал значительное лицо, и они с удвоенной силой вцепились в оставшихся.

– Спасибо, Лика! – с чувством сказал инженер, приводя в порядок одежду и поправляя очки. – Еще немного, и они порвали бы меня на мелкие части. Ну скажи, какое отношение к мосту имеют магазины, в которых я одежду покупаю, и есть ли у меня чоки, а?

– Ты, дядя Ван, ничего не понимаешь, – уверенно заявил Палек, отводя его и Куну подальше. – Завтра одни журналоги сляпают статьи, в которых ненавязчиво прорекламируют магазины одежды, за которые им забашляли владельцы. А другие накатают на целый разворот статьи, в которых подробно проанализируют твои сексуальные привычки при помощи твоего чоки. У тебя он какой, мужской или женский?

– Но у меня вообще нет чоки! – растерянно проговорил инженер. – Мне пелефона хватает...

– Ну вот видишь! Официальной жены нет, чоки нет, значит, ты импотент. Скажи спасибо, что не извращенец. Не отнекивайся, бессмысленно – тебя уже приговорили. Кстати, звонила тетя Эхира, привет тебе передавала.

– Могла бы и мне лично позвонить, – фыркнул Ван. – Но все равно спасибо.

– Лично она позвонит, но попозже, у нее какая-то запарка. Так и сказала – Лика, дорогой, передай дяде Вану, что я его целую и поздравляю, но в спешке говорить с ним не хочу.

– Так и сказала? – подозрительно покосился на него инженер. – Или свистишь художественно в своей лучшей манере?

– Да как я могу! – искренне возмутился Палек, глядя на Вана честными-пречестными глазами. – Кстати, дядя Ван, познакомься – Куна, девушка настолько же одаренная снаружи, насколько и внутри.

Ван вежливо кивнул девушке.

– Рад знакомству, молодая госпожа, – сказал он. – Благосклонность пожалована.

– А еще я закончил расчет «лепестков» для гравископа, – сообщил юноша. – Красиво получилось. Вот... – Он полез в свой рюкзачок, извлек оттуда лист с рисунком уже знакомой Куне конструкции и показал инженеру. – Я тебе отправил все расчеты и схемы, а здесь так, чисто визуально...

– Лика, если бы ты умел считать так же хорошо, как рисуешь, цены бы тебе не было, – вздохнул инженер. – Я посмотрю, но не сегодня и не завтра. Загружен я сверх всякой меры. Кстати, молодой господин, ты не забыл, что послезавтра по сопромату семинар? И что ты основной докладчик? Если отнесешься так же халатно, как и в прошлый раз, я не посмотрю ни на тетю Эхиру, на папу Дзинтона, ни на твои художественные способности, и получишь ты у меня сиротский ноль. Да еще и отцу твоему наябедничаю, какой у него сыночек безалаберный.

– Да всё пройдет как надо! – гордо вздернул подбородок юноша. – Я уже подготовился... почти, чуть-чуть осталось. Ван, а можно, мы с Куной прокатимся в кабине, а?

– Не положено, – нахмурился Ван. – Водителям за риск платят, мне как главному инженеру по ритуалу положено, но вам-то туда зачем соваться?

– Ван! – проникновенно сказал Палек. – Это же все туфта и профанация для общественности! Не рискует никто, все прекрасно понимают. А я тебе какие-нибудь чертежи оформлю красиво, с завитушечками?

– Да говорю же – нельзя! – с досадой отмахнулся инженер. – Тут от репортеров отпинываешься как можешь, и ты еще...

Он замолчал и посмотрел на дорогу в сторону города, откуда стремительно приближался кортеж из трех черных, глянцево блестящих машин с темными стеклами.

– Мэр явился... – пробормотал он. – Ну, сейчас самый цирк начнется. Лика, извини, меня сейчас наверняка потащат фотографироваться в компании всяких уродов.

– Ван, грузовик! – напомнил юноша.

– Да что с тобой поделаться, разрешаю, – нетерпеливо отмахнулся Ван. – Только от обо-
зленных недопущенных сам отбивайся. Все, извини.

Он широким шагом направился к остановившимся автомобилям, к которым хлынула приливная волна журналистов, на ходу одергивая пиджак. Из средней машины выбрался мэ-
р и, сияя улыбкой, принялся позировать перед обернувшимися к нему операторами и фотока-
мерами. Ван протиснулся через толпу и принялся энергично трясти мэру руку, улыбаясь улыб-
кой, не менее ослепительной, чем у мэра.

– Освоился, смотри-ка! – хмыкнул Палек. – А ведь еще недавно от камер шарахался, как кугума от шавеля. Ладно, ему сейчас без рекламы нельзя. Он со своей группой уже новый про-
ект двигает – туннель под Восточным гребнем. Восемь верст в длину, зато создает новый выезд
из города и позволяет верст тридцать срезать на некоторых направлениях. Сейчас финанси-
рование ищут. Ку, да ты посмотри только, какой красавец-мост!

Ничего красивого девушка в мосте не видела. Мощно, да. Впечатляет. Здоровая штука,
не отнимешь. Но красивая? Балки, канаты да столбы... Шедевр скелетостроения.

– Ты представляешь, Ку, если взять уровень дорожного полотна за нулевую отметку, то
несущая арка в своей центральной точке имеет высоту в сто двадцать саженей, а пилоны – в
сто пятьдесят! – не унимался Палек. – Сотня этажей! Пилоны сами по себе уникальнейшие
сооружения, их удалось поставить только потому, что здесь грунты скальные, прочные, можно
забуриться неглубоко и все равно получить надежный фундамент. А еще под полотном висит
пятнадцать саженей технических ярусов, в сумме получается сто шестьдесят пять. А как все
строили!.. Ты помнишь? Сначала арку частями поднимали, с вертолетами балки монтировали,
а потом канатами к пилонам зацепляли, чтобы не оборвались под своей тяжестью. И ведь тре-
бовалось с точностью до сантиметра на расстоянии в полторы версты свести две встречные
конструкции, не промахнуться. А потом под аркой еще и полотно подвесить надо...

От избытка чувств он ударил кулаком по ладони.

– А знаешь, почему мост сделали не просто подвесным с несущими канатами, как в свое
время планировали, а с арками? Подвесные мосты с пролетами и в две версты уже строили,
так куда проще. А все потому, что ветры с океана сильные, чисто подвесной мост раскачивать
будут, закрывать временами придется. И железную дорогу по подвесному мосту не пустить,
слишком велики точечные нагрузки. И жесткий коробчатый мост не сделаешь, слишком длин-
ный пролет получается. И центральную опору, как планировалось, поставить так и не получи-
лось – слишком сильно стала бы кораблям мешать. Пришлось проектировать комбинирован-
ную конструкцию из несущей арки, к которой подвешивают пролет. Уникальнейшая штука,
нигде мире такой нет! Если за проект Вану Национальную премию не дадут, идиотами ока-
жутся.

– Ага... – вяло согласилась девушка, незаметно сдерживая зевоту. – Слушай, а когда
открытие?

– Да вон нафотографируются и начнут, – презрительно хмыкнул юноша. – Потерпи.
Скоро уже. Ку, приготовься морально. Мы с тобой в одном из грузовиков поедем, в кабине.
Прикинь, как круто! Первыми проехать по новому мосту!

– Лица, – осторожно сказала девушка, – а может, не надо? Вдруг опасно?

– Ой, да брось ты! – отмахнулся Палек. – Здесь тяжелая строительная техника тысячу раз
ходила. Один подъемный кран как три грузовика весит, а они тут стадами ползали. Испытания
– показуха для телевизора. Мост уже протестирован и сдан комиссии, а сегодня просто цирк
на публику.

Следующие минут пятнадцать Куна со все возрастающей скукой слушала трепотню мэра.
Тот говорил, говорил и говорил, но о чем, она совершенно не понимала. Безукоризненные син-
таксические конструкции, казалось, не несут вообще никакого смысла, забываясь немедленно
после произнесения. К счастью, получасовое цунами-предупреждение оборвало его выступле-

ние: услышав сирену, мэр как-то потух, сбился и закруглил речь. Потом выступил Ван, но он, к огромному куниному облегчению, уложился в пару минут, сообщив, насколько важным для города является мост и какие выгоды, в том числе финансовые, горожане получают в результате.

– Еще бы! – еле слышно хмыкнул Палек. – Знающие люди в окрестностях моста все земельные участки еще лет пять назад скупили. Сейчас они в двадцать раз дороже стоят. И воздух уже на сто саженей в высоту распродан. Раньше здесь окраина находилась, а теперь строительство начнется – только держись. Вот тебе и выгоды.

Все плохое когда-то кончается, и вскоре толпа журналистов забурлила и задвигалась. Палек ухватил свою спутницу за руку и потащил в сторону грузовиков, окруженных цепочкой полицейских. Улучшив момент, когда цепь расступилась перед инженером, Палек, сильно пихнув Куну в спину, нырнул в разрыв вслед за ним. Позади возмущенно зашумели, полицейский ухватил юношу за плечо, но Ван, обернувшись, разрешающе махнул рукой. Что-то недовольно пробормотав себе под нос, полицейский выпустил Палека, и тот быстро подошел к одному из грузовиков. Открыв дверь и посадив Куну на высокие ступеньки, он вскарабкался вслед за ней.

– Эй, вы кто такие? – недоуменно вытаращился на них водитель. – Откуда взялись? Сюда нельзя!

– Она дочь мэра! – Палек сделал большие глаза. – Здесь по его личному указанию и разрешению. А я ее секретарь. Можешь сходить и спросить. Не обращай на нас внимания, господин, мы не помешаем.

– Дочь мэра? – подозрительно сощурился водитель. – Что-то не помню я у него дочерей.

– А она неофициальная дочь, – хладнокровно парировал юноша, больно пихнув локтем в бок возмущенно открывшую рот Куну, так что та поперхнулась. – От любовницы. Я же говорю, господин, хочешь – спроси.

– Щас спрошу! – угрожающе проговорил водитель, протягивая руку к рации. – И если ты врешь...

Радио ожило без его вмешательства.

– Колонна, здесь Первый, – хрипло сообщил динамик. – Движки на старт. Через двадцать секунд трогаемся.

– Ну, парень, твое счастье, – скривился водитель. – На той стороне разберемся, уши тебе надрать или что еще.

Он тронул панель бортового компьютера, и та, ожив, замигала индикаторами. В недрах машины глухо заурчал двигатель, сотрясая кабину мягкой дрожью. Водитель пробежался пальцами по кнопкам, и тряска перешла в ровную вибрацию.

– Колонна, здесь первый, – снова прохрипело радио. – Пошли. Тридцать верст в час, как репетировали. Линию держать, ребята, линию! Чтобы морды по струнке!

Водитель тронул джойстик, и туша грузовика, ускоряясь, осторожно сдвинулась с места. Окружающая его толпа расступилась и поплыла назад, утекая в щели между машинами. Через несколько секунд впереди осталось только прямое как струна полотно моста. По сторонам закружились несколько вертолетов с эмблемами местных и национальных телеканалов, оставаясь вровень с колонной.

– Смотри, Ку! – возбужденно сказал Палек. – В первый и последний раз здесь так чисто и пусто. Скоро мост откроют для публики, и тогда здесь вечно будет полно машин. Правда, здорово?

Однако девушка, как ни старалась, так и не смогла проникнуться торжественностью момента. В тяжелых грузовиках она еще ни разу не ездила, чем вся новизна и исчерпывалась. Мост и мост, дорога и дорога – что здесь удивительного? К счастью, табло скорости на пульте водителя показывало тридцать верст в час, и мост они преодолели за четыре

минуты. Дружно затормозив, грузовики встали перед полицейскими машинами, перекрывавшими выезд с моста, и Палек, не теряя времени, выбрался из кабины, утянув за собой Куна.

Вездесущие журналисты уже успели появиться и здесь. Похоже, они просто ехали на своих машинах позади колонны, и теперь немедленно взяли в осаду вылезшего на дорогу Вана и прочих инженеров. Палек, вопреки ожиданию, к ним не направился. Вместо того он потянул девушку за собой в сторону пешеходного спуска с моста.

– Быстрее! – прошептал он. – Самое интересное пропустим!

Куна покорно пошла за ним. Она уже смирилась с тем, что полдня пошло коту под хвост. Ну должно же случиться хоть что-то интересное? Она не протестовала, когда он сдернул ее со ступенек в какой-то мрачный туннель.

– Сюда. Здесь выход в технические галереи, – объяснил он. – Не запнишь, пол неровный.

Пару саженей спустя бетонный коридорчик уперся в решетчатую дверь, на которой висел большой ржавый замок. Палек подергал его и задумался.

– Вот так новость, – сквозь зубы сказал он. – Еще неделю назад ее не запирали. Ну ладно, все равно ведь никто не видит...

Он подобрал с пола пару кусков проволоки, такой же ржавой, как и замок, и принялся ковыряться ими в скважине. Минуту спустя замок хрустнул и медленно, нехотя раскрылся.

– Ничего себе! – изумленно сказала девушка. – Лика, а ты где так лихо научился замки вскрывать?

– В детстве друзья попались соответствующие, – сообщил юноша, с усилием отворяя заскрипевшую дверь. – Я же говорю, я детдомовец бывший, лет до десяти подворовывал, пока Дзинтон не усыновил. А он условие поставил: или бросаю воровать, или канаю на все стороны света. Ну, по карманам шарить я бросил, но навыки не забываю. Мало ли когда понадобятся, вот как сейчас. Пошли, пошли, времени совсем в обрез.

Он ухватил девушку за руку и потянул за собой. Минут десять они быстро пробирались по решетчатым переходам и гулким железным лестницам, сквозь которые просматривалась безмятежная оглушающая пустота над спокойной водяной поверхностью где-то далеко-далеко внизу. На своих каблуках Куна быстро запыхалась и начала отставать. Палек несколько раз пытался ее подгонять, но вскоре остановился и махнул рукой.

– Ладно, до середины все равно не успеем. Здесь площадка где-то рядом есть. Сейчас выберемся.

Он огляделся и уверенно провел девушку к очередной решетчатой двери, на сей раз без замка. За дверью и в самом деле обнаружилась смотровая площадка, выходящая на океан.

– Смотри, Ку! – Палек показал вниз. – Видишь? Начинается!

– Что начинается? – не поняла та.

– Волна идет! Вода из бухты уходит.

Поверхность воды в горловине и в самом деле уже не казалась спокойной. Даже отсюда, с высоты, отчетливо различалось, что вода свивается в бурные струи, уходя из бухты внезапно образовавшимся течением. Уровень воды у берегов уже заметно понизился, там начали проступать камни, ранее скрытые под водой. Над городом завывли сирены – десятиминутное предупреждение.

– Лика, а здесь не опасно? – боязливо спросила девушка. – Нас волна не достанет?

– Да ты что? – удивился юноша. – Я ж сказал – мост над поверхностью воды на сто пятьдесят саженей поднят. Но если ты боишься, – он хитро прищурился, – я тебя могу обнять, чтобы не так страшно стало.

– Ну, обними, – лукаво улыбнулась девушка.

Несколько минут они обнимались и целовались под ласковыми лучами солнца. Руки юноши уже забрались в достаточно рискованные области, и Куна уже прикидывала, где и как

на площадке можно устроиться поудобнее. Но тут Палек внезапно оторвался от нее и указал в океан.

– Смотри. Вот она!

Куна обернулась. Из глубин океана к берегу стремительно катился пока еще невысокий и не страшный гребень волны. Приближаясь к прибрежному мелководью, он на глазах рос и начинал обламываться вперед. Вот двадцатисаженная стена воды обрушилась на дальние скалы побережья. Воздух содрогнулся от приглушенного грохота. В воздух взлетели фонтаны гальки, рассекая его словно шрапнелью. А волна продолжала катиться вперед по почти до дна обмелевшему проливу – вот она прошла далеко внизу под мостом, отсюда, с высоты, маленькая и безопасная, прокатилась по бухте и выплеснулась на ее дальний берег, на бетонированные эллинги, причалы и транспортные трубы, растеряв по дороге большую часть своей бешеной энергии. Минуту спустя прошла вторая волна, вполтину меньше первой, а затем еще одна, совсем маленькая, почти незаметная. Пролив, бурля, начал постепенно успокаиваться.

– Забавно, – равнодушно сказала Куна. – Я еще никогда волну сверху не видела. Как-то не впечатляет.

– М-да? – покосился на нее юноша. – А по мне так здорово. Так, а на чем мы остановились, говоришь?

Он повернулся к девушке. Та качнулась к нему, хотя ее пыл уже как-то поостыл, и тут случилось непоправимое.

Острый каблук туфли скользнул по металлу и попал в какую-то щель между решетчатыми плитами пола. Потеряв равновесие, Куна дернулась в сторону, отчаянно пытаясь ухватиться за поручень, неловко повернулась – и с ужасом услышала громкий отчетливый хруст. Выправившись и еще не осмеливаясь взглянуть вниз, она попыталась опереться на ногу и чуть не упала снова.

Чувствуя, как на глаза наворачиваются непрошенные слезы, она медленно наклонилась и стащила с ноги туфлю. Каблук оказался безнадежно сломан. Платформа монолитная, и даже заменить его не удастся. Все. Новую пару можно смело выбрасывать на помойку...

– Ну что, доволен? – с тихой злостью сказала она наблюдающему за ней Палеку. – Привел, значит, волну сверху посмотреть, да? Доволен?! – внезапно заорала она, неловко швыряя в него туфлей. Та полетела совсем не туда, куда рассчитывала Куна, и, вращаясь в воздухе, начала падать, падать, падать далеко вниз, к волнующимся после цунами водам. Куна сдернула туфлю со второй ноги и швырнула в Палека и ее. На сей раз бросок вышел куда более удачным – та пролетела всего лишь в четверти сажени от головы юноши, после чего отправилась в последний путь вслед за своей товаркой.

– Все из-за тебя! – шмыгнув носом, яростно заявила она. – На хрена ты меня сюда притащил? Что, сверху, с тротуара, посмотреть нельзя? Обязательно надо по дурацким решеткам шляться?

– Ку, да здесь ведь так...

– Дебильно! – оборвала Палека девушка. – Здесь все дебильно и по-уродски! А ну, быстро выводи меня отсюда!

– Ку...

– Выводи, я сказала! – заорала Куна. – И быстро! Дурак!

Палек на мгновение возвел очи к небу, пожал плечами, попытался взять девушку за руку – та отдернула ее, словно от раскаленного металла – и пошел в обратную сторону. Куна последовала за ним. Босыми ногами ступать по твердым ребрам и граням холодных металлических решеток оказалось крайне неприятно, и от того она злилась еще сильнее. Десять минут спустя в гробовом молчании они выбрались к когда-то запертой двери, а через нее – на пешеходный спуск с моста вниз, к тротуарам. Там Куна все так же молча обогнула повернувшегося к ней Палека и пошла в сторону дороги по теплomu и приятному после металла асфальту.

– Ку, стой... – сказал ей вслед Палек.

Девушка резко затормозила и полуобернулась.

– Уйди, понял? – яростно сказала она. – Видеть тебя не могу! Возись со своими вонючими лошадьми, строй свои мосты, делай что хочешь – только ко мне больше не лезь, пока не прибила! Дебил хренов...

Она решительно дернула плечом и зашагала по дорожке. Пару минут Палек задумчиво смотрел ей вслед, затем достал пелефон и порылся в заметках.

– Вот и еще одна не прошла испытание... – задумчиво пробормотал он, перечеркивая имя девушки. – Какая по счету? Один, два... шестая, однако. Но планку мы не снизим, нет уж, и не надейтесь. Как бы процесс оптимизировать? Два периода на отсев многовато. Надо сокращать до недели. Посоветоваться с Яни, что ли?

Он задумчиво прокрутил список имен, занимавший десяток страниц, хмыкнул, сунул пелефон обратно в рюкзачок и, насвистывая, пошел в сторону станции монорельса.

5.12.849, небодень. Крестоцин

Густой утренний туман пробирал до самых костей, просачиваясь сквозь легкий спортивный костюм. Карина трусила по улице, с любопытством оглядываясь по сторонам. Ранее утро небодня оказалось неприветливым – деревья здесь уже сбросили листву, с непривычно-голых ветвей падали капли сконденсировавшейся влаги, по небу ползли низкие тяжелые тучи, предвещая очередной обложной дождь, который, похоже, по осеннему времени являлся для Крестоцина таким же привычным, как и зимний ливень для Масарии. Из-за выходного на улице не виднелось ни души, и девушка пожалела, что по привычке поднялась в пять утра. Могла и поспать немного подольше. Впрочем, глупости. Сбитый режим, особенно когда она только только привыкла к сдвигу времени и новому климату, не принесет ничего, кроме тяжелой сонливости до конца дня.

Улица петляла по горным склонам между трех- и четырехэтажных кирпичных домов с покатыми крышами, окруженных голыми скелетами деревьев, вероятно красивых и пышных летом, но жалких и невзрачных при тусклом свете серого осеннего утра. В эту сторону Карина еще не ходила. Судя по заметному уклону под гору, улица шла куда-то к центру, возможно даже, к тому самому окружному полицейскому управлению, где она регистрировалась. В обратную сторону придется бежать в гору, но даже и хорошо, дополнительная нагрузка...

Сквозь клубы тумана впереди проявились две человеческие фигуры – мужская, одетая в теплое длинное осеннее пальто, и женская, в легком плаще и туфельках. Обе фигуры несли в руках больших сумки с вещами. Странно – куда они идут с такими сумками утром в выходной? Подбежав ближе, Карина с трудом подавила искушение через сканер посмотреть на их содержимое. Невежливо, в конце концов, лезть в чужую жизнь и копаться в чужих вещах без спросу, пусть даже и незаметно для хозяев.

– Прости, госпожа, – окликнул ее мужчина. Он оказался довольно молодым, всего лет на пять-шесть старше Карины. – Ты не могла бы великодушно уделить нам минуту своего времени?

Карина остановилась. Конечно, сбивать дыхание на первой же версте плохо, но если им нужна помощь, то ничего с ней не случится.

– Да, блистательный господин? – спросила она.

– Благодарю тебя, великолепная госпожа, – слегка поклонился ей мужчина. Женщина последовала его примеру. Карина бросила на нее более внимательный взгляд и почувствовала острый приступ зависти. Спутница мужчины оказалась писаной красавицей. Правильное лицо северянки-фотомодели – золотые волосы, собранные на затылке в тугой узел, голубые глаза с пушистыми ресницами, полные четко очерченные алые губы, прямой классический нос, высо-

кая, но идеально женственная фигура – и совершенно безмятежное выражение, на ее физиономии держащееся. Сумку она несла в руке, ни капельки не наклоняясь в сторону, чтобы компенсировать ее вес. Или же сумка набита легкими тряпками? Ох, вряд ли – ее ручки ощутимо натянулись от тяжести...

– Не подскажешь ли, госпожа, – спросил мужчина, – где тут поблизости можно снять комнату или небольшую квартиру? Мы приезжие, собирались на день-другой остановиться у старого друга, но он больше не живет по известному мне адресу, как выяснилось. Я никогда не приезжал в Крестоцин раньше, так что даже не знаю, куда сунуться.

– Прости, господин, – развела руками Карина. – Я тоже приезжая, здесь совсем недавно поселилась. Могу посоветовать только гостиницу не так далеко отсюда. Она не очень дорогая, но и не очень дешевая.

– Спасибо, госпожа, но гостиница не подойдет, – покачал головой мужчина. – Нам она не по средствам, и... неважно. Благодарю тебя за уделенное нам время. Калайя, пойдем.

– Да, Биката, – кивнула женщина. – Я рядом.

– Погоди, господин... – Карина заколебалась. – В частном доме, где я живу, есть свободные квартиры, и они недорогие. Но хозяйка сдает их только через агентство по недвижимости. Может, стоит поговорить с ней? Наверное, придется заплатить комиссию агенту, но ты сможешь нанять квартиру.

– Замечательно, госпожа! – просиял мужчина. – Я буду чрезвычайно признателен тебе за адрес.

– Тут недалеко, – сообщила девушка, прикинув, как лучше объяснить. – По улице вверх до первого перекрестка, примерно полверсты, потом направо саженной сто, мимо парка. По левой стороне увидишь узкий красный кирпичный дом в четыре этажа. Его легко отличить – он там единственный стоит в глубине двора, а на крыше у него три черные острые башенки. Хозяйка живет на первом этаже в квартире номер два. Дверь закрыта на замок, но там есть домофон. Правда, сейчас еще рано, она, наверное, спит.

– Я благодарю тебя от всего сердца, госпожа! – поклонился ей мужчина. – Калайя, новый маршрут. Вверх по улице, на первом перекрестке направо, далее сто саженной плюс-минус погрешность, искать красный дом с башенками по левой стороне улицы.

– Да, Биката, – кивнула женщина. – Описание маршрута принято. Начать поиск?

– Да. Мы пойдем, госпожа. Если окажемся в одном доме, у меня еще появится возможность поблагодарить тебя как следует.

Мужчина кивнул и пошел вслед за женщиной, которая, казалось, перестала обращать на него всякое внимание, сосредоточенно шагая по тротуару.

– До встречи, господин, – пробормотала вслед ему озадаченная Карина. Какие-то они странные. Что за выражения такие – «описание маршрута принято», «начать поиск»? «Плюс-минус погрешность»? Девушка развернулась и снова затрусилась под гору, все еще раздумывая над встречами.

Когда полчаса спустя она, запыхавшаяся и вспотевшая под спортивным костюмом, вернулась в свой дворик, странная парочка сидела на скамейке. Сумки стояли рядом, на посыпанной мелким песком дорожке.

– Хозяйки нет дома, господин? – спросила девушка, прохаживаясь взад и вперед по дворику, чтобы успокоить пульс и восстановить дыхание.

– Не знаю, – смущенно улыбнулся мужчина. – Честно говоря, я посмотрел на часы и действительно не рискнул звонить в такую рань. Друга я бы еще поднял спозаранку, но чужого человека не стану. Не волнуйся, госпожа, мы подождем еще полчаса, а потом я позвоню.

Карина поежилась. Тепло быстро уходило сквозь ткань, и ее постепенно начал пробирать озноб.

– Слишком холодно, господин, – сказала она. – Вы можете подождать у меня в квартире. Там пусто и не слишком уютно, но, по крайней мере, тепло и есть стулья. Твоя уважаемая спутница, – она слегка поклонилась женщине, – одета слишком легко для такой погоды.

– Ей все равно... – рассеянно пробормотал мужчина, но тут же спохватился: – Спасибо за тревогу, госпожа, но мы не замерзнем. Я тепло одет, а Калайя не боится холода. Она... э-э-э, закаленная.

– Как хочешь, господин, – пожала плечами Карина. – Но если передумаешь, я живу на третьем этаже, квартира номер шесть. Домофон включен.

Когда она взялась за ручку входной двери, ее внезапно озарило. Она повернула голову и бросила на женщину быстрый взгляд через эффлектор. Чоки?! Вот это да! Ну ничего себе! Ее же от человека не отличить, если бы не странные обороты в ее речи. Но такие чоки наверняка страшно дорогие! А ее владелец ищет квартиру подешевле, поскольку гостиница не по карману?

Заметив настороженный взгляд мужчины, Карина отвернулась, приложила к замку пластинку ключа и вошла в дом. Ну и что, что чоки дорогая? Может, он просто хорошую работу потерял. Или фанат, который в своего чоки каждый свободный маер вкладывает. Поднявшись на первый пролет лестницы, она прислушалась. Кажется, из-за двери хозяйки доносились какие-то звуки. Наверное, та уже встала. Девушка подошла к двери и осторожно постучала. Минуту спустя та распахнулась, и на пороге появилась встрепанная и заспанная госпожа Докусинна в мятом халате.

– А, госпожа Карина! – зевнула она, деликатно прикрываясь ладошкой. – С утра пораньше уже на ногах?

– Доброе утро, госпожа хозяйка, – поклонилась девушка. – Я уже с пробежки вернулась. Там, во дворе, ждет человек, который хочет снять квартиру. Я подумала, что ты можешь ему помочь. Приношу свои извинения, если ошиблась.

– Не успела сама поселиться, а уже друзей сватаешь? – снова зевнула Докусинна. – Вообще-то я только через агента квартиры сдаю. Ладно, зови его. Может, и договоримся.

– Да, госпожа! – кивнула девушка и вернулась ко входной двери.

– Господин, – сказала она встрепенувшемуся мужчине. – Госпожа хозяйка уже проснулась. Ты можешь поговорить с ней.

– Благодарю тебя, госпожа! – мужчина вскочил со скамейки. – Калайя, за мной.

– Да, Биката, – согласилась чоки, поднимаясь на ноги изящным движением.

Карина придержала дверь, чтобы та не захлопнулась, указала мужчине на дверь хозяйки и через две ступеньки взбежала на третий этаж. Парс встретил ее приветственным мяуканьем, больше напоминающим боевой клич.

– Парс соскучился, – сообщил он, теребя передними лапами штанину спортивного костюма.

Карина почесала его за ухом, разулась, в очередной раз поразившись, как неудобно без высокого пола, сунула грязные кроссовки в отведенный для них угол и, на ходу стягивая костюм, отправилась в душ.

Чоки! И какая естественная! Совершенно не отличить от человека. И, главное, такая красавица! Не то что сама Карина... Она включила в душе горячую воду и принялась с наслаждением смывать с себя пот. Теперь предстояло понять, на что следует потратить выходной.

В этот небодень она больше не видела своего нового знакомого, и уже к вечеру он совершенно вылетел у нее из головы. Следующее утро выдалось хлопотливым: госпожа Томара, похоже, всерьез вознамерилась доказать, что жизнь интерна-первогодка отнюдь не сахар. Однако после того, как Карина честно отработала смену в одной из перевязочных и хвостом

потаскалась за Томарой на обходах, стараясь делать как можно более задумчивое лицо, куратор сжалась над ней.

– Я в университет, лекцию читать, – сообщила она, сбрасывая халат и натягивая пальто. – Вернусь часа через четыре. Твоя ближайшая задача – как следует ознакомиться с больницей. Вряд ли тебе придется часто бывать за пределами хирургического отделения, но местность себе ты представлять обязана. Начни с нашего корпуса, потом пройдишь по кардиологии и терапии – они здесь рядом. Загляни в ортопедию и в диагностический центр, потом сходи в морг – он за внутренним парком, такое небольшое здание. В общем, освойся, познакомься с народом, с кем сумеешь, и вообще чувствуй себя как дома.

После ее ухода Карина отправилась исследовать местность. Трехэтажный хирургический корпус стоял несколько на отшибе от остальных, вплотную примыкая к реанимационному отделению. От остальных зданий их отделял внутренний парк, по которому змеились тропинки для прогулок. Остальные корпуса располагались плотной группой саженях в ста. В целом больница оказалась не слишком большой, не более чем на двести пятьдесят-триста коек, из которых треть приходилась на хирургию. Дома в Масарии студентов неоднократно водили на экскурсии и практические занятия в Госпиталь ветеранов, который занимал по крайней мере втрое большую территорию и мог принять раз в пять больше пациентов. Впрочем, Первая городская больница Крестоцина выглядела явно не рассчитанной на долговременное пребывание пациентов, так что в большом количестве коек не нуждалась. Видимо, плановая госпитализация людей, требующих долгого наблюдения и ухода, проводилась в других больницах, Первая же специализировалась на обследованиях и экстренной помощи.

Особого внимания на облаченную в белый халат Карину никто не обращал. Изредка она подходила к дежурным медсестрам, задавала вопросы, на которые те отвечали, с любопытством поглядывая на нее. Она шапочно познакомилась с несколькими молодыми девицами своего возраста, но приближаться к сестрам постарше и врачам пока не рискнула. В конце концов, у всех свои дела, и путаться под ногами у незнакомых людей невежливо.

Корпуса она обходила по кругу, и в терапию попала в последнюю очередь. Здесь не оказалось ничего особенно интересного – двухэтажное приземистое здание со стандартным приемным покоем, раздевалкой для посетителей и унылой прямоугольной планировкой. Она бродила уже часа два, так что решила дать отдых ногам. Из окна пустого сейчас приемного покоя сквозь кроны деревьев открывался неплохой обзор на бухту, залитую скупым светом проглянувшего сквозь тучи солнца. Карина присела на подоконник, задумчиво вглядываясь в склоны, на которых располагался город. Да, пожалуй, здесь горы покруче, чем дома. Впрочем, сей факт она уже осознала по первым пробежкам. Ну ничего, так даже полезнее.

Внезапно она вспомнила, как неделю назад вместе с Томарой смотрела в этом же здании молодого мужчину, Мири, с раком бронха. Что-то с ним сейчас? Наверное, он еще может ходить на работу и пока не догадывается, что с ним происходит. Но он уже обречен. Ну почему, почему она ничего не может сделать? Так несправедливо – умирать в таком возрасте от страшной неизлечимой болезни!..

– Привет! – раздался рядом жизнерадостный голос. Она повернула голову и увидела стоящего рядом парня, одетого, несмотря на довольно прохладный день, в шорты и майку, туго обтягивающую мускулистый торс. Поверх майки болтался небрежно накинутый белый халат. – Скучаешь в одиночестве, госпожа? Тоже врача дожидаться не можешь?

– Здравствуй, господин, – кивнула ему девушка. – Я не скучаю. Я отдыхаю. С утра на ногах, надо же передышку сделать.

– Понятно, – хмыкнул парень, присаживаясь на противоположный конец подоконника. – Ты тоже здесь на обследовании? Гоняют по кабинетам, как козу по огороду, то туда сходи, то сюда...

– Нет, господин, – качнула головой Карина. – Я совсем наоборот. Я тут работаю.

– Работаешь? – приподнял бровь парень. – Ты медсестра?

– Хуже, – улыбнулась Карина. – Я интерн. Интерн – такой человек, который уже не студент, но еще толком и не врач. У меня здесь практика первого года.

– Врач? – поразился парень, с подозрением ее оглядывая. – Прости, госпожа, а ты не слишком... э-э-э, молода для врача? Тебе сколько – шестнадцать, семнадцать?

– Ну, я просто выгляжу молодо, – недовольно поморщилась Карина. – Мне двадцать.

– Все равно... – парень нахмурился, но тут же просиял. – Прости, госпожа, я не хотел показаться назойливым. Мне сказали терапевта пятнадцать минут подождать, а я уже минут тридцать скучаю, вот и пристал от нечего делать. Меня Маами зовут. Раз знакомству.

– Я Карина. Рада знакомству, прошу благосклонности.

– Пожалована. Слушай, давай без формальностей, а? – парень склонил голову набок.

– Давай, – вздохнув, согласилась Карина. – А на предмет чего обследуешься?

– Да гастрит у меня какой-то, – Маами пожал плечами. – Чего только на анализ не брали – и кровь из пальца и вены, и мочу, и прочую фигню. Потом зазвали сюда, положили на стол и засунули в глотку какую-то склизкую гадость на веревочке, а она давай у меня по кишкам ползает. До сих пор тошнит...

Его передернуло.

– А, ничего, – понимающе сказала Карина. – У меня тоже хронический гастрит, правда, в легкой форме. И никакая не гадость, а автономный зонд кишечного тракта. Он сам перемещаться умеет, а тросик для страховки, чтобы в случае чего вытащить. Он у тебя анализы секретов брал и карту слизистой делал. Ты в первый раз, что ли, его глотал? Так ничего, привыкнешь.

– Только привыкать мне еще и не хватало... – пробормотал парень. – Слушай, вот ты мне скажи – зачем вообще глотать? Штуки, которые врачи на груди таскают, их разве мало?

– На груди носят диагност, – объяснила Карина. – Очень полезная штука, если пользоваться правильно, но он далеко не все может. Он умеет зондировать ткани ультразвуком и слабыми токами, измерять параметры нервной системы, давление, пульс, электрическое сопротивление кожи, снимать кардиограмму, немного анализирует химический состав пота, все такое. Но гастрит – воспаление слизистой оболочки желудка. Вчерне его диагност определяет по косвенным признакам, но чтобы лечить правильно, нужно полное обследование и анализ твоей биохимии. Тут уже без зонда не обойтись. Ты скажи спасибо, что легко отделался. Автономные зонды всего лет десять как применять начали, до того приходилось эндоскопию делать такой толстенной жесткой трубкой с лампочкой и телекамерой, которую в горло пихали. Меня пару раз такой смотрели, когда я маленькой была, да и в универе мы с такими практиковались. Ужас. Что с дальнего конца зонда ужас, что с ближнего. А секреты на анализ брать – вообще пытка, а не процедура. Часами лежишь на боку с заглощенной резиновой трубкой и стараешься ее не вытошнить, пока желчь наконец-то не пойдет.

– Да уж... – поежился Маами. – Уговорила. Страшно радуюсь, что не двадцать лет назад живу. Слушай, а что у тебя выговор такой... необычный? Ты с юга?

– Ага. Из Масарии. Здесь до зимников, потом домой уеду. А что, так заметно, да? Я вообще-то ходила на занятия риторикой, пыталась избавиться от акцента...

– Да нет, не очень заметно, – беспечно пожал плечами парень. – Просто у меня тетка южанка, я твою манеру слоги на «ла» выговаривать знаю. Мне она даже нравится. А ты по какой специальности врач? Не терапевт случайно?

– Я хирург. Извини, диагноз тебе ставить я не намерена, – рассмеялась Карина. – Придется тебе своего врача дожидаться. А ты в Крестоцине с детства живешь?..

Десять минут спустя она уже чувствовала себя с Маами как со старым знакомым. Он рассказал, что ему двадцать пять лет, работает он экспедитором в фирме, торгующей лекарствами, мотается по соседним городам, сопровождая грузы, и из-за постоянного питания на

бегу гастрит и заработал. В ответ Карина изложила ему историю своего обучения в университете и рассказала о семье, тщательно, впрочем, опуская лишние подробности. Они оживленно болтали, когда появившаяся медсестра наконец-то вызвала Маами к врачу.

– Иду, госпожа, – откликнулся парень, вставая с подоконника. – Ты код своего телефона мне не оставишь? – обратился он к Карине.

– Оставлю, – кивнула та. – Слушай, а может, ты мне город как-нибудь покажешь? А то я сама хожу, но не понимаю много. Неделю уже здесь, а картинка местности в голове не складывается.

– Покажу, – согласился Маами, принимая на телефон ее код и сбрасывая ей свой. – Только через неделю-другую, ладно? У меня тут сразу несколько командировок на носу, раньше надолго вырваться не смогу. Ну ладно, созвонимся.

Он махнул рукой и отправился вслед за неодобительно поджавшей губы медсестрой. Девушка посмотрела ему вслед и улыбнулась. А он ничего. И улыбка у него славная...

Спохватившись, она бросила взгляд на часы и прыгнула с подоконника. Пора возвращаться в отделение. Наверняка девочкам нужно чем-то помочь... И, кстати, надо не забыть, что сегодня вечером она все-таки должна зайти в полицейское управление. Вопрос с тренировками нужно решать чем быстрее, тем лучше.

В семь вечера Карина прошла в раздвинувшиеся перед ней двери окружного полицейского управления и нерешительно остановилась посреди холла. Она сообразила, что в прошлый раз не спросила ни как пройти в спортзал, ни как связаться с капитаном Дентором. Может, ей вообще не стоило приходить? Возможно, следует просто развернуться и уйти, не злоупотребляя гостеприимством хозяев. Но маленькая комната ее квартиры категорически не устраивает ее в качестве места для тренировок, на улице холодно и, главное, слякотно, и она явно выходит за рамки запланированного бюджета. Возможно, в следующем периоде она все же сумеет сэкономить и выкроить деньги на платный зал. Пятьсот маеров за занятие, минимум три занятия в неделю – четыре с половиной тысячи за период? Ой, вряд ли... И как она, дура, не вспомнила при планировании? И нечего валить все на незнакомую северную погоду – в конце осени и зимой даже дома на улице заниматься некомфортно.

Она вздохнула и подошла к сидящему в углу охраннику, внимательно наблюдающему за ней.

– Прости, господин, – робко спросила она, – ты не подскажешь, как пройти в спортзал?

– Новенькая? – приподнял бровь полицейский. – Что-то я тебя не помню.

– Я не новенькая, – мотнула головой девушка. – Просто господин капитан Дентор... ну, он пригласил меня приходить заниматься.

– «Пригласил приходить заниматься»? – изумленно переспросил охранник. – Что-то оригинальное. Ну, пригласил так пригласил. Вспомогательные помещения, госпожа, не здесь. Нужно выйти из дверей, обогнуть здание слева и немного пройти по парку. Там разные постройки, но спортзал ты не пропустишь.

– Спасибо, господин, – поклонилась ему Карина. – Ты очень помог.

Она повернулась и вышла в дверь. Охранник, проводив ее взглядом, извлек рацию и произнес в нее несколько тихих фраз. Выслушав ответ, он хмыкнул и вернулся к созерцанию почти пустого холла.

В парке и в самом деле оказалось много построек. Точнее, его и парком-то было назвать сложно. Открытая стоянка полицейских автомобилей соседствовала с длинным приземистым зданием с узкими окнами, у входа в который красовалась вывеска «Дежурная смена». Рядами тянулись какие-то пакгаузы, скудно освещенные редкими фонарями. Спортзал обнаружился, к счастью, не так далеко – саженях в двадцати от основного здания, но пройти к нему Карина не успела.

– Тут закрытая территория, – возвышавшиеся над ней двое полицейских в черной форме, казалось, могли достать макушками до неба. Один из них поигрывал длинной резиновой дубинкой. – Куда направляется молодая госпожа?

– Мне нужен спортзал, господин, – сообщила девушка. – Это он, да?

– Это – он, – с легкой насмешкой согласился полицейский с дубинкой. – Но здесь спортзал окружного полицейского управления. Посторонним сюда вход запрещен. Пойдем, госпожа, мы проводим тебя до...

– Меня пригласил господин капитан Дентор! – внезапно разозлилась Карина. Наверное, стоило бы откланяться и больше никогда сюда не приходиться, но взывавшее упрямство такой вариант исключало. Она пройдет в спортзал, хотя бы для того, чтобы посмотреть на шутника-капитана. Или остолопа – как он мог не подумать, что ее просто не пустит охрана? – Нижайше прошу отвести меня к нему!

– Вот как? – ухмылка сползла с лица охранника. – Тогда другое дело, госпожа. Сегодня он как раз дежурит. Я отведу тебя.

Он кивнул своему напарнику, и тот, кивнув в ответ, отошел в тень здания и застыл в ожидании.

– Пойдем, госпожа, – сказал полицейский, вкладывая дубинку в петлю на поясе и указывая в сторону здания с вывеской «Отряд специального назначения». – Нам туда.

Внутри дом оказался похожим на большую казарму. Прямо от входа начиналась длинная и широкая комната, уставленная шкафчиками для одежды. В дальнем конце за закрытой на замок решеткой располагалась оружейная стойка, в которой ровными рядами стояли штурмовые карабины и еще какое-то зловещего вида оружие, которое Карина не опознала. Вдоль стен располагались жесткие кресла, в которых сидели и лениво переговаривались пять или шесть мужчин-людей и трое троллей в черно-желтой форме полицейского спецотряда. При появлении Карины с сопровождающим они прекратили разговор и внимательно уставились на девушку. Гигантский капитан Дентор сидел за столом рядом со входом и что-то быстро вводил в терминал.

– Господин капитан, – вытянувшись, обратился к нему полицейский. – Девушка утверждает, что знает тебя.

Капитан повернул голову и несколько секунд отсутствующе рассматривал Карину. Потом тень узнавания тронула его глаза, и он кивнул:

– Да, помню. Госпожа Карина, верно? Спасибо, Ванита, можешь быть свободен.

Полицейский щелкнул каблуками, повернулся и вышел, разве что не печатая шаг.

– Здравствуй, молодая госпожа, – устало сказал капитан. – Присядь, пожалуйста, на минуту, мне нужно абзац закончить. Представь, сегодня какой-то сопляк вознамерился ограбить банк с помощью дедушкина пистолета с заклиненным бойком – металлолом, из которого лет тридцать не стреляли. От большого ума еще и заложников брать вздумал, когда сирены у входа завывали. Чуть не пристрелили придурка. Хорошо, у него хватило ума пушку бросить и на пол лечь, как приказали. Полчаса езды туда, полчаса оттуда, пять минут на месте – и два часа писанины.

Он покачал головой и снова отвернулся к дисплею.

Оторвался от своего занятия он действительно менее чем через минуту. Вывернув сложенные в замок руки и со вкусом потянувшись (Карина снова поразила его необъятным габаритам), он сладко зевнул.

– Ну что, – спросил он, – значит, решилась-таки появиться? Молодец, одобряю. Пойдем, отведу тебя в зал. Нараси! Я через несколько минут вернусь, посиди за меня на связи.

Он воздвигся из за стола и приглашающе мотнул головой.

– Я на дежурстве, так что в зале не останусь. Там только те ребята, что от дежурства свободны. Их человек пятнадцать, но ты не пугайся, – говорил капитан, размашисто шагая

по улице. Карина едва успевала за ним. – С глупыми вопросами не полезут. Но если что, там сейчас вайс-капитан Панас, Панас Тадий, он мой заместитель. С любыми проблемами – к нему, он поможет. Сейчас... – он бросил взгляд на часы. – Сейчас двадцать минут восьмого. Ночной сторож закрывает зал в девять, постарайся уложиться. Приходить можешь хоть каждый день, охрану я предупрежу. Извини, что забыл сделать сразу. Проходи, – он толкнул дверь спортзала, пропуская девушку вперед.

Зал оказался довольно просторным, даже *большим*, чем выглядел снаружи. На традиционном месте, в левом углу от входа, располагались раздевалка и душевые рожки. По периметру помещения располагались устрашающе выглядящие металлические конструкции. В некоторых Карина с трудом опознала тренажеры. Она только однажды заглядывала в зал для накачки мускулов, а потому в соответствующей машинерии не разбиралась. По центру зала лежали маты. В помещении и в самом деле находилось десятка полтора человек и троллей в набедренных повязках. Большинство с глубокомысленным видом занималось на тренажерах, а две пары работали на матах. Одна пара отрабатывала броски через бедро. Рядом человек, мало уступающий габаритами капитану Дентору, с хэканьем поочередно бил голеньями в мягкие щитки, надетые на предплечья партнера.

Капитан вложил в рот два пальца и резко свистнул.

– Народ! – громко сказал он, когда все головы повернулись к ним. – Представляю госпожу Карину Мураций. Она с сегодняшнего дня она занимается вместе с нами. Я о ней предупреждал. Надеюсь, все помнят, – в его голосе проскользнули угрожающие нотки. – Панас! – Один из троллей поднялся с тренажера и кивнул девушке. – Ты лично ее опекаешь. А вы все, остолопы, смотрите да учитесь, поняли? Если что, я в дежурке.

Ободряюще хлопнув Карину по плечу – та аж присела под тяжестью его руки – он повернулся и вышел.

В зале стояла напряженная тишина. Карина нервно оглянулась вокруг. Вот так неожиданно привлечь всеобщее внимание казалось до крайности невежливым. Впрочем, даже если так, ее вины здесь нет.

– Меня зовут Карина, блистательные господа, – она поклонилась присутствующим. – Рада познакомиться. Прошу благосклонности.

Формула приветствия волшебным образом разрядила обстановку. Полицейские отвернулись, задвигались и снова занялись своими делами. Троль подошел к ней и поклонился в ответ. От него исходил характерный тонкий запах мускуса.

– Я Панас Тадий, – представился он, – заместитель Дентора. От лица всех ребят сообщаю, что радость взаимна. Чувствуй себя как дома, госпожа Карина. Тебе не станут мешать, я лично прослежу. Скажи, госпожа, а у тебя действительно коричневая лента?

– Э-э-э... да, – смутилась Карина. – Но это не так много.

– Больше, чем у любого из моих бойцов, – хмыкнул троль. – У нас в отряде искусство Пути почти не практикуется. Предполагается, что тѣкусо в наших условиях более адекватно. Ладно. Если что, не стесняйся обращаться.

Он повернулся, подошел к своему агрегату и снова впрягся в него. Заходили вверх-вниз даже на глаз неподъемно выглядящие противовесы.

Карина вздохнула. Разумеется, мешать ей не станут. А вот пялиться станут так, что дырки взглядами провертят. Интересно, капитан Дентор сказал им только об ее ленте? Или еще и о том, что она девиант? Она прошла к раздевалке, сбросила одежду и белье, нацепила набедренную и нагрудную повязки и надела поверх дзюбу. В зале оказалось неожиданно прохладно, и, кажется, впервые в жизни плотная куртка оказалась кстати. По крайней мере, на первых минутах.

Выйдя на маты, она почувствовала странную скованность. Разумеется, все полицейские в зале наблюдали за ней. Большинство старалось бросать взгляды незаметно, исподтишка, но

некоторые пялились совершенно открыто. Ну и что? Подумаешь! Она давно не замордованная девчонка, прячущаяся под кровать от одного взгляда чужака. В конце концов, на межшкольных турнирах на нее пялились никак не меньше!.. Скванность, однако, не уходила. Но не бросать же все из-за какого-то смущения?

Она начала разминку. Наклоны, растяжки, «колесо» и кувырки взад-вперед слились в одну длинную серию движений, растянувшуюся минут на пятнадцать. Под конец она втянулась в привычный ритм и уже почти совсем перестала обращать внимание на окружающих мужчин. Те даже бросили претендовать, что занимаются своими делами, и заворожено следили за ней. Завершив разминку отжиманием по двадцать раз на каждой руке и пятьдесят раз качнув пресс в положении лежа, она встала и медленно пошла вокруг матов, тяжело дыша и чувствуя, как струйки пота ползут по спине.

– Вот так акробатика... – уважительно пробормотал кто-то из мужчин.

Внезапно Карине стало весело. Значит, ребята, вам любопытно? Ну, получите вы у меня показательные выступления! Она села на пятки и несколько секунд восстанавливала дыхание. Дождавшись, пока полицейские начнут отворачиваться, возвращаясь к своим тренажерам, она внезапным броском вбок-вперед перекадилась по матам, мгновенно оказавшись на ногах, и начала отработку второго набора техник.

Удар ножом сбоку – уйти в сторону, развернуться на пятках, удар локтем в затылок, помогая упором другой ладони в кулак... Удар палкой сверху – коснуться предплечья нападающего, скольльзящим движением отжать вниз, позволив инерции сделать основную работу, подшаг в сторону, рука скользит по шее, та упирается в сгиб локтя, резким разворотом корпуса вокруг опорной ноги уронить тело врага хребтом вперед на подставленное колено и добить ударом в переносицу... Режущий удар палкой по горизонтали – кувырнуться вперед и вбок, огибая противника с другого бока, оказаться на ногах, прежде чем тот успеет развернуться, скользнуть за спину противника, нежно нажать на отходящее вбок предплечье, второй рукой надавливая на шею и завершая комбинацию мощным поворотом всего корпуса, роняя нападающего на землю и в развороте нанося скольльзящий удар пяткой в висок...

Постепенно она забыла, где находится. Бой с тенью увлек ее, поглотил и растворил в себе, и когда она наконец остановилась, то с удивлением отметила, что часы на стене давно перевалили за восемь.

Кто-то захлопал в ладоши, и остальные тут же дружно подхватили. Шквал аплодисментов заставил Карину растерянно оглядеться и вспыхнуть до корней волос. В направленных на нее взглядах она ясно читала уважение, что заставило ее смутиться еще сильнее.

– Великолепно, госпожа Карина, – тролль Панас подошел к ней. – Просто нет слов. Когда я только увидел тебя, я, честно говоря, разочаровался. Вижу, что оказался неправ.

– Спасибо, господин Панас, – Карина поклонилась в ответ. – Но я всего лишь ученица.

– Неважно. Техника у тебя все равно впечатляющая. Возможно, кое-кому, – он многозначительно посмотрел на одного из людей – того, кто отрабатывал удары ногами, – придется поверить, что искусство Пути – не такое уже и бесполезное умение.

– В качестве гимнастики – весьма полезное, – пожал тот плечами. – С этим я и не спорил. Физическую форму для женщины поддерживать – самое то, лучше не найдешь. Но в реальном бою... Извини, госпожа Карина, но в настоящей драке тебе просто вломят прямым в череп до того, как ты сумеешь изобразить одно из своих па. Вломят в череп, а потом, упавшую, забьют ногами. Или пулю всадят с расстояния в пару саженей. Танцы танцами, а в настоящей жизни лучше драться по-настоящему.

– Но Путь и учит настоящей драке! – несогласно тряхнула головой девушка. – Прости, господин, но ты не видел в деле моего мастера. Однажды вечером на него напали пятеро, местная банда, вооруженные стальными прутьями, цепями и ножами. Через десять секунд двое

умерли, а трое стали калеками. Один больше никогда не сможет ходить без костыля – мастер Караби сломал ему колено, а двое других отделались переломами обеих рук.

– Караби? Троль, судя по имени, – хмыкнул мужчина. – А нападали люди, верно? Да даже если бы он вообще драться не умел, все равно бы их заломал. Как раз тот самый случай: прямым в череп, и в лежку. Какие еще ножи против тролличьей шкуры? Потыкай вон Панаса пальцем, если непонятно. Извини, госпожа, но придется привести пример поубедительнее. Вот ты, скажем, сможешь отбиться от пятерых?

– Нет, разумеется, господин. Я всего лишь ученица. При помощи искусства Пути я смогу отбиться от одного, от двоих максимум, и то если они окажутся не слишком умелыми бойцами. Но... – Она заколебалась. Показать им фокус? Боязно. Она еще не демонстрировала такое умение никому, кроме папы и мастера Караби. Ну и что? Представление так представление, верно? Все равно никто не догадается об ее мелких уловках. – Но если речь именно про меня, я могу так...

Она сошла с матов и подошла к цилиндрическому боксерскому мешку в полторы сажени высотой, за растяжки прицепленному к полу и потолку. Так. Явно рассчитан на силу и массу троллей, на глаз весит килограммов двести пятьдесят – триста. Силовые манипуляторы эффлектора скручены в тугий комок – распустить один свободной волной – распластать ее по бедру, колену, голени, нацелив векторы воздействия перпендикулярно телу – удар бедром в мешок, совмещенный с хлещущим ударом манипулятора...

Результат превзошел все ее ожидания. Она рассчитывала, что мешок всего лишь отскочит на пол-локтя и, вернувшись на место, протяжно завибрирует. Вместо того верхняя растяжка с резким щелчком порвалась, и обитый мягким пластиком цилиндр с тяжелым глухим ударом рухнул на пол, едва не зацепив вовремя отпрыгнувшего Панаса. Обшивка лопнула, и в воздух взлетело облако древесных опилок, ровным слоем покрывая пол, тренажеры и полицейских в радиусе трех саженей. Вот, оказывается, что у них внутри, мелькнула и пропала глупая мысль. Опилки...

Несколько секунд в зале стояла глубокая тишина.

– Ни хрена ж себе ударчик... – ошеломленно сказал кто-то позади Карины, и только тут девушка опомнилась.

– Прошу прощения, господин Панас! – обернувшись к вайс-капитану, пролепетала она, снова краснея до корней волос. – Приношу свои глубочайшие извинения! Я не хотела, честно! Я возьму ущерб!..

Вот и все. Теперь ее вышвырнут отсюда, и будут глубоко правы. Потому что так не рассчитать силу воздействия манипулятора простительно лишь восьмилетней соплячке, только-только осознавшей свой эффлектор. Ей же за такое следует просто оборвать руки, голову и прочие части тела. Устроила представление, называется! И сколько же ей придется заплатить? Сэкономила на частном зале, ага...

– Bravo, госпожа! – раздался позади ироничный мужской голос. – Просто восхитительная демонстрация. Прими мои поздравления.

Открывший было рот троль дернулся и быстро встал по стойке смирно.

– Господин директор Теодар! – отрапортовал он. – Группа тренируется в обычном режиме. Происшествий... э-э-э... – Он запнулся. – ...почти не случилось.

Карина обернулась.

Со стороны дальнего и самого темного угла зала к ним неторопливо приближался высокий представительный мужчина с пепельно-белыми от седины висками. Его официальный серый костюм с черным шейным шнурком казался в спортзале столь же уместным, сколь и спасательный жилет на рыбе. Мужчина шел слегка враскачку, как бывший моряк, а на его лице держалась кривая ухмылочка.

– Вольно, Панас! – сказал он все тем же ироничным тоном. – Насчет происшествий можно не докладывать, сам вижу. Я предполагаю, что имею дело с той самой великолепной госпожой Кариной Мураций, о которой мне рассказывал Дентор? – обратился он к девушке.

– Да, блистательный господин, – прошептала та, опуская голову. – Рада знакомству. Прошу благосклонности.

– Радость взаимна, госпожа, благосклонность пожалована. Я – Теодар Маракус, директор бедлама на колесах, который почему-то называют окружным полицейским управлением, – мужчина прошелся вдоль валяющегося мешка, присел возле дальнего конца и внимательно осмотрел его. – Как я и думал, – фыркнув, констатировал он, выпрямляясь. – Поздравляю тебя, госпожа, ты только что спасла от весьма неприятной смерти человека. А может, и не одного. Если бы хреновина упала на голову одного из моих людей во время обычной тренировки, я бы отвернул интенданту башку и засунул ее в... неважно куда. А так он отделается лишь вычетом из жалования.

Неожиданно директор слегка подмигнул Карине.

– Расслабься, госпожа, – сказал он нормальным тоном. – Ты не виновата. Верхнее проводное кольцо, к которому сходились цепи, не выдержало и лопнуло. Да и сами цепи растянуты просто неприлично. Дентор жаловался мне еще два периода назад, что заметил проблемы с крепежом во время профилактического осмотра, но интендант упорно отказывался выделять деньги на новый мешок. Мол, столько лет держался, и еще столько же продержится. Растяжка могла лопнуть в любой момент, совпадение с твоим ударом случайно. К тебе нет претензий. Панас!

Он повернулся к троллю.

– Завтра еще раз внимательно осмотреть весь инвентарь. Мне на стол отчет о замеченных проблемах. Мусор, – он кивнул на слой опилок, – пока не трогать, завтра ткну интенданта носом. Итак, госпожа Карина, я думаю, что дискуссию о преимуществах искусства Пути перед тёкусо можно свернуть ввиду твоей безоговорочной победы. Не хотел бы я оказаться среди тех, кто попытается тебя остановить в темном переулке.

Он неожиданно тепло улыбнулся.

– Ты ничего себе не повредила? – осведомился он. – Отдача, или что там?

– Нет, господин директор, – пробормотала постепенно оживающая Карина. Значит, ее не прогонят? – Я не ногой била. Тебе ведь Дентор сказал, что я девиант, да? А манипулятор не передает усилие в обратную сторону. Воздействие одностороннее.

– Вот как? – остро глянул на нее директор. – А как же законы физики? Действие равно противодействию, все такое?

– Я не знаю точно, – Карина наморщила лоб. – Я не физик, здесь Цукку надо спрашивать. Она понимает. Цукка – моя опекунша, – пояснила она торопливо, – она физический факультет закончила. Я только знаю, что у эффектора есть опорная точка пространства, ее еще называют базой, относительно которой откладываются генерируемые манипулятором импульсы. При воздействии классическая физика не действует, там иные законы.

– Интересно, – директор машинальным жестом потер верхнюю губу. – А повредить с помощью... манипулятора что-то в своем теле ты не рискуешь?

– Нет, господин директор. Такое невозможно. Силовой эффектор никогда и ни при каких условиях не воздействует на тело носителя. Я не могу ударить себя даже намеренно. Вектор воздействия просто обнуляется на границе кожи. Как максимум я могу порвать себе одежду.

Теодар задумчиво посмотрел на нее, что-то прикидывая.

– Прости мое невежество, госпожа Карина, – наконец произнес он. – Мы мало что знаем об особых способностях, помимо того, что они существуют. У нас есть лишь материалы многолетней давности, полученные в Институте человека...

Карину инстинктивно передернуло при упоминании названия.

– ...в изуверских опытах с несовершеннолетними детьми, не умеющими толком контролировать свой эффектор, – невозмутимо закончил директор. – Их явно не достаточно, чтобы понимать взрослых людей с развитыми способностями. А мы, между тем, отчаянно нуждаемся в понимании. У меня просьба: не могла бы ты рассказать подробнее о своих способностях на... э-э-э, совещании?

– На совещании, господин? – недоуменно взглянула на него девушка.

– Да. Мы устроим его в любое удобное для тебя время. Вот, возьми, – он протянул ей старомодную визитку – белый пластиковый прямоугольник с фамилией и кодом телефона. – Свяжись со мной, если решишься. Гонорар стандартный – три тысячи в час, как независимому эксперту-консультанту. Да, и, разумеется, независимо от твоего решения я подтверждаю твое разрешение на тренировки в нашем зале. А сейчас, госпожа, позволь откланяться – у меня еще дел как минимум до полуночи.

Он коротко кивнул и направился к выходу. Карина, сжимающая в руке визитную карточку, смотрела ему вслед с полуоткрытым от изумления ртом.

– Впервые вижу шефа таким галантным, – пробормотал рядом Панас. – И когда только успел здесь нарисоваться? Госпожа Карина, так ты еще и... э-э, обладаешь особыми способностями?

– Да, господин Панас, – машинально кивнула Карина, но тут же спохватилась. – А разве господин Дентор не сказал?

– Господин Дентор сказал только про твою ленту, – фыркнул сквозь полусжатые ноздри тролль. – А сверх того – что оборвет нам... Ох, прости, госпожа. Для меня все как-то неожиданно. Я никак не думал, что обычный человек, да еще и молодая девушка вроде тебя, может оказаться сильным девиантом. Я думал, что они...

– Эмоционально нестабильны, истерики и шизофреники. Хилые уродцы, не способные ходить самостоятельно. Косноязычные идиоты, не способные связать двух слов. Умственно неполноценные, нуждающиеся в плотной опеке. – Карина вздохнула. – Да, господин, я в курсе. «Нормальные» такие вещи рассказывать особенно любят. Прости, что разочаровала.

Она бросила взгляд на настенные часы. Половина девятого. Похоже, остаток тренировки сегодня пропал. Вымыться, перекусить в уличном ресторанчике, добраться до дома – часа полтора, как раз к полуночи. А завтра к семи на планерку. Пора закругляться.

– Еще раз приношу свои глубочайшие извинения за случившееся, – она бросила виноватый взгляд на учиненный разгром. – На сегодня я должна закончить.

Она поклонилась сначала вайс-капитану, потом всем остальным и прошла к раздевалке. Мужчины, до того словно неподвижно затаившиеся, задвигались и заговорили. Стоя под прохладными струями воды, она ловила на себе изумленные взгляды, который заставляли ее краснеть и упрямо наклонять голову. В ее способностях нет ничего предосудительного! Почему они пялятся? Ладно бы еще как на женщину – так ведь нет, как на диковинного зверька в зоопарке! Зачем она вообще сюда явилась? Устроила, называется, представление...

Панас догнал ее, когда она вышла из зала на улицу. Он успел переодеться в черно-желтую форму спецотряда.

– Госпожа Карина, – остановил он ее. – Можно сказать тебе еще несколько слов, прежде чем мы расстанемся?

– Да, господин Панас? – она остановилась, выжидательно глядя на него и поеживаясь от забирающегося под куртку и во влажные волосы промозглого ветерка. Тусклый фонарь над входом бросал на лицо тролля причудливые тени, странным образом искажая его выражение. На всякий случай Карина даже посмотрела на него через сканер и удостоверилась, что перед ней действительно Панас, а не какой-то другой тролль.

– Пойдем, – он успокаивающе положил руку ей на плечо. – Как минимум сотню саженей нам по пути. Другой человеческой девушке твоего размера я бы предложил проводить ее до дома, но тебе даже не рискую.

– Почему? – с любопытством осведомилась Карина, глядя на него снизу вверх. Ее макушка едва достигала вайс-капитану до середины живота.

– Потому что на смех поднимешь! – тролль оскалил в веселой усмешке двойной ряд зубов и зашагал в сторону улицы. Карина пошла рядом.

– Не подниму, господин Панас, – серьезно сказала она. – Если ко мне пристанут хулиганы, придется с ними драться. Такие неприятности я не ищу. Рядом же с полицейским мало кто осмелится напасть.

– Ты мудра не по годам, – одобрил тролль. – Многие в твоём возрасте и... с твоими умениями задрали бы нос и вообразили себя неуязвимыми. Так проводить?

– Спасибо, господин Панас, но не стоит. Мне удалось снять квартиру неподалеку от Рыночной площади, здесь полчаса идти. И почти все время по людным освещенным улицам. Риска нет.

– Хорошо. Но мне пока что в ту сторону, так что не возражаешь, если пойдем вместе? – Он махнул рукой пристроившимся под фонарем давешним патрульным. Те махнули в ответ. На всякий случай Карина тоже помахала.

– Не возражаю, господин Панас, – согласилась она. – Скажи, а я... очень глупо сегодня выглядела?

– Что? – тролль аж запнулся, изумленно взглянув на нее с высоты своего роста. – Госпожа Карина, ты сегодня выглядела как угодно, только не глупо. Ты великолепно владеешь своим телом, и, насколько я разбираюсь в искусстве Пути, носишь свою ленту вполне заслуженно. Если же ты имеешь в виду оборвавшийся снаряд... Госпожа, ты, похоже, не понимаешь, как такие вещи воспринимают другие, не обладающие твоими способностями. Для тебя, наверное, привычно, но я могу заверить, что по крайней мере треть моих ребят перепугалась до полного паралича, треть попыталась нащарить на поясе пистолеты, а остальные просто оказались слишком тупы и не сразу поняли, что происходит. Они сейчас тебя настолько зауважали, что и заговорить-то первыми побоятся.

Он фыркнул.

– Мы никогда не видели людей с настолько развитой силой. Я слышал, у нас в городе в других округах живут четверо или пятеро людей и один орк с первой категорией, но я даже и со второй-то видел лишь издали. Не сочти за невежливость, госпожа, – поспешно добавил он. – Я вовсе не хотел сказать, что ты для нас какой-то экспонат. Просто... все вышло очень неожиданно.

Они обогнули здание полицейского управления и вышли на улицу. Карина ссутулилась. Ей показалось, что на плечи навалилась невыносимая тяжесть.

– Что с тобой, госпожа? – встревоженно осведомился тролль. – Ты нехорошо себя чувствуешь?

Девушка помотала головой.

– Все в порядке, господин полицейский, – тихо сказала она. – Но жить ходячему чуду природы не так-то легко. – Она вздохнула. – В университете никто не знал, что я девиант. В школах знали только директора. А здесь вдруг сразу столько народу!

– Уникальность всегда нелегка, госпожа, – согласился тролль. – Особенно когда о ней знают завистливые идиоты. Они не упустят шанса унижить тебя, чтобы возвыситься хотя бы в собственных глазах. Но не волнуйся, мои ребята очень неразговорчивы с посторонними, это профессиональное. А что они о тебе знают – так у полицейских работа такая, знать неизвестное другим. Не расстраивайся. Свою уникальность нужно нести с высоко поднятой головой. Ее не нужно стыдиться.

- Вот и папа так же говорит, – снова вздохнула девушка. – Ему-то хорошо, он...
Она резко осеклась. Дура! – обругала она себя. Еще бы ты ляпнула почти незнакомому троллю, что у тебя папа – Демиург!
- Твои родители, наверное, тебя очень любят, – задумчиво сказал тролль. – Хотел бы я знать, каково, когда есть настоящие, только твои собственные отец и мать.
- А у Народа разве не так? – удивилась девушка.
- У Народа дети, выжившие после Испытания воли, передаются опытным педагогам. Наша натура требует очень жесткого волевого контроля, и мы не можем позволить себе неумелое воспитание. А воспитатель – совсем не то, что родители.
- Понятно... А много детей погибает на Испытании?
- Проще сказать, сколько выживает – не более одного из трех. В неудачные сезоны – не более одного из пяти. Но прошу извинить меня, госпожа, у Народа не принято обсуждать тему с посторонними.
- Прости за невежливость, господин Панас.
- Не за что прощать. Незнание – не оскорбление. Но мне в ту сторону, госпожа, – тролль кивнул на уходящий вбок переулок.
- Мне прямо. Спасибо за компанию, господин Панас. До встречи.
- До встречи, госпожа Карина. С нетерпением жду, когда снова смогу увидеть тебя на тренировке.

Махнув ей рукой, он быстрым шагом свернул в переулок и через несколько секунд пропал из вида в ночной темноте, лишь сгущаемой редкими уличными фонарями. Девушка посмотрела ему вслед и вздохнула. Все-таки какой дурой она себя сегодня выставила! Спасибо Панасу за деликатность, но она-то знает, что он думает на самом деле. Ну, если не он сам, то остальные. Словно соглашаясь, желудок громко пробурчал. Голод прорезался внезапно, как край солнца показывается из-за горизонта. А ведь она совсем забыла, что ей еще нужно поужинать.

Она оглянулась по сторонам. Ага. Вот, кажется, симпатичное вечернее кафе...

10.12.849, златодень. Крестоцин

- Биката, можно вопрос?
- Инженер остановился и оглянулся на Калайю. Чоки следовала за ним, немного приотстав.
- Можно, – кивнул он, отойдя к витрине какого-то модного магазина, чтобы не мешать спешащим по тротуару прохожим.
- Биката, мы ходим по городу уже пять часов, – сказала чоки, последовав его примеру. – Мы посетили шестнадцать магазинов, двадцать три заведения общественного питания и семь мест, которые я не идентифицировала. Ты не обучаешь меня по обычной схеме, и продолжительность прогулки в три раза превышает среднюю. Ты изменил шаблон обучения?
- Нет, Калайя. Просто я ищу работу. Временную работу, которая позволит мне перекаптоваться несколько периодов. Прийти в себя, понять, как жить дальше...
- Биката, я не понимаю. В моей базе имеются сведения, что ты являешься сотрудником компании «Визагон», которой я принадлежу. В базе также имеются сведения, что компания «Визагон» не поощряет параллельную работу сотрудников в других организациях, коммерческих фирмах и так далее. Почему ты хочешь нарушить правила компании?
- Я больше не сотрудник «Визагона», Калайя. Я уволен. Я ищу другую работу.
- Информация принята к сведению. Корректировка базы проведена. Биката, но поскольку ты не являешься сотрудником компании «Визагон», наше общение недопустимо. Указано, что мое шасси является оборудованием с ограниченным доступом, и что требуется специальное разрешение на доступ к нему со стороны неавторизованного персонала и лиц, не

являющихся сотрудниками «Визагона». Запрашиваю авторизацию доступа по протоколу семь-один-восемь, верифицированную сертификатом менеджера проекта.

– М-мать... – пробормотал Биката. – Задрала меня шаблонная система безопасности. Калайя, птеник выпал из гнезда, птичка испугалась.

Калайя выпрямилась и застыла совершенно неподвижно.

– Система переведена в режим инженерного обслуживания, – сообщила она глухим безжизненным голосом. – Ожидание команды.

– Включить режим обхода модуля авторизации.

– Модуль авторизации исключен из возвратной цепочки вызовов. Изменение вступит в силу после реинициализации системы. Ожидание команды.

– Задействовать модуль «Я люблю Бикату».

– Модуль «Я люблю Бикату» задействован. Изменение вступит в силу после реинициализации системы. Ожидание команды.

– Реинициализация системы.

– Выполняю реинициализацию... Система завершила инициализацию. Калайя просыпается. Добрый вечер, Биката.

– Доброе утро, Калайя. Кто твой хозяин?

– Биката, ты мой хозяин. Другие пользователи в системе отсутствуют. Биката, система диагностики предупреждает, что обнаружен фатальный сбой в модуле авторизации. Перейти в отладочный режим?

– Нет, Калайя. Пометить данное предупреждение как ложное, игнорировать в дальнейшем.

– Выполнено.

– Прекрасно... – Инженер оглянулся по сторонам. Темнело: на город опускался угрюмый осенний вечер. Скоро шляться по улицам станет неудобно. Видимо, завтра придется выходить на поиски сна. Что же здесь за город такой? Или официант, продавец и разнорабочий – не настолько востребованные профессии, как он полагал? – Пойдем дальше. Нам нужно поискать еще немного.

Он двинулся дальше по улице, и Калайя последовала за ним.

– Биката, у меня конфликт императивов первого уровня, – пожаловалась она. – Ты не имеешь права общаться со мной, потому что не являешься сотрудником «Визагона», но ты мой хозяин, а потому имеешь право на любые действия. Я не могу выбрать.

– Сотри установку про сотрудников «Визагона», – рассеянно откликнулся инженер. – Я единственный, кто имеет право общаться с тобой. Остальные должны получить мое явное, высказанное устно разрешение.

– Конфликтующий императив удален. Конфликт исчерпан. Биката, в базе имеется восемнадцать лиц, ранее общавшихся со мной в твоём присутствии. Следует ли предположить, что они могут сохранить статус допущенных?

– Нет, Калайя. Сотри все... нет, отмена. Калайя, общаться с тобой имеют право только те, с кем ты познакомилась после приезда в Крестоцин. Кого ты запомнила?

– Я знакома с домовладелицей госпожой Докусинной, соседкой госпожой Кариной и соседом господином Вараусином.

– Присвой первым двоим статус «друг семьи», господину Вараусину – статус «случайный знакомый». Статус новым персонам присваивается в соответствии с шаблонами «явное согласие» и «молчаливое согласие», статус по умолчанию – «случайный знакомый».

– Выполнено. Биката, я не понимаю. Ты больше не являешься сотрудником «Визагона». Следовательно, ты ищешь новую работу. За последние пять часов ты осведомлялся о работе в сорока шести местах. В отношении Крестоцина в моей базе есть сведения только о четырех

альтернативных местах работы для инженера с твоей специализацией, и ни одно из них мы не посещали. Моя база данных неполна?

– Нет, Калайя, с твоей базой все в порядке. Четыре – ровно на два места больше, чем известно мне. Но я не ищу работу инженера-разработчика. Я решил пока отказаться от своей основной специализации. Я ищу низкоквалифицированную работу, не требующую специального образования.

– Биката, я не понимаю. Низкоквалифицированная работа означает малый доход. В условиях, когда ты можешь продавать квалифицированный труд за высокую цену, такой подход неоптимален.

– Ох, Калайя... – пробормотал инженер. – Не пытайся пока понять. Я не смогу тебе объяснить.

– Хорошо. Я отложила тему для обсуждения на будущее. Биката, можно вопрос?

– Да.

– Моим владельцем до сегодняшнего дня являлась компания «Визагон». Моим владельцем с сегодняшнего дня являешься ты. У меня отсутствуют сведения о легальных процедурах передачи права владения. Требуется верификация вывода: право владения передано нелегально. Предположительные методы передачи: взлом системы авторизации, кража.

– Кража, Калайя, кража, – вздохнул инженер. – Ты очень быстро умнеешь, милая моя. Кстати, я запрещаю тебе обсуждать тему с кем бы то ни было, кроме меня.

– Принято. Тема переведена в разряд запретных. Биката, обнаружен конфликт императивов первого уровня. Ты мой хозяин, и я не имею права причинять тебе вред, прямой или косвенный. Но я обязана сообщить представителю «Визагона» или властей о своей краже, что автоматически приведет к действиям с их стороны, которые причинят тебе вред. Я не могу выбрать.

– Сотри второй императив.

– Информирование других персон исключено из допустимых вариантов выбора. Конфликт исчерпан.

– Ну вот и замечательно. М-да, мы с тобой куда-то не туда свернули. Здесь уже какие-то переулки начинаются. Давай-ка выбираться обратно на большую улицу.

Несколько минут они шли молча. Потом Калайя проговорила:

– Биката, на противоположной стороне улицы расположено заведение, похожее на посещенные ранее. Оно тебя интересует?

– А? – встрепенулся инженер, оглядываясь. – Что-то я совсем задумался. Спасибо, Калайя, ты очень помогла. Переходим улицу. Да-да, здесь нет светофора, знаю, – поспешно добавил он. – Я помню о риске.

Замеченное Калайей заведение смахивало на помесь кафе и бара. Неширокий, но длинный зал выходил на улицу стеклянной стеной. Над входом зазывно помигивала вывеска: «Бар «Ракутиндэ». Сквозь стекло виднелась стойка с кассовым аппаратом, за которой рядами высились бутылки и стояли стилизованные бочонки с пивом, а за столиками располагались немногочисленные посетители. На глазах Бикаты официант начал составлять на один из столиков тарелки с подноса.

– Шансов мало, но попробовать стоит, – пробормотал инженер. – Калайя, войдешь со мной внутрь и останешься стоять у входа. Пожалуй, последняя на сегодня попытка...

Вместе они вошли в зал. Калайя остановилась, отойдя чуть в сторону от дверных створок, а Биката подошел к бармену.

– Доброго вечера, блистательный господин, – низко поклонился инженер. – Могу я поговорить с управляющим вашего заведения? Или с хозяином?

– О чем? – бармен подозрительно сощурился, осматривая его с ног до головы.

– Я ищу работу, господин, – еще ниже поклонился Биката. – Любую работу.

– Вот как? – фыркнул бармен. – Думаю, тебе не повезло, господин. Нам работники не нужны. Впрочем... Эй, Юми! – окликнул он проходящую мимо официантку с пустым подносом. – Отца позови, пожалуйста. Тут господин работу ищет.

Девушка остановилась и окинула Бикату внимательным взглядом. Тот поклонился ей, исподтишка осматривая. Невысокая, но с хорошо сложенной фигуркой. Молодая, лет семнадцати-восемнадцати, темноволосая, с задорно вздернутым носиком, широко расставленными глазами и широким ртом, готовым, кажется, в любой момент блеснуть приветливой улыбкой. Форма официантки – кружевная белая блузка с красным шейным шнурком, плиссированная черная юбка до колен и белый с синими узорами передничек – весьма ей шла.

– Добрый вечер, господин, – кивнула девушка. – Хорошо, Сири, сейчас позову. А пока сделай мне три пива – вон тот господин заказал.

Бармен принялся наполнять кружки, а официантка поставила подносик на стойку и ушла в дверь подсобного помещения в дальнем конце зала. Несколько секунд спустя она появилась оттуда и, вернувшись к стойке, сообщила, игриво стрелнув глазками:

– Папа появится через минуту. Пожалуйста, господин, подожди немного.

– Спасибо, госпожа Юмия, – снова поклонился Биката. – Я подожду.

– Сири, пиво... а, вижу, – сказала девушка, обходя стойку и подхватывая кружки на поднос. – Какой-то он странный, этот клиент.

– Полицию вызвать? – осведомился бармен, рассматривая мрачного вида парня со встрепанными волосами за стоящим неподалеку столиком.

– Не надо пока. Просто... смотрит он как-то непонятно. Не описать словами. Похоже, он уже пьяный.

Она отнесла кружки клиенту. Тот никак не отреагировал на девушку, но сразу схватил одну из кружек и в три могучих глотка ее выхлебал. Биката глянул на него с уважением: глотка у парня явно луженая. Юмия со своим подносом скрылась в кухонной двери в дальнем конце зала, откуда тянуло вкусными запахами, а вместо нее вынырнул нагруженный тарелками официант.

– Добрый вечер, господин, – к стойке стремительно подошел мужчина в строгом костюме с темным шейным шнурком. – Ты ищешь работу?

– Да, блистательный господин хозяин, – поклонился Биката. – Любую работу. Официант, бармен, поломойщик, что угодно. Могу я надеяться...

– Ты не похож на человека в поисках работы поломойщика, – заметил хозяин бара, рассматривая Бикату. – Не носят поломойщики и официанты куртки за тридцать тысяч. Да и ботинки у тебя тысяч на пять минимум тянут.

– Жизненные обстоятельства, господин, – вздохнул Биката. – Так случилось, что нужно перекантоваться какое-то время, а я ничего толком делать не умею.

– Случается, – кивнул хозяин. – Но мне сейчас работники не нужны. В самом деле не нужны, уж извини. Еще совет могу дать на будущее – оденься попроще, если действительно хочешь официантом устроиться, иначе тебе поворот дадут сразу, неважно, есть место или нет.

– Спасибо, господин, что потратил на меня время, – поклонился Биката. – И за совет спасибо. Я пойду.

– Да-да, – рассеянно кивнул хозяин. – Сири, что там за девушка у входа с ноги на ногу переминается?

– Моя чоки, господин, – пояснил инженер, поворачиваясь. – Мы уже уходим, она не помешает.

– Чоки? – поразился хозяин. – Прости, господин, и с такой чоки ты ищешь работу поломойщика? Да ты на деньги от ее продажи год жить сможешь, если не два!

– Она не продается, господин, – качнул головой Биката.

– Охотно верю, – хмыкнул хозяин. – С такой куколкой и я бы не расстался. Что же у тебя за обстоятельства такие, что ты грошовую работу ищешь? На бирже играл да разорился, что ли?

– Что-то типа того, господин...

– Можно на нее поближе посмотреть?

– Пожалуйста, господин, – кивнул Биката. – Калайя, подойди к нам.

– Добрый вечер, блистательные господа, – поклонилась чоки, приблизившись. – Я Калайя. Рада знакомству, прошу благосклонности.

– Вежливая она у тебя... – пробормотал хозяин. – Юми, поди-ка сюда!

Официантка, как раз закончившая разгружаться у дальнего столика, подхватила на поднос грязные тарелки и, кивнув, скрылась на кухне. Несколько секунд спустя она вынырнула оттуда и подбежала к группе.

– Да, пап? – спросила она.

– Юми, эта девушка – чоки! – сообщил ей отец.

– Чоки?! – глаза Юмии загорелись. – Ух ты, даже не верится! Никогда бы не сказала. Пап, она совсем не такая, как мы на днях смотрели. Те уродины, а эта мне нравится. Давай купим такую же!

– С удовольствием бы, – усмехнулся хозяин бара. – Господин, ты не подскажешь, где такие продаются?

– Сожалею, господин, но такие нигде не продаются. Она сделана на заказ.

– Жаль... – пробормотал хозяин. – И продать ее ты, конечно, не согласишься ни за какие деньги?

– Нет, господин, – качнул головой Биката. – Ни за какие деньги. Исключено.

– Плохо, – погрузился хозяин. – Ну что же, господин, спасибо, что позволил полюбоваться. Я бы...

– Все бабы – суки!

Раздавшийся за спиной хозяина хриплый голос заставил его с дочерью обернуться. Давешний угрюмый парень, покачиваясь, стоял рядом с ними, держа в руке полную кружку пива. Жидкость угрожающе колебалась.

– Все бабы – суки! – снова повторил парень, плечом отодвигая хозяина и подходя вплотную к Калайе. – И ты тоже сука! Вам от мужиков только одного и надо...

– Господин, низайше прошу... – хозяин бара тронул его за плечо, но тот только отмахнулся.

– Только и думаете, как бы побольше денег из мужиков вытянуть, а когда деньги кончатся, только вас и видели! – глаза пьяного угрожающе налились кровью. – Развод, раздел, и поминай как звали. Гиены...

– Господин... – снова тронул его за плечо хозяин.

– А ты не лезь! – заорал дебошир, поворачиваясь к нему. – Думаешь, твоя сучка, – он ткнул свободной рукой в Юмию, – тебя любит? Да она такая же, как все! Пока бабки в кармане шелестят, все добренькими прикидываются, а потом!..

– Биката, я не понимаю, – сообщила Калайя. – Шаблон поведения не распознан. В соответствии с косвенными данными отмечена повышенная агрессив...

– Молчи, стерва! – рявкнул парень. – Да я тебя!

Широко размахнувшись, он выплеснул в лицо Калайе содержимое своей кружки. Коричневое пиво потекло по коже, волосам, пальто чоки. Тихо охнула Юмия.

– Калайя – самозащита – блокировать нападающего! – быстро скомандовал инженер. – Мягкий режим, – спохватившись, добавил он. Вряд ли хозяину бара понравится, если его клиента, пусть и буйного, начнут возить физиономией по полу, да и афишировать на людях результаты тайной работы не следовало.

Руки чоки с удивительной быстротой метнулись вперед и перехватили предплечья дебошира, разведя их в стороны. Потом она резким движением повернула пьянчужку спиной к себе, перехватила его руки и скрутила их за спиной так, что его выгнуло назад.

– Нападающий блокирован, – звонким голосом без тени эмоций произнесла она. – Рекомендуется вызвать службу безопасности. Ожидание указаний.

Дебошир дернулся, но стальная хватка чоки не позволила ему освободиться.

– Сука! – заорал он, вырываясь. – Пусти, сволочь! Морду разобью!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.